

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Май 2022 Том 21 № 2

Специальная тема номера:
РОССИЯ И ПРИБАЛТИКА В XX ВЕКЕ

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 21 No 2 MAY 2022

Special Theme of the Issue:
RUSSIA AND THE BALTICS IN THE 20TH CENTURY

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-2

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 24.05.2022. Выход в свет 31.05.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14,35. Тираж 500 экз. Заказ № 423. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Irena Vladimirska, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor K.V. Zenkin

Translation Editor E.A. Paymakova

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редактор перевода Е.А. Паймакова

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

RUSSIA AND THE BALTICS IN THE 20TH CENTURY

Alexander Malnach Between Ethnicity and Professionalism: Problem of Personnel in the Establishment of the Latvian Conservatory in 1919–1921	148
Iskander Magadeev Role of the Baltic States in Soviet-French Relations during the Non-recognition Period, 1919–1924	161
Aleksandr Rupasov Augustinas Voldemaras and Soviet-Lithuanian Relations in 1926–1929	177
Kirill Boldovskiy, Nikita Pivovarov Cadres Issue in the Post-war Baltic Republics: Characteristics and Solution	190
Elena Kamaeva (Bureeva) Protest Sentiments of Estonian Students in 1967–1968: on the Documents of the Komsomol Central Committee	204

SOURCES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH

Dmitry Didenko Model Calculations of Home Education Scale: The Case of Yaroslavl Province in the Late 18 th – Early 20 th Century	218
Maria Smirnova Autobiographical and Epistolary Heritage of the Merchants of the Regions of Russia: The Latest Research Areas and Perspectives of Study	233
Liudmila Ryabova, Eugene Petrov, Anatoly Ryabov Interdisciplinarity in the Structure of Modern Methodology of History	244
Irina Sabennikova Personal Archives and Their Transformation in Digital Era	251

ARTICLES

Deniss Hanovs, Valdis Teraudkalns Political Theology of Baroque Ruler: The Case of the Coronation Book of Empress Elizabeth of Russia	258
Pavel Muravlev Phenomenon of Corruption in Legislation and Perception of the Russian Nobility of the Second Half of the 18 th – First Quarter of the 19 th Century	275
Igor Kotin, Nina Krasnodembkaya, Elena Soboleva Delivery of Museum Collections to the USSR during the Period of Sanctions: The Experience of the Museum of Anthropology and Ethnography in the 1920s	288

BOOK REVIEW

Yuri V. Popkov <i>Review of Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]</i> by Ch.K. Lamazhaa, and N.D. Suvandii, eds. Kyzyl, 2021. 188 p.	300
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ПРИБАЛТИКА В XX ВЕКЕ

Александр Малнач Между этничностью и профессионализмом: проблема кадров в становлении Латвийской консерватории в 1919–1921 гг. 148

Искандэр Магадеев Роль стран Балтии в советско-французских отношениях периода непризнания, 1919–1924 гг. 161

Александр Рупасов Аугустинас Вольдемарас и советско-литовские отношения в 1926–1929 гг. 177

Кирилл Болдовский, Никита Пивоваров Кадровый вопрос в послевоенных прибалтийских республиках: характеристика и решение 190

Елена Камаева (Буреева) Протестные настроения студенческой молодежи Эстонии в 1967–1968 гг.: по документам ЦК ВЛКСМ 204

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дмитрий Диденко Модельные расчеты масштабов домашнего образования на примере Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX в. 218

Мария Смирнова Автобиографическое и эпистолярное наследие регионального купечества России: новейшие направления и перспективы изучения 233

Людмила Рябова, Евгений Петров, Анатолий Рябов Междисциплинарность в структуре современной методологии истории 244

Ирина Сабенникова Личные архивы и их трансформация в эпоху цифровизации 251

СТАТЬИ

Deniss Nanovs, Valdis Teraudkalns Political Theology of Baroque Ruler: The Case of the Coronation Book of Empress Elizabeth of Russia 258

Павел Муравлев Феномен коррупции в законодательстве и восприятии российского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. 275

Игорь Котин, Нина Краснодембская, Елена Соболева Доставка музейных коллекций в СССР в период санкций: опыт Музея антропологии и этнографии 1920-х гг. 288

РЕЦЕНЗИЯ

Юрий Попков Рецензия на книгу: Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. Кызыл, 2021. 188 с. 300

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-148-160>

Научная статья / Research article

Между этничностью и профессионализмом: проблема кадров в становлении Латвийской консерватории в 1919–1921 гг.

Александр Дмитриевич Малнач

Институт русского культурного наследия Латвии, Рига, Латвия

✉ amalnach@gmail.com

Аннотация: Впервые в русскоязычной историографии исследуется соотношение двух подходов – этнического и профессионального – при формировании педагогического коллектива Латвийской консерватории в первые годы ее существования (1919–1922). Базой исследования служат материалы периодики, письма директора консерватории Язепа Витолса, а также документы делопроизводства Латвийской консерватории, отложившиеся в фонде консерватории в Латвийском государственном архиве и в фонде Министерства образования Латвийской Республики в Латвийском государственном историческом архиве. Определяются задачи, которые государство и собственно руководство ставило перед консерваторией, а также доминантные принципы подбора кадров. Автор выявляет фундаментальное противоречие между стремлением сделать консерваторию как можно более латышской и необходимостью достичь, а достигнув, удержать планку высшей музыкальной школы европейского уровня. Автор приходит к выводу, что политические обстоятельства и национальные устремления препятствовали формированию педагогического коллектива консерватории на строго профессиональных началах. В свою очередь, требование обеспечения качества преподавания вынуждало прибегать к услугам музыкантов-нелатышей и тем самым ограничивало проявления латышского национального эгоизма. При этом главным резервуаром кадров для Латвийской консерватории, как латышских, так и инонациональных, в послереволюционные годы служила Советская Россия.

Ключевые слова: Прибалтика, культурное строительство, революция, гражданская война, национализм, русская послереволюционная эмиграция

Для цитирования: Малнач А.Д. Между этничностью и профессионализмом: проблема кадров в становлении Латвийской консерватории в 1919–1921 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 148–160. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-148-160>

Between Ethnicity and Professionalism: Problem of Personnel in the Establishment of the Latvian Conservatory in 1919–1921

Alexander D. Malnach

Institute of Russian Cultural Heritage of Latvia, Riga, Latvia

✉ amalnach@gmail.com

Abstract: For the first time in the Russian-language historiography, there is examined the correlation of two approaches – ethnic and professional – in the formation of the teaching staff of the Latvian Conservatory in the first years of its existence (1919–1922). The research is based on materials of periodicals of that and later periods, letters from conservatory director Jazep Vitols, as well as documents of

the Latvian Conservatory record stored in the conservatory fund in the Latvian State Archives and in the fund of the Ministry of Education of the Republic of Latvia in the Latvian State Historical Archives. The article considers the tasks that the state and its leaders set for the conservatory, as well as the dominant principles of staffing. The author reveals a fundamental contradiction between the desire to make the conservatory in the Latvian style and the need to set and keep a high bar of the higher music school of the European level. The author comes to the conclusion that the political circumstances and national aspirations hindered the formation of the teaching staff of the conservatory on a strictly professional basis. In turn, the requirement to ensure a high quality of teaching forced the conservatory to resort to services of non-Latvian musicians and thereby limited the manifestations of Latvian national egoism. At the same time, in the post-revolutionary years it was Soviet Russia that served as the main source of staff for the Latvian Conservatory, both Latvian and foreign.

Keywords: Baltic States, cultural construction, revolution, Russian civil war, nationalism, Russian post-revolutionary emigration

For citation: Malnach, A.D. “Between Ethnicity and Professionalism: The Problem of Personnel in the Establishment of the Latvian Conservatory in 1919–1921.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 148–160. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-148-160>

Введение

Латвийская консерватория – одно из двух высших художественных учебных заведений, возникших в 1919 г. в Латвии. Впервые намерение основать в Риге консерваторию выразило правительство Советской Латвии в апреле 1919 г., видя во главе нового учреждения композитора, профессора Петроградской консерватории Язепа Витолса¹. Реализован этот замысел был только осенью 1919 г., уже под эгидой буржуазного временного правительства, но с тем же Витолсом в качестве директора².

Литература о Латвийской консерватории в период между двумя мировыми войнами носит преимущественно мемуарный характер³. Издания, опирающиеся на более широкий круг источников, вышли в XXI в. В 2006 г. латвийский исследователь Улдис Силиньш⁴ опубликовал значительную часть переписки Язепа Витолса 1919–1944 гг., в которой затрагиваются и темы, связанные с консерваторией. Он проделал большую работу, снабдил письма многостраничными комментариями, не избежав, однако, известной тенденциозности, неточностей и ошибок. В 2020 г. увидела свет монография латвийского музыковеда Дианы Зандберги⁵ по истории кафедры фортепиано Латвийской музыкальной академии им. Я. Витолса, первая часть которой охватывает интересующий нас период, но освещает лишь одно направление деятельности Латвийской консерватории. На русском языке в 2018 г. под одной обложкой с воспоминаниями музыковеда Л.Э. Красинской вышла монография А.Д. Малнача «Лия Красинская и ее время»⁶, две главы которой посвящены Латвийской консерватории 1920–1930-х гг., но и в ней интересующие нас сюжеты не раскрываются достаточно полно.

Данная статья является первой в русскоязычной историографии попыткой рассмотреть такую чувствительную и сложную тему, как соотношение двух подхо-

¹ Малнач А. Д. Вспоминая непринятое: Язеп Витолс в первые годы советской власти // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 3. С. 631.

² Малнач А. Д. «Мне дана пощечина...»: Язеп Витолс и основание Латвийской консерватории // Клио. 2022. № 2. С. 178–187.

³ Grāvītis O. Jāzeps Vītols un latviešu tautas dziesma. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 1958.; Vītoliņš J., Krasinska L. Latviešu mūzikas vēsture. Rīga, 1972. I sējums.; Vēriņa S. Jāzeps Vītols – komponists un pedagogs. Rīga: Avots, 1991.

⁴ Siliņš U. Dziesmai vieni gala nava. Jāzeps Vītols savās un laikabiedru vēstulēs 1918–1944. Rīga, 2006.

⁵ Zandberga D. Jāzeps Vītola Latvijas Mūzikas akadēmijas Klavieru katedra (1919–2019). Rīga, 2020.

⁶ Малнач А. Д. Лия Красинская и ее время // Красинская Л.Э. Так было. Этюды из моей жизни. Рига, 2018. С. 297–621.

дов – этнического и профессионального – при формировании педагогического коллектива Латвийской консерватории. Для ее написания привлечены материалы периодики того и более позднего времени, опубликованные У. Силиньшем письма Я. Витолса, а также документы делопроизводства Латвийской консерватории, отложившиеся в фонде консерватории в Латвийском государственном архиве (ЛГА. Ф. 1655) и в фонде Министерства образования Латвийской Республики в Латвийском государственном историческом архиве (ЛГИА. Ф. 1632). В центре нашего внимания оказываются, во-первых, задачи, ставившиеся перед консерваторией, и, во-вторых, кадровый состав и те принципы, которых придерживалось государство и руководство консерватории при подборе кадров. На каждом этапе развития Латвийской консерватории наблюдались различия в задачах и, соответственно, средствах их достижения. Хронологические рамки исследования ограничены 1919–1922 гг., то есть периодом институционализации и становления учебного заведения. Такой непродолжительный временной охват тем не менее позволяет выявить тенденции, характерные для всего межвоенного периода в истории Латвийской консерватории и всего Латвийского государства.

Постановка задач Латвийской консерватории при ее возникновении

Рождение и первые шаги Латвийского государства и Латвийской консерватории отчасти совпадают по времени, направленности и содержанию. В процессе своего исторического развития, в границах, предусмотренных Рижским мирным договором 1920 г., Латвия сложилась как многонациональное государство, причем русская община отличалась многочисленностью, а немецкая и еврейская общины – большим экономическим и культурным весом. Проживали на территории Латвии и представители иных национальностей. На первых порах внутривнутриполитическая обстановка и внешнее давление побуждали временное правительство считаться с интересами национальных меньшинств. С одной стороны, «без поддержки меньшинств латышам трудно было рассчитывать на сохранение совсем еще хрупкого государства»⁷, с другой – уступок требовали и добились союзники в лице Англии, Франции и США, без поддержки которых правительство Ульманиса не могло получить и удержать власть⁸. По настоянию Антанты, в июле 1919 г. было реорганизовано временное правительство: в него вошли представители немецкого и еврейского меньшинств⁹.

Вопрос об основании консерватории временное правительство буржуазной Латвии рассматривало дважды. На заседании 6 августа 1919 г. кабинет министров «в принципе признал необходимым предоставить со стороны государства поддержку» высшей музыкальной школе в числе других учреждений культуры¹⁰. Соответственно, 20 августа 1919 г. правительство назначило «директором Латвийской Консерватории проф. Я. Витолса»¹¹, чем и объявило о ее создании.

Назначение Витолса директором Латвийской консерватории не имело альтернативы. Латышский композитор Язеп Витолс¹² (1863–1948), выпускник Санкт-Петербургской консерватории, ученик Н.А. Римского-Корсакова, по окончании учебы был оставлен для преподавания и проработал в alma mater 32 года, из которых 17 лет в

⁷ *Фейгмане Т.* Русские в довоенной Латвии. Рига, 2000. С. 247.

⁸ *Štīpols V.* Ārvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulisēs. 1918–1920. Rīga, 1967.

⁹ *Dunsdorfs E.* Kārļa Ulmaņa dzīve. Rīga, 1992.

¹⁰ ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 103. Л. 2 об. Здесь и далее перевод с латышского мой – *А.М.*

¹¹ Там же. Л. 4 об. – 5.

¹² Многообразные варианты произнесения и написания имени композитора отражают мультикультурный характер его творческой личности в меняющемся времени: Joseph Wihtol, Jāzeps Vītols, Иосиф Иванович Витоль, Йозеф Янович Витол, Язеп Витол, Язепс Витолс и др.

звании профессора. В 1919 г. Витолса окружал ореол высшего авторитета в ряду латышских музыкальных деятелей своего времени¹³.

Манифесты и декларации в связи с открытием консерватории не публиковались. В прессе вопрос не дебатировался, если не считать упоминания в печати проекта объединения будущей высшей музыкальной школы и уже существовавшей на тот момент частной «Латышской оперы» (*Latvju opera*), которая авторам проекта – группе латышских музыкантов во главе с Витолсом – виделась государственным учреждением¹⁴. Этот замысел не осуществился, но именно он служит точкой отсчета при выяснении задач, которые ставились перед Латвийской консерваторией ее создателем. Раскрывает их меморандум, составленный Витолсом в июле 1919 г. В нем композитор указывал на «пробел, который в большой мере задерживает успешное развитие нашего (латышского. – А.М.) музыкального искусства», а именно отсутствие «достойной своих высоких задач музыкальной школы»¹⁵. Этот пробел, по мнению Витолса, образовался в силу отрыва от таких «больших центров искусства», как Петроград и Москва, в которых прежде

наше молодое поколение получало исчерпывающее образование по всем отраслям искусства. Мировые потрясения последних лет разорили эти центры образования, в мгновение ока превратилось даже сообщение с ними, и у нашей молодежи отнята какая-либо возможность приготовиться к своим задачам по строительству культуры Латвии¹⁶.

Поскольку под «строительством культуры Латвии» подразумевалась прежде всего подготовка специалистов для нужд национального оперного театра, зародышем которого служила «Латышская опера», то изначально консерватория мыслилась как вспомогательное учреждение, необходимое для успешного функционирования национальной оперы, а именно как кузница кадров для оперной сцены и оркестровой ямы.

9 сентября 1919 г., когда Витолс приступил к формированию коллектива консерватории, на первом заседании педагогического совета, собравшем музыкантов-латышей, задача, поставленная перед советом, была обрисована в самом общем виде. Присутствовавшим было предложено принять активное участие в основании «первой Консерватории Латвии», дабы

та превратилась в важный художественный и культурный фактор нашего нового национального государства¹⁷.

Немногим более внятно был сформулирован и государственный заказ. Отвечая на приветствие Витолса по случаю первой годовщины провозглашения Латвийского государства 18 ноября 1918 г., глава временного правительства К. Ульманис писал:

Ужасы, которые грозили латышской национальной культуре от неприятеля, устранены. Свободные латышские искусство и наука смогут расцвести в свободной Латвии, создавая новые самобытные ценности в духовной жизни всего света. Во второй год существования Латвийского государства желаю Латвийской консерватории успехов в ее важной работе в возделывании нашего национального искусства¹⁸.

¹³ Klotiņš A. Jāzeps Vītols kā mūzikas fundamentālists un universālists // *Letonica*. Rīga, 2013. № 25. P. 95.

¹⁴ *Latvju operas un konservatorijas leetā* // *Baltijas Vēstnesis*. 1919. 24. jūl.

¹⁵ ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 666. Л. 79.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Д. 1245. Л. 20.

Согласно утвержденным в декабре 1919 г. «Основным положениям устройства Латвийской консерватории» «прямой задачей» учебного заведения объявлялось

воспитание композиторов, художников-исполнителей и педагогов, а также содействие популяризации музыкального искусства, особенно устройством концертов¹⁹.

В публицистике того времени Витолс, однако, обходил молчанием эти «прямые задачи», совершенно лишённые национальной формы и содержания. Возможно, они казались ему слишком отвлеченными для широкой публики, политически недостаточно заостренными и, следовательно, непривлекательными для нее. В статье «Латвийская Консерватория» ее новоиспеченный директор повторил тезис об отсутствии «у нашей молодежи» возможности получения «образования в художественных центрах России»²⁰, что представляло открытие консерватории уже политически значимой акцией.

В относящейся к этому же периоду статье «От Карлиса Бауманиса до Национальной Оперы», проследив историю развития латышской музыки от истоков до начала 1920 г., Витолс именно в создании национальной оперы и консерватории усматривает цель и средство самоутверждения латышского музыкального искусства внутри страны и за ее пределами. Вторя вышеприведенным словам К. Ульманиса, композитор писал:

Вскоре сбудется мечта народа: «Банюта» Калныньша (первая латышская опера. – *А.М.*) ожидает своей премьеры в Национальной Опере. Наши молодые музыканты больше не торят далекие пути в чужие центры образования. Латвийская консерватория объединила большую часть латышских художников, число воспитанников достигло 350. Свободные латыши в свободной Латвии – мы теперь сражаемся за достойное место в концерте мирового искусства. И завоюем его!²¹

Таким образом, не углубляясь в детали, руководство страны и консерватории во всеуслышание говорило о необходимости объединения под одной крышей профессиональных музыкантов латышской национальности и музыкально одаренной латышской молодежи с целью создания и укрепления национальной школы, призванной готовить музыкантов-виртуозов, достойных блистать на домашних и покорять мировые сцены, и композиторов, способных создавать латышский репертуар, на равных конкурирующий с продукцией иных национальных музыкальных школ. Вместе с тем и политики, и музыканты во главе с Витолсом понимали, что перед консерваторией прежде всего стоят чисто профессиональные задачи: подготовка академически образованных музыкантов, и популяризация музыкального искусства. С самого начала в работе Латвийской консерватории проявилось противоречие между количественным и качественным подходами: показателем взятых на госслужбу латышских музыкантов и принятых в высшую музыкальную школу латышских юношей и девушек, с одной стороны, и результирующей педагогических достижений, с другой, когда главным мерилom становились успехи консерваторцев на оперных и концертных подмостках.

В поиске баланса «консерваторских и национальных интересов»

Поначалу ожидания самих музыкантов, музыкальной общественности и правительства в основном совпадали. Так, композитор и музыкальный критик Юлий Спрогис в репортаже с церемонии официального открытия «первой Латвийской консерватории» 11 января 1920 г. в полном единодушии с ее основателем отмечал,

¹⁹ ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 171. Л. 60.

²⁰ *Wihtols J.* Latvijas Konzervatorija // *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts* 1920. № 1. P. 73.

²¹ *Wihtols J.* No Baumaņu Karļa līdz Nacionalai Operai // *Vaiņags*. 1920. № 3. P. 137.

что «теперь наша молодежь сможет учиться тут же в Риге»²². Однако строго провести принцип этничности (национальности, как тогда выражались) в действительности не представлялось возможным.

В борьбе за существование временное правительство К. Ульманиса вынуждено было считаться с интересами и мнением национальных меньшинств. Консерватория не могла оставаться в стороне от политических веяний. Даже не получив еще официального назначения, но уже в мыслях подбирая себе ближайших сотрудников, Витолс в частном письме от 9 августа 1919 г. писал: «...Наверно, будут Йозуус и Лаздиньш, от немцев Ганс Шмидт»²³. Стоявший у истоков консерватории, в будущем ее проректор, виолончелист Альфред Озолиньш вспоминал десятилетия спустя:

Когда начали думать о начале работы, то <...> пригласили от немецких аристократических кругов видную пианистку Анни Соколовски, чтобы не возник какой-нибудь «раскол» в обществе²⁴.

Создавая консерваторию в Риге, одном из центров немецкой культуры, трудно было обойтись без участия самих немцев как в качестве ее воспитанников, так и в роли воспитателей. При всем желании Витолс не смог бы укомплектовать педагогический коллектив силами одних латышей, недостаток которых он хорошо осознавал. Так, в статье о Николае Алунане, характеризуя деятельность последнего в предвоенный период, Витолс отмечал стремление своего старшего товарища «основать “образцовый хор”, который превосходил бы все прочие», забывая, что

в Риге совершенно отсутствуют подготовленные элементы для такого хора в смысле, как голо-сов, так и, главное, интеллигентности²⁵,

а также его намерение

создать свою «образцовую музыкальную школу», снова забывая, что для нее надо подготовить почву²⁶.

Консерватория создавалась Витолсом не на пустом месте. До войны в Риге работали различные музыкальные школы, в частности, основанная в 1904 г. школа Рижского отделения Русского музыкального общества, и для ее преобразования в консерваторию, по мнению латышского музыковеда Екаба Витолиньша, в предвоенные годы уже «созрели обстоятельства»²⁷. Учебное заведение прервало работу в годы войны, но многие педагоги, прежде всего немецкой национальности, оставались в Риге. С другой стороны, в условиях революции и гражданской войны в России Рига, оказавшаяся в зоне немецкой оккупации, затем под контролем Антанты и ставшая, наконец, столицей независимого Латвийского государства, притягивала антисоветски настроенную часть русской интеллигенции латышского и нелатышского происхождения. Витолс впоследствии писал:

Мало-помалу стеклись в Ригу почти все латыши, которые пели, играли, сочиняли; впереди уже находился персонал ликвидированной Рижской Императорской музыкальной школы. Только благодаря этому наплыву появилась возможность уже в первом учебном году составить почти полный [штат] учительских кадров²⁸.

²² *Sproģis J.* Latvijas konservatorijas atklāšana // *Vaiņags*. 1920. № 1. P. 45.

²³ *Siliņš U.* Dziesmai vieni gala nava. Rīga, 2006. P. 50.

²⁴ *Ozoliņš A., Plosniece G.* Latvijas konservatorijas sākumi // *Latvju Mūzika*. 1985. № 15. P. 1457.

²⁵ *Wihtols J.* Nikolajs Allunans kā cilvēks un muziķis // *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts*. 1920. № 3. P. 242.

²⁶ *Ibid.* P. 243.

²⁷ *Vītoļiņš J.* Rīgas mūzikas dzīve // Rīga. 1860–1917. Rīga, 1978. P. 394.

²⁸ *Wihtols J.* Pārskats 1919–1929 // *Latvijas Konservatorija 1919–1929*. Rīga, 1930. P. 17.

Но, разумеется, не из одних латышей. Уже пребывая в должности проректора консерватории, А. Озолиньш признавал это в статье, посвященной 20-летию учебного заведения:

Не так гладко шло в первый учебный год с формированием кадров учебных сил. Руководству консерватории все же удалось привлечь на педагогическое поприще почти всех видных латышских музыкальных деятелей, бывших в Риге, но их одних не хватало. Отсутствовали специалисты по многим отраслям. Пришлось звать на помощь чужеродцев²⁹.

Витолсу приходилось заботиться о качестве преподавания в консерватории не меньше, чем о трудоустройстве соплеменников. В этом стремлении он мог опереться на поддержку части общества. Так, Ю. Спрогис, приветствуя первые шаги консерватории, тут же делился опасениями за ее будущее. Отметив «такие силы, как проф. Л. Бетыньш и проф. Я. Витолс», критик продолжал:

Еще неизвестно, что может вырасти из нынешней новой семьи педагогов. Это неоспоримая истина, что во всех известных консерваториях мира есть различные достойные силы, но есть и такие, которые сами совершенно не владеют своим инструментом. Несомненно, такие педагоги портят своих учеников и повергают их в такое же точно отчаяние, какое сделало педагогами их самих³⁰.

Трудно согласиться с утверждением Софии Верини, что в выборе педагогов Витолс руководствовался профессиональным мастерством каждого³¹. Впоследствии сам Витолс признавал, что «в подборе учебных сил вначале многое подчинялось власти случайности»³². Ситуация осложнялась тем, что директор консерватории не решал кадровые вопросы единолично, будучи связан волей педагогического совета, а совет состоял из творческих личностей разного калибра, порой не чуждых ревности к успехам коллег, как действующих, так и еще больше – потенциальных. Не всегда Витолсу удавалось настоять на своем видении пользы дела. Композитор вспоминал:

Привлечение учебных сил, уже начиная с первого заседания совета, перешло в ведение самого совета. Приглашая учебные силы, естественно в первую очередь выискивали признанных мастеров и педагогов латышской национальности, не вставая все же на узко-национальную стору. <...> Для некоторых инструментов, по иной специальности даже не хватало представителя-латыша³³.

С другой стороны, отмечал Витолс,

некоторым приглашенным мною художникам-латышам не хватило духу или желания сотрудничать в новом, еще непроверенном учреждении³⁴.

К примеру, профессор Московской консерватории Л. Бетыньш так и не приступил к исполнению своих обязанностей в классе фортепиано, а зазываемые в консерваторию Харий Оре и Альфред Калныньш по разным причинам и под разными предложениями отклонили приглашение. Так, в январе 1920 г. совет уполномочил Витолса предложить проживавшему в Китае Х. Оре место преподавателя по классу фортепиано и теории композиции³⁵. Витолс писал на имя министра образования:

²⁹ *Ozoliņš A.* Latvijas konservatorija 20 gadus // *Raksti un Māksla.* 1940. № 2. P. 156.

³⁰ *Sproģis J.* Latvijas konservatorijas atklāšana. P. 45.

³¹ *Vēriņa S.* Jāzeps Vītols. Rīga, 1991. P. 121.

³² *Wihtols J.* Latvijas konzerwatorija 15 gadu darba gaitās // *Jaunākās Ziņas.* 1935. № 9. 11. janv.

³³ *Wihtols J.* Pārskats 1919–1929. // *Latvijas Konservātorija 1919–1929.* Rīga, 1930. P. 17.

³⁴ *Wihtols J.* Latvijas konzerwatorija 15 gadu darba gaitās...

³⁵ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

В Шанхае находится один из наиболее одаренных наших музыкантов – композитор и пианист Харий Оре. В Латвийской Консерватории сильно чувствуется недостаток первоклассных учебных сил. Поэтому <...> обращаюсь с просьбой поднять в правительстве вопрос об отзыве Оре на службу в Латвийскую Консерваторию³⁶.

По каналам латвийского МИДа Оре получил приглашение прибыть в Латвию летом 1920 г., но ответил отказом:

Очень благодарен за эту честь и надеюсь, что также и спустя несколько лет буду нужен латвийскому искусству, поскольку не нахожу возможным отъезд отсюда³⁷.

В свою очередь, органист и композитор А. Калныньш дважды получал приглашение совета «вступить в ряды педагогов Латвийской Консерватории» и дважды отказывался³⁸.

Напротив, совет по возможности препятствовал привлечению в консерваторию музыкантов-нелатышей. Так, под предлогом отсутствия вакансий было отказано в месте писавшему 21 января 1920 г. из Гельсингфорса (Хельсинки) органисту Курту Рески³⁹. В мае 1920 г. совет удовлетворил просьбу о приеме на работу со стороны проживавшего в Москве композитора и музыкального теоретика Георгия Львовича Катуара и пианиста-латыша Николая Дауге⁴⁰. При этом Дауге выплатили 4 тыс. латвийских рублей в возмещение части расходов на переезд из Пензы в Ригу.

В этом случае консерватория действовала единственно с точки зрения консерваторских и национальных интересов, приглашая латышей работать в государственной консерватории из России и других земель,

объяснял Витолс Госконтролю причину чрезвычайных расходов⁴¹. А Г.Л. Катуар остался в России и до своей смерти в 1926 г. преподавал в Московской консерватории.

Получили от совета отказ певцы Дукмасов, Герасимов и скрипач Соколовский⁴². Проигнорировал совет и предложение, поступившее 20 сентября 1919 г. от проживавшей в Риге свободной художницы Доры Германовны Литвин-Браун, матери в будущем известного пианиста Германа Брауна. Ей не помогла даже рекомендация А.К. Глазунова, отмечавшего прекрасную школу игры соискательницы и ее большой педагогический опыт⁴³.

Без удовлетворения осталась просьба виолончелиста Николая Доброхотова, проживавшего в тот момент в Финляндии⁴⁴. Ему совет предпочел другого кандидата. На заседании 31 августа 1920 г. класс виолончели решили доверить профессору Киевской консерватории Фридриху Вильгельмовичу фон Мулерту, ученику профессора К.Ю. Давыдова. В прошении о предоставлении Мулерту разрешения на въезд в Латвию Витолс подчеркивал, что тот «родился в Елгаве»⁴⁵. Однако в итоге место руководителя класса виолончели получил молодой латышский виолончелист Альфред Озолиньш, учившийся своему искусству в Риге, Москве, Берлине и Лейпциге.

³⁶ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1259. Л. 135.

³⁷ Там же. Д. 1266. Л. 99.

³⁸ ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 168. Л. 18.

³⁹ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1259. Л. 172.

⁴⁰ Там же. Д. 6. Л. 25.

⁴¹ Там же. Д. 1261. Л. 54.

⁴² Там же. Д. 6. Л. 5. Л. 25.

⁴³ Там же. Д. 1245. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 31.

⁴⁵ Там же. Л. 47.

Не удостоилось внимания совета обращение органиста Домского собора Гаральда Крейцбурга. В написанном по-немецки 7 августа 1920 г. письме тот предлагал консерватории свои услуги в качестве органиста, теоретика и преподавателя игры на фортепиано⁴⁶. Напротив, составленное по-латышски заявление о приеме на работу в консерваторию Ольгерда Сиверса, реэвакуировавшегося из Саратова выпускника Московской консерватории, ученика проф. Л. Бетыньша, полученное 28 августа 1920 г.⁴⁷, вскоре было удовлетворено. Он приступил к работе в консерватории со следующего учебного года.

Эти примеры подтверждают стремление основателей Латвийской консерватории придать учебному заведению этнически однородный характер. Однако исключения пришлось делать не только для лиц иной национальности, но и для иностранцев. Последнее было сопряжено с дополнительными сложностями, поскольку в каждом подобном случае требовалось особое, ежегодно возобновляемое разрешение кабинета министров. В январе 1920 г., в первый учебный год консерватории, из 30 преподавателей по меньшей мере семеро⁴⁸, т.е. около четверти, были нелатышами – чужеродцами (*sveštautieši*) по терминологии того времени, в их числе четверо иностранных подданных: итальянец Эдмондо Луччини (подданный Италии, класс скрипки), немец Август Юнг (Финляндия, класс альты и ансамбля), его дочь Аделина Юнг (Финляндия, класс обязательного фортепиано) и немец Георг Варнеке (Германия, класс гобоя)⁴⁹.

В статье, посвященной 15-летию консерватории, Витолс писал:

Военная и революционная буря согнала в Ригу большое число довольно видных художников-чужеродцев, из них выбрал тех, что мне казались нужными для постройки более надежного дома. И сегодня не могу согласиться, что поступил неправильно. В некоторых отраслях – в отделении струнных, духовых инструментов, но особенно – в важных предметах ансамблевой игры, они оказали консерватории услуги, каких в то время от собственных сил ждать не приходилось⁵⁰.

В этой оценке, наряду с констатацией факта и формулировкой некоего принципа кадровой политики, явственно различимы отзвуки борьбы с ревнителями «национального искусства», что велась маститым композитором на протяжении полутора десятилетий.

На исходе первого десятилетия консерватории численность педколлектива возросла до 41 человека. Состав его менялся в силу естественных причин, но отмеченная выше пропорция сохранялась. В отчете о работе консерватории за 1919–1928 гг. говорилось:

Консерватория старалась привлечь учебные силы также из наиболее значительных чужеродцев, все же их число до сих пор не превысило 4-ю часть всего педагогического персонала⁵¹.

Такое соотношение, впрочем, примерно соответствовало доле нелатышей в составе населения Латвии. В условиях демократического строя и заметного парламентского представительства национальных меньшинств это положение трудно было изменить волевым решением, тем более что тогда в Латвии действовал принцип пропорциональности при расходовании бюджета на цели просвещения, хотя

⁴⁶ ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1245. Л. 45.

⁴⁷ Там же. Л. 46.

⁴⁸ ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 172. Л. 33.

⁴⁹ Там же. Д. 6. Л. 52.

⁵⁰ *Wihtols J.* Latwijas konzerwatorija 15 gadu darba gaitās...

⁵¹ ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 169. Л. 4 об.

сфера его применения и ограничивалась сферой школьного образования⁵². В то же время, как отмечалось в отчете, доля латышей в составе воспитанников консерватории превышала 80 %⁵³. Это не вполне соответствовало действительности, но рассмотрение вопроса национального состава учащихся выходит за рамки этой статьи.

«Недосягаемая высота» Язепа Витолса

Предметом постоянных забот Витолса было создание условий для обучения солистов-виртуозов. Об открытии в консерватории специальных мастер-классов он не уставал хлопотать перед советом и министерством образования. Наличных учебных сил для этого не хватало, а для привлечения зарубежных мастеров экстра-класса не хватало финансовых средств и доброй воли большинства коллектива. Напротив, «контроверсий» было в избытке.

В конце первого учебного года, 23 апреля 1920 г., совет поручил директору привлечь «выдающихся виртуозов-педагогов» четырех специальностей: пения, игры на фортепиано, скрипки и виолончели. Витолс повел поиски одновременно в двух направлениях. 28 июля 1920 г. он направил министру образования два письма, в первом из которых настаивал, что отсутствие «по-настоящему первоклассных педагогов» по фортепиано и скрипке «серьезно угрожает консерватории прозябанием на уровне музыкальной средней школы», чем «парализуется прогресс нашего музыкального искусства вообще», поскольку «учащиеся, ориентированные на перспективу в этих предметах, больше не находят в консерватории тех учителей, которые гарантировали бы им исчерпывающее музыкальное и виртуозное образование и потому против воли вынуждены продолжать учение вне нашей консерватории и Латвии», а тех, кому это доступно, очень мало. Дабы приискать «в первую очередь» двух педагогов – по игре на скрипке и фортепиано, Витолс просил выпустить его за границу, уполномочив предложить найденным им кандидатам годичный контракт с гонораром от 1 тыс. – 1 тыс. 500 французских франков в месяц при 6 рабочих часах в неделю, не считая сверхурочных (100–125 франков в час) и возмещения дорожных издержек в размере 1 тыс. 500 франков⁵⁴. Второе письмо содержало точно такую же просьбу, но уже в отношении конкретных лиц:

Латвийской консерватории предложили свое сотрудничество следующие действующие силы Петроградской консерватории: 1) Наталия Александровна Ирецкая – проф. пения; 2) Наталия Константиновна Ирецкая-Акцери – профессор пения. Привлечение этих сил поставило бы преподавание пения в Латвийской консерватории на недосягаемую высоту, поскольку Н.А. Ирецкая признана как первая учительница пения во всей России; дочь ее брата Н.К. Ирецкая-Акцери признана как вполне унаследовавшая искусство ее прежнего педагога Н.А. Ирецкой⁵⁵.

Условия в отношении Н.А. Ирецкой выставлялись те же, что и для привлечения западноевропейских специалистов. В пояснениях Госконтролю, который, со своей стороны, возражал против столь высокого по латвийским меркам вознаграждения, особенно в отношении спецов «из России», и предлагал снизить максимум предполагаемого гонорара до 1 тыс. франков⁵⁶, Витолс настаивал на своем:

Проф. Н.А. Ирецкая работает в Петербургской консерватории уже около 10 лет на таких условиях. Во избежание дальнейших затруднений не нахожу возможным предлагать ей здесь меньший гонорар, чем двум другим выдающимся силам – профессорам фортепиано и скрипки, с которыми Н.А. Ирецкая стоит, по меньшей мере, на одной художественной высоте⁵⁷.

⁵² Малнач А. Д. Лия Красинская и ее время. Рига, 2018. С. 462.

⁵³ ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 169. Л. 4 об.

⁵⁴ Там же. Д. 665. Л. 90–90 об.

⁵⁵ Там же. Л. 91–91 об.

⁵⁶ Там же. Л. 104 об. – 105.

⁵⁷ Там же. Л. 102.

Между прочим, Госконтроль обоснованно опасался, что

вознаграждение в многократно больших объемах сравнительно с прочими может вызвать нежелательные последствия – жалобы в среде педагогов⁵⁸.

Однако Витолс парировал попытку Госконтроля снизить верхнюю планку гонорара тем аргументом, что учебные силы нужного для консерватории качества «устроены за границей в настоящий момент очень хорошо» и «даже в Советской России им предоставляются всякие преимущества», поэтому

определяя 1000, а не 1500 франков как максимум предлагаемого гонорара, пропадают надежды на реальный успех моей поездки⁵⁹.

Командировка Витолса в Западную Европу состоялась, но желающих ехать в восточном направлении из Берлина, Лейпцига, Праги и Парижа, где побывал профессор, тогда не нашлось. Не увенчалось успехом и намерение перетянуть в Латвийскую консерваторию профессоров из Петроградской консерватории. Н.А. Ирецкая осталась в Петрограде, где и скончалась в 1922 г., а Н.К. Ирецкая-Акцери, действительно, переехала в Ригу, но позднее – в 1924 г., и вне всякой связи с Латвийской консерваторией.

Не сладилось дело и с приглашением в консерваторию виртуоза-виолончелиста, уроженца Либавы (Лиепай), выпускника и преподавателя Петроградской консерватории Николая Моисеевича Граудана, впоследствии первой виолончели Берлинского филармонического и других именитых оркестров. Совет консерватории провалил его кандидатуру. Эта неудача Витолса ознаменовалась дискуссией в прессе. На печатный выпад музыкального критика газеты «*Latvijas Sargs*» [«Страж Латвии»] против решения совета откликнулись «многие члены художественной коллегии» – такая подпись стояла под статьей «Разъяснения по делу Граудана», опубликованной 12 апреля 1921 г. на страницах того же издания, хотя написана она была от первого лица. Публике «разъяснялось», что консерватории «как таковой нужны вовсе не одни только виртуозы, но в первую очередь педагоги» и «на длительный срок, по меньшей мере на два года, и это еще мало». Ангажемент выдающихся педагогов (что еще надо бы доказать в отношении Граудана) не принесет «никакой педагогической пользы, а государству от этого только огромные лишние траты», да и учиться у них пока некому, поскольку

в нашей Консерватории в настоящий момент еще слишком мало, почти нет подготовленных учеников, которых можно уже отдать в специальный виртуозный класс⁶⁰.

Так утверждал(и) автор(ы) статьи, решающий аргумент приберегая напоследок: совет консерватории не может равнодушно взирать на «заметное в различных кругах тяготение к чужеродцам», не подвергаясь упреку в «равнодушии к национальному искусству, воспитанию и поощрению его выразителей»⁶¹.

В письме на имя министра образования от 13 апреля 1921 г. Витолс спорил с «Разъяснениями...», ссылаясь на личное письмо ректора Петроградской консерватории А.К. Глазунова, в котором тот положительно отзывался о педагогической практике Н.М. Граудана, возражая против отсутствия подходящего материала для

⁵⁸ ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 665. Л. 104 об.

⁵⁹ Там же. Л. 102–102 об.

⁶⁰ Paskaidrojums Graudana leetā // *Latvijas Sargs*. 1921. 12. apr.

⁶¹ Ibid.

мастер-класса среди воспитанников консерватории и, наконец, отражая упрек в «склонности к чужеродцам» как «недостойную инсинуацию». Витолс писал:

Защищаю один-единственный принцип: консерватория для воспитанников, а вовсе не для любого латыша – учителя музыки⁶².

Тщетно, Н.М. Граудан эмигрировал в Латвию, но не в качестве преподавателя Латвийской консерватории.

В итоге ни один из четырех планируемых мастер-классов создан не был. Этому помешало отсутствие финансирования и в гораздо большей степени нежелание педагогов консерватории-латышей сдать позиции в конкуренции с иноязычными и иностранными коллегами. По-видимому, для них стоявшие перед консерваторией высокие задачи несколько заслонялись стремлением к комфортному и безбедному существованию за счет государства в кругу соплеменников, когда талант и профессионализм приносятся в жертву корпоративной и этнической солидарности.

Выводы

В борьбе за повышение качества преподавания в консерватории Витолс воздерживался от апелляции к широкой общественности. В отличие от своих коллег, он полагал публичные распри недопустимыми, подрывающими репутацию консерватории. Возможно, профессор понимал, что не может рассчитывать на сочувствие большинства латышской общественности, которую на волне рождения независимого Латвийского государства охватил такой энтузиазм, что любое противоречие крайностям национализма воспринималось и клеймилось как предательство национальных интересов, в данном случае в сфере латышского музыкального искусства.

В этой ситуации Витолсу оставалось воздействовать на мнение своего непосредственного начальства в лице часто сменявшихся министров образования и сетовать на положение вещей в частной переписке, что он и делал, называя оппонентов «рептилиями» и «олухами»⁶³. Лишь изредка Витолс поднимал голос в защиту своих принципов.

Таким образом, Витолсу не хватило авторитета, каковым он, несомненно, пользовался в музыкальных и более широких кругах, чтобы устроить Латвийскую консерваторию согласно своему пониманию задач, стоявших перед высшей музыкальной школой. Конфликт интересов между «профессиональным» и «национальным» остался не разрешен и едва ли разрешимым в принципе. Будучи единственным в стране высшим музыкальным учебным заведением, Латвийская консерватория, подобно Латвийской национальной опере, весьма условно могла считаться национальной⁶⁴, поскольку в ней лицам разной национальности и музыкальных традиций преподавали представители разных национальностей и музыкальных школ, и еще более разнообразной была та музыкальная литература, которая служила им предметом и средством обучения.

Поступила в редакцию / Submitted: 18.11.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 16.01.2022

⁶² ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 2. Д. 667. Л. 8.

⁶³ Siliņš U. Dziesmaiieni gāla nava... P. 88.

⁶⁴ Briede V. Latviešu operēātris. Rīga, 1987. P. 9.

References

- Briede, V. *Latviešu opereteātris*. Rīga: Zinātne Publ., 1987 (in Latvian).
- Dunsdorfs, E. *Kārļa Ulmaņa dzīve*. Rīga: Zinātne; LANA Publ., 1992 (in Latvian).
- Feigmane, T. *Russkie v dovoennoi Latvii. Na puti k integratsii*. Rīga: BKI Publ., 2000 (in Russian).
- Klotiņš, A. “Jāzeps Vītols kā mūzikas fundamentālists un universālists.” *Letonica. Rīga*, no. 25 (2013): 95–106 (in Latvian).
- Malnach, A. D. “‘Mne dana poshchechina...’: Yazep Vītols i osnovanie Latviiskoi konservatorii.” *Klio*, no. 2 (2022): 178–187. DOI: 10.51676/2070-9773_2022_02_178 (in Russian).
- Malnach, A. D. “Unpleasant Memories: Jasep Vītols during the First Years of the Soviet Power.” *Modern History of Russia* 11, no. 3 (2021): 623–637. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.304> (in Russian).
- Malnach, A.D. “Liya Krasinskaya i ee vremya.” In Krasinskaya, L.E. *Tak bylo. Ehtyudy iz moei zhizni*, 297–621. Rīga: D.V.I.N.A. Publ., 2018 (in Russian).
- Ozoliņš, A. “Latvijas konservatorija 20 gadus.” *Raksti un Māksla*, no. 2 (1940): 156–158 (in Latvian).
- Ozoliņš, A., and Plostniece, G. “Latvijas konservatorijas sākumi.” *Latvju Mūzika*, no. 15 (1985): 1454–1472 (in Latvian).
- Siliņš, U. *Dziesmai vieni gala nava. Jāzeps Vītols savās un laikabiedru vēstulēs 1918–1944*. Rīga: Nordik Publ., 2006 (in Latvian).
- Sīpols, V. *Ārvalstu intervencija Latvijā un tās aizkulises. 1918–1920*. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība Publ., 1967 (in Latvian).
- Sproģis, J. “Latvijas konzervatorijas atklāšana.” *Vaiņags*, no. 1 (1920): 45–46 (in Latvian).
- Vēriņa, S. *Jāzeps Vītols – komponists un pedagogs*. Rīga: Avots Publ., 1991 (in Latvian).
- Vītolis, J. “Rīgas mūzikas dzīve.” In *Rīga. 1860–1917*, 388–403. Rīga: Zinātne Publ., 1978 (in Latvian).
- Wihtols, J. “Latvijas Konzervatorija.” *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts*, no. 1 (1920): 72–75 (in Latvian).
- Wihtols, J. “Latvijas konzerwatorija 15 gadu darba gaitās.” *Jaunākās Ziņas*. January 11, 1935 (in Latvian).
- Wihtols, J. “Nikolajs Allunans kā cilvēks un muziķis.” *Izglītības Ministrijas Mēnešraksts*, no. 3 (1920): 240–244 (in Latvian).
- Wihtols, J. “No Baumaņu Karļa lihdz Nacionalai Operai.” *Vaiņags*, no. 3 (1920): 135–137 (in Latvian).
- Wihtols, J. “Pārskats 1919–1929.” *Latvijas Konservatorija 1919–1929*, 9–38. Rīga: Valters un Rapa Publ., 1930 (in Latvian).
- Zandberga, D. *Jāzepa Vītola Latvijas Mūzikas akadēmijas Klavieru katedra (1919–2019)*. Rīga: Musica Baltica Publ., 2020 (in Latvian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Дмитриевич Малнач, исследователь Института русского культурного наследия Латвии; Латвия, LV-1067, Рига, Анниņmuižas bulv., 30–77; amalnach@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7695-6795>

Alexander D. Malnach, Researcher, Institute of Russian Cultural Heritage of Latvia; 30–77, Anniņmuižas bulv., Riga, LV-1067, Latvia; amalnach@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7695-6795>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176>

Научная статья / Research article

Роль стран Балтии в советско-французских отношениях периода непризнания, 1919–1924 гг.

Искандэр Эдуардович Магадеев

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Москва, Россия

✉ iskander2017@yandex.ru

Аннотация: Выясняется место, которое Прибалтийские республики занимали в рамках французских и советских представлений о «санитарном кордоне»; анализируется соотношение между амбициями Парижа и Москвы на Востоке Европы и возможностями для их реализации; определяется характер восприятия контактов Франции и стран Балтии со стороны советской дипломатии. Основой исследования выступили материалы ряда французских архивов, а также опубликованные тома французских и советских дипломатических документов. Автор приходит к выводу, что роль стран Балтии в советско-французском взаимодействии оставалась противоречивой. Прибалтийские республики (прежде всего – Латвия и Эстония) рассматривались французским руководством как составная часть «санитарного кордона», призванного отделить Германию и Советскую Россию друг от друга, не допустив их «сговора» в Восточной Европе. Москва, напротив, стремилась к ослаблению «санитарного кордона» и превращения Восточной Европы в «мост» для взаимодействия с Берлином. Париж не исключал того, что сотрудничество с будущей Россией, выступающей противовесом Германии, будет для Франции важнее, чем независимость стран Балтии. Эта точка зрения соответствовала позиции Кремля и НКВД, которые стремились поддержать тех деятелей Третьей Республики, которые развивали указанный подход. Динамика развития послевоенных международных отношений, а также приоритет «германской угрозы» склонили в итоге руководство Франции к признанию СССР, что отвечало интересам Москвы. Соображения «большой политики» оказались важнее голоса «малых стран», хотя те и пытались влиять на взаимодействие более могущественных держав.

Ключевые слова: Советская Россия, международные отношения, советская внешняя политика, западное приграничье

Для цитирования: Магадеев И.Э. Роль стран Балтии в советско-французских отношениях периода непризнания, 1919–1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 161–176. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176>

Role of the Baltic Republics in Soviet-French relations during the Non-recognition Period, 1919–1924

Iskander E. Magadeev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

✉ iskander2017@yandex.ru

Abstract: This article aims to define the role played by the Baltic Republics in the Soviet-French relations during the non-recognition period. The author tries to determine the place, which the Baltic Republics occupied in the French and Soviet conceptions of the “sanitary cordon,” to analyse the correlation between the ambitions and the capabilities of Paris and Moscow in Eastern Europe,

to demonstrate the Soviet response to the interaction between the Baltic Republics and France. The article is based on the materials taken from the different French archives, as well as from the published French and Soviet diplomatic documents. The author emphasizes the ambiguity of the role played by the “Baltic factor” in the Soviet-French relations. The Baltic Republics (especially, Latvia and Estonia) were perceived by the French leadership as a part of the “sanitary cordon” aimed to separate Germany and the Soviet Russia from each other and to preclude their eventual “collusion” in the Eastern Europe. On the contrary, Moscow aimed to weaken the “sanitary cordon.” Paris didn’t exclude that the cooperation with future Russia performing the role of the counterbalance to Germany would be more important for France than full independence of the Baltic Republics. The Kremlin and the People’s Commissariat for Foreign Affairs welcomed this point of view and tried to support those French political leaders that developed such an approach. The dynamics of the post-war international relations, as well as the priority given by the French government to the “German threat”, prompted Paris to recognize the USSR, which met the interests of Moscow. The considerations of the “big politics” were more important than the voices of the “small countries” which tried to influence the interaction between the more powerful actors.

Keywords: Soviet Russia, international relations, Soviet foreign policy, western border area

For citation: Magadeev, I.E. “Role of the Baltic Republics in Soviet-French relations during the Non-recognition Period, 1919–1924.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 161–176. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176>

Введение

В начале 1920-х гг. Франция, являвшаяся вместе с Великобританией ключевой державой Версальского порядка международных отношений, оказывала немаловажное влияние на судьбы стран Балтии. Советское политическое и военное руководство даже было склонно считать подобное влияние определяющим, рассматривая Лондон и Париж как ключевые силы, поддерживавшие «санитарный кордон» против СССР. В сентябре 1920 г., выступая на IX конференции РКП(б), председатель СНК В.И. Ленин подчеркивал:

Нет сомнения, что тот меньшевистско-демократический капитализм, который держится еще в пограничных с Россией государствах, образованных из прежнего состава бывшей Российской империи, начиная с Эстонии, Грузии и т. д., он держится при помощи того, что доставляет Антанта¹.

В октябре 1922 г. во внутрипартийной переписке член ЦК РКП(б) и Исполкома Коминтерна К.Б. Радек занял схожую позицию. Он подчеркнул значение военно-технической поддержки, которую странам «санитарного кордона» оказывали Франция и Великобритания².

Цель данной статьи – определить роль, которую страны Балтии играли в советско-французском взаимодействии в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений между Москвой и Парижем. Статья охватывает период от начала Парижской мирной конференции в январе 1919 г. и до взаимного признания СССР и Франции в октябре 1924 г. Автор стремится выявить место, которое Прибалтийские республики занимали в рамках французских и советских представлений о «санитарном кордоне»; проанализировать соотношение между амбициями Парижа и Москвы на Востоке Европы и возможностями для их реализации; определить характер восприятия контактов Франции и стран Балтии со стороны советской дипломатии. Основой для достижения указанной цели выступили материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции (Archives du Ministère des Affaires étrangères), документы Исторической службы Министерства вооруженных сил Франции (Service historique de la défense), Российского государственного архива

¹ Из доклада Ленина «Политический отчет ЦК РКП(б)», 22 сентября 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 60.

² Радек – Троцкому, Чичерину, 17 октября 1922 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 326. Оп. 2. Д. 1. Л. 103.

социально-политической истории, опубликованные тома французских и советских дипломатических документов, материалы по деятельности РКП(б) и советских военных органов. Также привлечены документы, характеризующие контакты представителей Третьей Республики и деятелей «белой» эмиграции.

Вопросы о французской политике в Прибалтике, а также о взаимоотношениях Москвы и государств-лимитрофов в 1920-е гг. относительно неплохо разработаны в новейшей отечественной и зарубежной историографии³. Вместе с тем исследователи, как правило, сосредотачивались на двустороннем формате анализа (Франция – страны Балтии; Москва – лимитрофы), в то время как попытки выйти за подобные аналитические рамки и рассмотреть взаимосвязи в рамках международных «треугольников» предпринимались реже⁴.

Анализ «треугольника» «Франция – страны Балтии – Советская Россия (СССР)», предпринятый в данной статье, представляет интерес в нескольких отношениях. Во-первых, он позволяет рассмотреть дилеммы взаимодействия между Прибалтийскими республиками и одной из наиболее могущественных на тот период западноевропейских держав в свете влияния советского фактора. Если по одним аспектам «русского вопроса» Париж, разделявший опасения в отношении «большевистской угрозы», выступал «спонсором» стран Балтии, то по другим его аспектам позиции Франции и Прибалтийских государств отнюдь не совпадали. Даже в период выраженной напряженности в советско-французских отношениях в руководстве Третьей Республики были слышны голоса тех, кто призывал не забывать о потенциальной роли России как противовеса Германии на Востоке Европы⁵. В Москве знали о наличии подобных настроений во Франции и стремились использовать их для улучшения дипломатических позиций страны Советов.

Во-вторых, рассмотрение указанного «треугольника» государств позволяет поставить вопрос о способах воздействия «малых стран» на взаимодействие более могущественных акторов мировой политики. Нормализация советско-французских отношений не отвечала интересам руководителей Эстонии и Латвии, стремившихся к закреплению резко негативного образа большевиков и Советской России среди французских элит. Напротив, Литва, имевшая серьезные противоречия с Польшей и не исключавшая сближения с СССР и Германией на антипольской основе, была заинтересована в том, чтобы отношения Москвы и Парижа нормализовались. Изучение подобных дипломатических перипетий позволит продемонстрировать, как государства Балтии пытались влиять на международные отношения, даже несмотря на свой статус «малых стран».

В-третьих, анализ истории 1920-х гг. дает определенный материал для сравнения тогдашней ситуации в мировой политике с современностью. Согласно одной из оценок, вдоль бывших западных границ СССР после 1991 г. наблюдалось «возвращение к эпохе после 1918 г.»⁶.

³ *Gueslin J.* La France et les «petits États» baltes: réalités baltes, perceptions françaises et ordre européen (1920–1932). Thèse de doctorat. Université de Paris I, 2004; *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. 2-е изд. М., 2014; *Дюллен С.* Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М., 2019. *Бодров А.В.* Прибалтийский фланг «санитарного кордона» // *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.* СПб., 2021. Т. 2. С. 206–288.

⁴ В качестве примеров подобного подхода см.: *Dessberg F.* Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009; *Павлова М.С.* Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016.

⁵ *Hogenhuis-Seliverstoff A.* La trace ténue d'une alliance ancienne. La France et la Russie, 1920–1922 // *Guerres mondiales et conflits contemporaines.* 1999. № 193. P. 117–130.

⁶ *Reynolds D.* The Long Shadow: The Legacies of the Great War in the Twentieth Century. New York, 2014. P. 383.

Сила и слабость французских и советских позиций на Балтике

Для понимания французских и советских представлений о странах Балтии и их роли в отношениях Парижа и Москвы охарактеризуем инструменты военно-политического влияния двух стран в регионе. Если говорить о Третьей Республике, то основными из них было присутствие французского ВМФ, а также поставки вооружений для новообразованных государств⁷. Флот к тому же был инструментом быстрого реагирования на кризисные ситуации и способом продемонстрировать флаг.

При этом реальное французское военное и торгово-экономическое присутствие на Балтике было небольшим и имело тенденцию к сокращению в пользу «союзников» Третьей Республики (Великобритания), а также оппонентов (Германия, СССР). Судьба балтийской морской дивизии ВМФ Франции, образованной в апреле 1919 г., была показательной. Сам факт ее формирования отражал заинтересованность Парижа в событиях в регионе, однако ее силы были относительно скромными: 6 эсминцев, 4 авизо (класс небольших боевых кораблей) и ряд более мелких судов. К концу 1920 г. дивизию сократили до трех авизо, а после весны 1923 г. французское военно-морское присутствие на Балтике «практически сходило на нет»⁸. К маю 1924 г. командование французского ВМФ, ссылаясь на возросшую силу РККФ, призывало власти Третьей Республики вовсе отказаться от использования военно-морских сил на Балтике в случае войны Польши против Германии и СССР. Французские флотоводцы считали риски, связанные с операциями на Балтике, слишком высокими⁹.

Ощущение собственной слабости было усилено в оценках командования французского ВМФ тем обстоятельством, что «доступ в Балтику было слишком легко перекрыть даже скромным германским силам»¹⁰. Схожий тезис был применим и к РККФ, причем подобные опасения не были беспочвенны. В подробной разработке «Будущая война» (1928), подготовленной IV (разведывательным) управлением Штаба РККА, особое внимание обращалось на то, что действия советских подлодок в узких Балтийских (Датских) проливах могут существенно осложнить «подвоз необходимого снабжения из Западной Европы» для стран-лимитрофов. От подобного снабжения при этом зависел «общий характер», «да и сама возможность» войны «наших соседей против СССР»¹¹.

Советское руководство рассматривало страны Балтии, включая Литву, как потенциальных противников в случае агрессии против СССР. В июне 1926 г. начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский считал, что «наиболее опасными, наиболее решительно угрожающими Советской власти государствами приходится считать все государства, расположенные на нашей западной границе». Согласно расчетам Тухачевского лимитрофы в совокупности смогут мобилизовать в случае начала войны 113 дивизий – это число должно было послужить минимальным ориентиром для численности РККА. Из 113 дивизий по четыре приходилось на Эстонию и Литву каждую, пять дивизий – на Латвию¹².

Если советские военные подчас завышали совокупные силы предполагаемого «фронта» лимитрофов во главе с Польшей и Румынией, то боеспособность стран

⁷ *Stoker D.* Britain, France and the Naval Arms Trade in the Baltic, 1919–1939. London, 2003.

⁸ *Lasterle Ph.* La rue Royale et la Baltique orientale: l'exemple des pays baltes (1919–1924) // *Bâtir une nouvelle sécurité. La coopération militaire entre la France et les États d'Europe centrale et orientale de 1919 à 1929.* Vincennes, 2001. P. 307–308.

⁹ *Dessberg F.* Le triangle impossible. P. 48.

¹⁰ *Бодров А.В.* Прибалтийский фланг «санитарного кордона». С. 255.

¹¹ *Тухачевский М.Н.* и др. Будущая война // *Антология отечественной военной мысли.* Кн. 11. М., 1996. С. 509.

¹² Тухачевский – Ворошилову, 5 июня 1926 г. // *Реформа в Красной Армии.* Кн. 1. М.; СПб., 2006. С. 592.

Балтии оценивалась ими все же не очень высоко. Согласно оценке Разведупра Штаба РККА, они являлись «государствами с небольшой глубиной театра военных действий» и имели невысокую численность вооруженных сил. В связи с этим армии Прибалтийских стран в случае войны «могут быть совершенно ликвидированы в несколько недель»¹³. Даже в условиях общей слабости РККФ его позиции на Балтике оценивались советскими флотоводцами как внушительные. В феврале 1921 г. командующий Морскими и речными силами Республики, бывший контр-адмирал Российского императорского флота А.В. Немитц подчеркивал выгодность текущей ситуации в Балтийском море, возникшей ввиду ослабления германского флота. С его точки зрения, даже объединенные военно-морские силы Швеции, Дании, Финляндии и стран Балтии будут слабее РККФ, располагавшего линкорами типа «Севастополь», которые были введены в строй в конце 1914 г. (хотя их реальное состояние в начале 1920-х гг. оставляло подчас желать лучшего)¹⁴.

Тенденции на ослабление французского влияния на Балтике касались не только военной, но и торгово-экономической сферы:

Уже в 1922 г. доля германских товаров в импорте Эстонии и Латвии составила 55 % и 43 % соответственно, в 1923 г. – 51 % и 45 %...¹⁵

Учитывая тогдашнее состояние советской экономики, экспорт из РСФСР был несравнимо меньше, однако и здесь французские эксперты понимали, куда развивается ситуация. В июне 1921 г., анализируя советскую внешнеторговую активность в Эстонии, торговый атташе по России и странам-лимитрофам Ф. де Шевийи констатировал сокращение объемов экспорта из РСФСР. Вместе с тем он не считал, что подобная ситуация останется неизменной:

Эстония, если рассматривать ее как приходящую России, в настоящий момент не представляет крупного интереса, но будет представлять его в будущем¹⁶.

Даже в нестабильных для внешней торговли условиях начала 1920-х гг. страны Балтии были для Советской России важным «окном» в Европу. Так, в мае – декабре 1920 г. 76 % от всего объема советского импорта поступало через порты Эстонии¹⁷. Примечательной была и непропорционально высокая доля Латвии в советской внешней торговле. Так, в 1925/6 г. на нее приходилось 10,8 % экспорта СССР. Это обстоятельство объяснялось прежде всего ролью страны в качестве «перевалочного пункта» для советских товаров (в том числе льна), следовавших не столько в саму Латвию, сколько далее на Запад¹⁸.

Страны Балтии и стратегия «санитарного кордона»

Как правило, страны Балтии рассматривались французскими дипломатами и военными в 1919–1924 гг. в рамках более общих представлений о выстраивании такой дипломатической конструкции на Востоке Европы, которая отвечала интере-

¹³ Тухачевский М.Н. и др. Будущая война. С. 113.

¹⁴ Åselius G. The Naval Theatres in Soviet Grand Strategy during the Interwar Period // The Journal of Slavic Military Studies. 2000. Vol. 13. № 1. P. 75.

¹⁵ Бодров А.В. Прибалтийский фланг «санитарного кордона». С. 284.

¹⁶ Note de Chevilly, 14 juin 1921 // Documents diplomatiques français (DDF). 1921. Vol. 1. Bruxelles, 2004. P. 754.

¹⁷ White Ch.A. British and American Commercial Relations with Soviet Russia, 1918–1924. Chapel Hill, 1992. P. 198.

¹⁸ Jeannesson S. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921–1928) // Histoire, économie et société. 2000. Vol. 19. № 3. P. 428.

сам Парижа. Наступательные мотивы сочетались при этом с оборонительными. МИД Третьей Республики (Кэ д'Орсэ) и Военное министерство стремились к тому, чтобы консолидировать связи между самими молодыми Прибалтийскими республиками, а также включить их в более широкую систему «санитарного кордона», не допустив поглощения этих стран Германией и Советской Россией. «Санитарный кордон» был призван не только не допустить распространения большевизма на Запад, но и отделить Советскую Россию и Германию друг от друга, купировав их «сговор». Сценарий подобного «сговора» рассматривался как один из худших для Парижа вариантов развития ситуации в Европе. Вместе с тем уверенности в стабильности международного положения государств Балтии у французских властей не было. Это усиливало элементы ностальгии по прошлой конфигурации баланса сил в Европе (Россия как восточный противовес Германии) и надежды на ее возрождение (в той или иной форме) в будущем.

Двойственность во французских оценках применительно к странам Балтии проявилась достаточно рано. В неподписанной записке Русской службы МИД Франции от 14 февраля 1919 г. будущее Прибалтийских республик, лишь недавно провозгласивших независимость, оценивалось пессимистично. Утверждалось, что Россия не смирится с их независимым существованием. При этом подчеркивалось, что и сама Франция заинтересована в сильной России в качестве противовеса Германии. Немецкого господства в Прибалтике было необходимо не допустить любой ценой. Как итог французским властям рекомендовалось гарантировать «балтийским провинциям» «полную внутреннюю автономию со всеми возможными свободами», но одновременно

дать им понять, что, когда Россия будет восстановлена, они должны будут согласиться на установление с нею публично-правовых уз (армия, флот, дипломатия, торговля)¹⁹.

Однако размышления о будущем соседствовали у французских дипломатов и военных с необходимостью решать острые насущные задачи и не допустить распространения в Прибалтике советского и/или германского влияния. Вспоминая о ситуации весны – лета 1919 г., когда на территории бывших «балтийских провинций» активно действовали немецкие войска под командованием генерал-майора Р. фон дер Гольца, глава французской военной миссии в Берлине генерал Ш. Дюпон писал о серьезных рисках. Он считал, что правительства стран Антанты вполне могли «проснуться и увидеть Германию, протянувшуюся вплоть до Петрограда»²⁰. В декабре 1919 г., на заседаниях Парижской мирной конференции, французский маршал Ф. Фош убеждал руководство стран Антанты в необходимости сформировать «в балтийских провинциях барьер против большевиков» и создать объединение, «в котором примут участие литовцы, латыши, а также эстонцы...»²¹.

Подобная логика сохранилась и позднее, выразившись во французской поддержке планов по формированию так называемого Большого балтийского союза – коалиции во главе с Варшавой, в которую бы вошли Финляндия, Эстония и Латвия (речь при этом шла, скорее, о консультативном пакте, а не о полноценном военно-политическом альянсе). Чем более прочными представляли советско-германские отношения, тем больше Париж стремился цементировать «санитарный кордон». Заключение Рапалльского договора 16 апреля 1922 г., во время Генуэзской конферен-

¹⁹ Цит. по: *Бодров А.В.* Прибалтийский фланг «санитарного кордона». С. 212.

²⁰ Цит. по: *Lahaie O.* Face à l'Allemagne vaincue, les services de renseignement français (novembre 1918 – avril 1919) // *Revue historique des armées.* 2008. № 251. P. 67.

²¹ Notes of a Meeting of the Heads of Delegations, 29 December 1919 // *Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference 1919.* Vol. 9. Washington, 1946. P. 695.

ции, стало шоком для французской дипломатии и военных, которые были уверены в том, что соглашение якобы содержит секретные военные статьи. Помимо активизации планов по оккупации Рура Париж усилил попытки консолидировать вокруг себя антисоветски и антигермански настроенные силы.

В конце 20-х чисел апреля начальник Генштаба французской армии, генерал Э. Бюа записал в своем дневнике:

...необходимо любой ценой объединить в один пучок все народы, имеющие те же интересы, что и мы. Речь идет обо всех участниках Малой Антанты (Чехословакия, Румыния, Королевство сербов, хорватов и словенцев. – *И.М.*) и, если возможно, – о балтийских государствах²².

В Париже знали о том, что подобные планы вызывают резкое неприятие Москвы. В августе 1922 г. французский посланник в Польше Г. де Панафье, анализируя недавний визит в эту страну заместителя наркома по иностранным делам РСФСР М.М. Литвинова, сообщил в Париж о том, что франко-польский альянс вызывает у советского дипломата «столько же беспокойства, как и согласие Польши с балтийскими странами»²³.

Сочетание наступательных и оборонительных мотивов по-своему было характерно и для советской политики в странах Балтии. В условиях слабости своих военных, дипломатических и торгово-экономических позиций Москва была заинтересована в нормализации отношений с Прибалтийскими республиками и даже была готова идти им на уступки. Об этом свидетельствовал Тартуский мирный договор с Эстонией от 2 февраля 1920 г. Однако подписанные через несколько месяцев (12 июля и 11 августа) мирные договоры с Литвой и Латвией свидетельствовали уже о возросшей уверенности советского руководства в условиях наступления РККА на Запад в ходе советско-польской войны. Так, соглашение с Литвой содержало

тайное приложение, предусматривавшее использование литовской территории советскими войсками в случае «военно-стратегической» необходимости при ведении военных действий против Польши²⁴.

Таким образом, страны Балтии являлись для Москвы либо «защитным экраном» в условиях слабости Советской России, либо внешнеполитическим и революционным «мостом» на Запад, в направлении Германии, в случае реализации наступательной стратегии.

Советская дипломатия, рассчитывавшая в условиях НЭПа на хотя бы частичную нормализацию отношений с ведущими странами Запада, пыталась успокоить страны Балтии, не допустив их консолидации на антисоветской основе. Эти процессы воспринимались в Москве особенно болезненно в виду возможной поддержке такой «коалиции» со стороны Великобритании и Франции. Так, в решении от 21 июня 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) стремилось приостановить революционную активность в Прибалтике. В нем со ссылкой на «особенности международного положения РСФСР в настоящих условиях» подчеркивалась:

Ц.К. просит коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы проявлять наибольшую осмотрительность как во внешней, так и во внутренней политике, приняв во внимание указание ЦК РКП о том, что в настоящий момент не может быть и речи о военной помощи им со стороны РСФСР²⁵.

²² Journal du général Buat, 1914–1923. Paris, 2015. P. 1202.

²³ Panafieu à Paris, 5 août 1922 // DDF. 1922. Vol. 2. Bruxelles, 2008. P. 133.

²⁴ Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы. С. 36.

²⁵ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 83.

Накануне Генуэзской конференции НКВД за счет частичного сближения со странами Балтии надеялся ослабить процесс их вхождения в польскую орбиту (Польша, в свою очередь, воспринималась как «марионетка» Франции и Великобритании). Ответом на сплочение Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии по итогам Варшавской конференции этих стран (13–17 марта 1922 г.) стало поддержка Москвой проведения в Риге совещания представителей РСФСР, Польши, Латвии и Эстонии. Оно состоялось 29–30 марта 1922 г. и зафиксировало определенное снижение напряженности в отношениях стран-участниц. В заключительном протоколе встречи констатировалось желание «жить в добрых отношениях и разрешать спорные вопросы мирным путем», необходимость сокращения вооружений и даже готовность к «согласованию действий их представителей» в Генуе при обсуждении экономического урегулирования в Восточной Европе²⁶.

Однако пределы подобной нормализации отношений Советской России и стран Балтии – особенно в условиях «рапалльской политики» – были очевидны. Об этом, среди прочего, говорила неудача Московской конференции по сокращению вооружений и военных расходов (2–12 декабря 1922 г.), собравшая представителей Советской России и стран-лимитрофов. Отказ польской стороны, которой удалось консолидировать вокруг своей позиции представителей Эстонии и Латвии, от предложенного НКВД уровня сокращения армии (не более 215 тыс. чел.), привел к срыву конференции²⁷.

Вместе с тем из внешнеполитического арсенала Москвы не исчезала и революционная опция. Она продолжала всерьез рассматриваться в Кремле даже в условиях «полосы признания» СССР. Важную роль играла и внутривнутриполитическая обстановка в Прибалтийских республиках, а точнее – характер ее оценки в Кремле. Так, искаженная информация о подготовке в Эстонии фашистского переворота и о широком распространении настроений в пользу объединения с СССР, поступившая от ИНО ОГПУ 8 августа 1924 г., стимулировала Политбюро «придать деятельности эстонской компартии боевой характер»²⁸. Фактически речь шла о начале подготовки восстания, центром которого должен был стать Ревель (Таллин). Несмотря на то, что 29–30 ноября Москва экстренно попыталась приостановить выступление, оно все же вспыхнуло 1 декабря, но было подавлено в течение нескольких дней²⁹.

Страны Балтии как база для разведывательной и подрывной деятельности Франции против Советской России

Если использовать терминологию времен «холодной войны», то «санитарный кордон», предполагавший сдерживание коммунизма, не исключал применения и более агрессивных методов по его отбрасыванию. С одной стороны, географическая близость стран Балтии к Советской России была, с точки зрения французской дипломатии, фактором их уязвимости. Однако, с другой стороны, это же обстоятельство имело определенные выгоды для Парижа. В случае советско-французской враждебности Прибалтийские республики представляли собой хороший наблюдательный пункт для дипломатов и разведчиков Третьей Республики или даже плацдарм для подрывных операций против большевиков. В случае же попыток наведения

²⁶ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 5. М., 1961. С. 173–175.

²⁷ Литвинов – Чичерину, 11 декабря 1922 г. // ДВП СССР. Т. 6. М., 1962. С. 58.

²⁸ Из протокола № 20, 28 августа 1924 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 51.

²⁹ Валге Я. Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 183–201.

«мостов» они могли стать «трамплином» для французских бизнесменов, желавших торговать с большевиками или получить концессии³⁰.

Схожая стратегическая «рамка» оценок была характерна и для Москвы, однако их содержание было противоположным. Советское руководство с повышенной настороженностью относилось к французской разведывательной активности в странах Балтии и надеялось, что возможная нормализация отношений с ними приведет хотя бы к некоторому сокращению британского и французского влияния.

Отсутствие официальных отношений с Москвой резко осложняло для французской стороны получение проверенных сведений о положении дел в стране Советов. Этот момент, как и роль балтийских стран в качестве наблюдательных пунктов, был схвачен в записке от 11 июня 1923 г., которую французский военный министр А. Мажино направил председателю Совета министров Р. Пуанкаре. Министр призывал не ликвидировать французскую военную миссию в странах Балтии из-за резонов бюджетной экономии. Единая миссия существовала с лета 1920 г., объединив три отдельных военных миссии, функционировавших с весны 1919 г.³¹ Мажино видел в ней «один из редких и наилучших источников информации» о России, которая «по-прежнему остается непроницаемой». Военный министр считал, что «крайне важные разведывательные сведения», поступающие от этой миссии, «не могут быть получены исключительно военным атташе», который не должен был прибегать к откровенным шпионским методам³².

В Москве были осведомлены об активности иностранных разведок в странах Балтии и Скандинавии, однако имелась информация и о других фактах, а именно – об утечках информации из советских представительств. Так, в ноябре 1924 г. секретарь полпредства СССР в Швеции Симаковский сообщал о том, что

прошлым летом здесь была обнаружена передача американцам одного из секретных циркуляров Торгпредства... посредником являлся кассир торгпредства Экваль³³.

В кругах «белой» эмиграции ходили материалы, которые рассматривались как секретные документы НКВД³⁴. В октябре 1921 г. дипломат-эмигрант С.Д. Боткин даже писал старейшине русского дипломатического корпуса за границей М.Н. Гирсу о

легкой подкупности большевистских служащих, из которых многие, работая с большевиками лишь в силу горькой необходимости, даже сочли бы патриотичным актом подвести советское Правительство...³⁵

Особенное внимание французская разведка и дипломатия уделяли проявлениям советско-германского взаимодействия через территорию стран Балтии. Так, в конце 1921 г. серьезное недовольство Союзной комиссии по разоружению германской армии во главе с французским генералом Ш. Нолле вызвал факт отправки немцами в Советскую Россию крупной партии вооружений (76 ед. 75-мм пушек, 5 тыс. снарядов, 10 тыс. ружей и др.). В ночь с 1 на 2 декабря 1921 г. вооружения на

³⁰ Padovani à Poincaré, 19 mai 1923 // Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). Correspondence politique et commerciale. Série Z-Europe, 1918–1940 (117 CPCOM). Vol. 352. Fol. 16.

³¹ Gueslin J. La France et les «petits États» baltes. P. 65.

³² DDF. 1923. T. 1. Paris, 2010. P. 657.

³³ Записка Симаковского Сталину, 25 ноября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1364. Л. 1.

³⁴ Циркулярное письмо НКВД, 21 сентября 1921 г. // В жерновах революции. Русская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. Сб. документов и материалов. М., 2008. С. 107–109.

³⁵ Боткин – Гирсу, 2/15 октября 1921 г. // В жерновах революции. С. 110.

пароходе «Карл Маркс» были отправлены из Пиллау (ныне Балтийск) в Таллин для последующей доставки в Советскую Россию³⁶. Примечательными были и те разведывательные сведения, которые в марте 1921 г. добыл член французской военной миссии, действовавший в Литве, капитан Жонкьер. От некоей «германо-русской организации, работающей в большевистской России», он получил список тех разведсведений, которые немецкое военное командование само хотело получить в отношении Советской России. Этот документ служил для Парижа дополнительным индикатором сохранявшегося советско-германского сотрудничества в военной сфере, не лишённого, однако, элементов соперничества³⁷.

Особое внимание в качестве центра получения информации о Советской России уделялось Риге. 29 января 1923 г., после встречи с французским посланником в Латвии Д. де Мартелем, Бюа отметил, что, располагаясь в этом городе, Мартель «занимает удобное положение, дабы наблюдать за тем, что происходит в России»³⁸. Вместе с тем французский посланник в Таллине Л.М. де Вьен также считал получение информации по «русскому вопросу» одной из ключевых задач во время своего пребывания в Эстонии³⁹. Оценки де Вьена отчасти пересекались с информацией советской разведки. Берлинская резидентура Иностранного отдела (ИНО) ГПУ в докладе от 10 июля 1923 г. полагала, что

связь Парижа с Россией поддерживается через Польшу и Румынию главным образом и частично через Эстонию. Франц[узские] воен[ные] круги находятся в полном контакте с русск[ими] воен[ными] кругами (имелись в виду представители «белой» эмиграции. – *И.М.*)⁴⁰.

Советская разведка осознавала французскую обеспокоенность по поводу связей СССР и Германии, как и то обстоятельство, что страны Балтии, занимавшиеся «промежуточное» положение между ними, являются для Парижа площадкой для получения сведений о действиях в Москве, и Берлина. Так, в феврале 1922 г. резидент ИНО ВЧК сообщал из Таллина о некоем П. Миллере, охарактеризованном как «советский дипломатический курьер», посещавший порты Балтийского моря в Германии:

Миллер служит вместе с тем разведывательным агентом французов против Германии. Необходимо установить его биографию и деятельность⁴¹.

Однако дело не ограничивалось лишь разведкой как таковой. Периодически во французских военных кругах достаточно серьезно обсуждались возможности организовать, опираясь на базы в Эстонии, Латвии и Финляндии, подрывные операции против Советской России. Официальные французские представительства могли обеспечить прикрытие подобным операциям, а также облегчить их снабжение военными материалами, деньгами, документами и т. д. Основная роль отводилась при этом предполагаемым внутренним восстаниям в стране Советов, которые, как считалось, можно было ускорить или подкрепить за счет действий «белой» эмиграции.

Казалось, что Кронштадское восстание (28 февраля – 18 марта 1921 г.) дало Франции шанс поспособствовать свержению большевиков:

³⁶ Nollet à Foch, 23 décembre 1921 // Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT), 4N 79.

³⁷ Note de Jonquieres, 16 mars 1921 // SHD/DAT, 7N 3120.

³⁸ Journal du général Buat. P. 1331.

³⁹ De Vienne à Poincaré, 30 mai 1924 // DDF. 1924. Т. 1. Paris, 2013. P. 495.

⁴⁰ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. М., 2001. С. 379.

⁴¹ Сводка ИНО ВЧК, 10–12 февраля 1922 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 2. М., 1998. С. 179.

Французское правительство заявило о том, что не будет вмешиваться во внутренние дела России, но выступило с предложением перед британским МИД о поставках кронштадтским повстанцам продовольствия и медикаментов⁴².

В ноте от 12 марта 1921 г., адресованной турецкому послу Али Фуаду, нарком по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин писал о том, что «французское Правительство является самым непримиримым и самым последовательным нашим врагом, никогда не колебавшимся и не отступавшим. [Председатель Совета министров Франции А.] Бриан теперь заявил [бывшему российскому послу во Франции В.А.] Маклакову, что он окажет всяческую помощь кронштадтским мятежникам»⁴³. Даже после подавления восстания штаб Фоша продолжал строить планы по высадке белоэмигрантских десантов в район Петрограда и на Кубань. Он призывал правительство увеличить финансирование наиболее активных антисоветских деятелей (Б.В. Савинкова, А.Ф. Керенского и др.)⁴⁴. В апреле 1921 г. представитель П.Н. Врангеля генерал-лейтенант В.В. Марушевский заверял французскую военную миссию в Венгрии в том, что его шеф является «сторонником интервенции на Кубань или Крым»⁴⁵.

Не оставлял надежд и Керенский. 6 августа 1921 г. он добился встречи с Бюа. Бывший глава Временного правительства считал, что «экспедиции против Советской России» в настоящий момент ни к чему не приведут – необходимо накапливать силы и продолжать деятельность по созданию «баз близ российских границ» (в Финляндии, странах Балтии, Константинополе). Эти базы, намекал Керенский, могут стать опорными точками для оказания поддержки восстаниям внутри Советской России. Керенский просил Бюа помочь с предоставлением вооружений («несколько тысяч ружей, пули, несколько пушек») и других средств (автомобилей), с заброской агентуры в страну Советов. Особые надежды Керенский связывал с деятельностью полковника Ф.Е. Махина в Риге⁴⁶. Еще весной 1921 г. «Махин полагал, что в России, наконец, созревает народное антибольшевистское движение»⁴⁷.

Хотя из подобных планов ничего не вышло, и официальный Париж постепенно разочаровывался в перспективах антибольшевистских восстаний, советская разведка продолжала с настороженностью отслеживать французскую активность в государствах Балтии. Согласно сведениям ИНО ГПУ, в октябре 1923 г. русские монархисты в Белграде продолжали надеяться на то, что

Франция, Польша, Румыния и Прибалтийские страны присоединятся к вооруженной интервенции против советской России⁴⁸.

Лакуны «санитарного кордона»

В советских оценках «санитарный кордон» нередко представал цельной и весьма прочной конструкцией. В феврале 1923 г. главнокомандующий вооруженными силами Республики С.С. Каменев считал, что государства Антанты активно

⁴² Carley M.J. Prelude to Defeat: Franco-Soviet Relations, 1919–1939 // The French Defeat of 1940: Reassessments. New York, 2006. P. 173.

⁴³ ДВП СССР. Т. 3. М., 1959. С. 589.

⁴⁴ Барту – Бриан, 18 апреля 1921 г. // Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 2. С. 33–35.

⁴⁵ Попова С.С. «Они готовы возобновить борьбу»: Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии. 1920–1921 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 54.

⁴⁶ Journal du général Buat. P. 1066–1067.

⁴⁷ Ганин А.В. «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. М., 2014. С. 42.

⁴⁸ Сводка сообщений, поступивших в ИНО ГПУ, 29 октября 1923 г. // Русская военная эмиграция. Т. 2. С. 225.

занимаются реорганизацией антисоветских «белых» сил, которые при поддержке британского флота могут быть переброшены либо к западным границам СССР, либо быть высажены на Черноморском побережье. Вторжение поддержат, полагал Каменев, все приграничные государства, от Финляндии до Турции⁴⁹.

Однако, с французской точки зрения, ситуация выглядела менее выигрышной для Антанты. Говоря о балтийском фланге «санитарного кордона», особое значение имели польско-литовские территориальные противоречия, затруднявшие создание прочной антигерманской и антисоветской конструкции. Более того, Литва нередко воспринималась в Париже как потенциальный мост между Советской Россией и Германией. Улавливая подобный настрой, советский дипломат А.А. Иоффе отмечал в период переговоров по Рижскому мирному договору 1921 г., что Франция всячески стремилась не допустить наличия общей советско-литовской границы, поддерживая польские требования. Последние удовлетворяли «французской идефикс [*sic*] разлучения нашего с Германией»⁵⁰. Литовские власти, в свою очередь, пытались сыграть на опасениях советских властей относительно «санитарного кордона» и добиться уступок от Москвы. 18 октября 1921 г., в период обсуждения вопроса о Вильно в Лиге Наций, министр иностранных дел Ю. Пурицкис пытался убедить советского полпреда С.И. Аралова в том, что «Франция и отчасти Англия настаивают на соединении Литвы с Польшей против России»⁵¹. Министр надеялся таким образом добиться усиления советского давления на Польшу и оказания поддержки Литве.

Особенно тревожными для Парижа стали события т.н. Клайпедского мятежа в январе 1923 г. – занятие Мемеля (Клайпеды), находившегося под французским управлением (в качестве мандата Лиги Наций), силами «литовских добровольцев». В данной акции непосредственное участие приняли власти Литвы, а военно-техническую поддержку ей оказала Германия. Перестрелки французских частей в городе с «добровольцами» стоили французам людских потерь и вызвали резкое неприятие Парижа, а также Таллина и Риги.

19 января посланник Франции в Эстонии А. Жильбер сообщал, что события в Мемеле были восприняты в Таллине как акция, согласованная с Берлином и имевшая цель укрепить безопасность германо-литовских коммуникаций по линии Кенигсберг – Каунас. Через 10 дней тот же французский дипломат информировал Париж о том, что эстонские власти видят в произошедшем «совместную провокацию Германии и России». Таллин утвердился «в идее о существовании военного российско-германского соглашения и в том, что скоро произойдет конфликт»⁵². Сведения, поступавшие в Париж летом, были менее алармистскими, но в них все также присутствовали опасения относительно советско-литовского взаимодействия. 16 июня 1923 г. Г. Падовани, французский дипломатический представитель в Каунасе, сообщил о том, что Литва стремится сыграть

в пользу России, когда наступит подходящий момент. В настоящее время позиция Литвы, как минимум, способствует сохранению в этой части Европы состояния неопределенности⁵³.

В Москве литовские события воспринимали в более широком международном контексте. Многие в Кремле считали, что оккупация Рурского угольного бассейна франко-бельгийскими войсками в январе 1923 г. может привести к обще-

⁴⁹ Harris J. Encircled by Enemies: Stalin's Perceptions of the Capitalist World, 1918–1941 // *Journal of Strategic Studies*. 2007. Vol. 30. № 3. P. 517–518.

⁵⁰ Цит. по: Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы. С. 59.

⁵¹ ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 432.

⁵² DDF. 1923. Т. 1. P. 134, 144.

⁵³ Ibid. P. 682–683.

ропейской войне в случае удара Польши по Германии. Выражая подобную точку зрения в письме редакторам «Правды» и «Известий ВЦИК» от 18 января, нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий подчеркивал: мы

рассчитываем на сохранение мира в Восточной Европе и не сомневаемся, что взвешивание всех факторов и условий побудит к отказу от авантюристических замыслов и наших западных соседей⁵⁴.

Советское руководство, отнюдь не исключая того, что польско-германская война все же произойдет, и СССР не сможет остаться в стороне, стремилось использовать территорию стран Балтии (прежде всего Латвии и Литвы) для эвентуального налаживания коммуникаций с Германией. Этот же маршрут вполне мог быть использован для помощи революции в Веймарской Республике, если бы та произошла. 6 февраля 1923 г., во время советско-германских военных переговоров в Москве, делегация от СССР во главе с заместителем Троцкого Э.М. Склянским отмечала:

...мы понимаем значение Литвы в случае войны и вследствие этого поведем соответствующие переговоры с Литвой⁵⁵.

Осенью 1923 г., по мере ухудшения положения Германии и параллельного роста надежд в Москву на революцию в Веймарской Республике («немецкий Октябрь»), советская дипломатия стала активнее прощупывать почву для установления связи с Германией через Латвию и Литву. 24 октября через советского представителя в Берлине В.Л. Коппа в Ригу поступили предложения Москвы. В них речь шла о соблюдении Латвией нейтралитета в случае осложнения ситуации в Германии, об обеспечении свободы коммуникаций через свою территорию для советских грузов невоенного назначения, о предоставлении гарантии взаимного ненападения со стороны СССР и Латвии⁵⁶.

Записка генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина, составленная на заседании Политбюро от 18 октября, передавала не только текущий настрой Кремля, но и нечто большее. Она говорила о том, что Москва продолжала воспринимать Прибалтийские страны как вторичный элемент «санитарного кордона», основу которого составляли Польша и Румыния. Размышляя о тех условиях, которые через несколько дней озвучил Копп, Сталин записал:

Я думаю, что лучше отказаться от зондировки поляков и приняться за зондировку латышей – латышей можно запугать, припереть к стене и пр. С поляками этого не сделать <...> Поляков изолировать. Латышей купить (и запугать). Румынию купить. А с поляками подождать⁵⁷.

Шаткости «санитарного кордона», которую в октябре 1923 г. надеялся использовать Сталин, способствовали не только противоречия восточноевропейских стран, но и позиция самого Парижа. Симптомы изменения французского подхода к СССР были заметны еще до Рурского кризиса. Французская дипломатия делала намеки на возможность нормализации отношений с большевиками. Наиболее очевидным примером подобного сигнала стал пусть и не имевший официального статуса визит в Советскую Россию, предпринятый в сентябре – октябре 1922 г. круп-

⁵⁴ Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: Сб. док. Т. 1. М., 2011. С. 97–98.

⁵⁵ Там же. С. 114.

⁵⁶ Информация о советских предложениях была передана литовской дипломатией в Париж. См.: Poincaré à Martel, 29 octobre 1923 // DDF. 1923. Т. 2. Paris, 2013. P. 439.

⁵⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 208.

ным французским политиком, председателем партии радикалов и радикал-социалистов Э. Эррио. Именно он, придя к власти в 1924 г., установил официальные отношения с Москвой.

Визит Эррио был с тревогой воспринят в Таллине и Риге и, напротив, – с позитивными эмоциями в Каунасе. 16 октября 1922 г. посланник Эстонии во Франции К.Р. Пуста обеспокоенно интересовался на Кэ д’Орсэ возможностью отправки французской торговой делегации в Москву. Он надеялся, что Париж даст знать большевикам о том, что поддерживает идею пакта о ненападении между РСФСР и лимитрофами⁵⁸. В телеграмме от 14 ноября из Таллина Жильбер напоминал своему руководству о том, что

для эстонцев, так же как для латышей и поляков... франко-российское несогласие фактически является залогом безопасности освобожденных стран, раньше входивших в состав великой России и ныне находящихся под защитой Антанты⁵⁹.

Сигналы о сближении Парижа и Москвы пугали лимитрофов и «будоражили умы»⁶⁰. Даже позже, в мае 1923 г., беседа с Жильбером, глава Эстонии Ю. Кукк продолжал интересоваться у французского посланника тем, изменила ли поездка Эррио позицию французского правительства:

Эстония опасается согласия Франции и России, согласия, которое может привести к резко негативным последствиям для стран-лимитрофов. Я заявил президенту, что политика Франции в отношении России не изменилась, и поездка Эррио никак не повлияла на взгляды правительства Франции⁶¹.

Литовский министр иностранных дел Э. Галванаускас, напротив, говорил Падовани о необходимости для Франции «выбрать между Польшей и Россией», подчеркивая, что Каунас предпочитает последнюю⁶².

Несмотря на все желание создать прочный «санитарный кордон», Франция отнюдь не была готова оказывать масштабную помощь странам Балтии как в мирное, так и в военное время. Осенью 1923 г., в разгар Рурского кризиса, Париж не хотел давать Прибалтийским республикам серьезных обещаний. 29 октября Пуанкаре отреагировал на информацию латвийских властей о поступивших предложениях Коппа. Пуанкаре не привлекала перспектива договоренности между Москвой и Ригой, однако он не собирался идти на поводу у латвийских властей:

...необходимо быть осторожными и не давать советов латвийскому правительству. Оно не преминет использовать эти советы как повод переложить на нас ответственность за отказ, которым они ответят на советские предложения⁶³.

Французские власти были готовы оказать странам Балтии лишь военно-техническую помощь (в случае конфликта) и поддержать их по дипломатическим каналам перед лицом Великобритании и Италии, а также в Лиге Наций, но не более того⁶⁴. Тот факт, что Прибалтийские республики – бывшие территории Российской империи – отказывались выплачивать Франции «свою» часть «царских долгов», отнюдь не добавлял гармонии в их взаимодействие с Парижем⁶⁵. К тому же совет-

⁵⁸ DDF. 1922. T. 2. P. 407.

⁵⁹ Ibid. P. 500.

⁶⁰ Ibid. P. 500.

⁶¹ Gilbert à Poincaré, 15 mai 1923 // AMAE. 117 CPCOM 352. Fol. 13.

⁶² Padovani à Poincaré, 19 mai 1923 // AMAE. 117 CPCOM 352. Fol. 16.

⁶³ Poincaré à Martel, 29 octobre 1923 // DDF. 1923. T. 2. P. 439.

⁶⁴ Poincaré à Saint-Aulaire, 12 novembre 1923 // DDF. 1923. T. 2. P. 524–526.

⁶⁵ Poincaré à Caillaux, 24 mai 1924 // DDF. 1924. T. 1. P. 473–476.

ская сторона была неплохо осведомлена о том, что Великобритания и Франция не только имеют общие интересы в поддержании «санитарного кордона», но и конкурируют друг с другом за влияние в странах Балтии и нередко действуют разрозненно. Уже в декабре 1919 г. в адрес Иоффе, находившегося в Дерпте (Тарту) на переговорах с эстонскими властями, поступали предложения от британцев о сепаратных (без участия Франции) переговорах «по балтийским вопросам»⁶⁶.

Выводы

Таким образом, роль стран Балтии в советско-французском взаимодействии 1919–1924 гг. оставалась противоречивой и волатильной. Франция, Советская Россия и сами Прибалтийские республики пытались реализовать такую конфигурацию «треугольника» отношений, которая отвечала именно их интересам. Различные проекции «треугольника» отнюдь не были идентичными, однако в некоторых точках они накладывались друг на друга.

Прибалтийские республики (прежде всего – Латвия и Эстония) рассматривались французским руководством как составная часть «санитарного кордона», призванного отделить Германию и Советскую Россию друг от друга, не допустив их «сговора» в Восточной Европе. Вместе с тем Париж не исключал того, что сотрудничество с будущей (в идеале – уже небольшевистской) Россией, выступающей противовесом Германии, будет для Франции важнее, чем полная независимость стран Балтии.

В отношениях с Прибалтийскими республиками Москва исходила из различных сценариев, которые зависели от текущей международной ситуации, «баланса сил» и советских оценок ситуации внутри государств Балтии. В условиях относительной слабости СССР советская дипломатия, желавшая ослабить «санитарный кордон», была готова на частичную нормализацию отношений с Эстонией, Латвией и особенно Литвой, имевшей серьезные противоречия с Польшей. Вместе с тем в Москве не исключали и более позитивного, с советской точки зрения, сценария развития событий. Страны Балтии могли стать «мостом» для укрепления отношений с Германией и «экспорта» революции на Запад.

Руководители Эстонии и Латвии были заинтересованы в укреплении связей с Францией, однако осознавали двойственность позиции Парижа, а также относительную слабость французских позиций в регионе. Даже осторожные попытки нормализации советско-французских отношений в начале 1920-х гг. вызывали недовольство в Риге и Таллине, хотя и приветствовались в Каунасе. Противоречия между ориентировавшимися на Францию государствами (в том числе между Польшей и Литвой), служили еще одним серьезным фактором непрочности «санитарного кордона», хотя последний предстал в советских оценках весьма солидным.

Все же динамика развития послевоенных международных отношений, а также приоритет «германской угрозы» склонили в итоге руководство Франции к признанию СССР. Соображения «большой политики» оказались важнее голоса «малых стран». Вместе с тем сама конфигурация треугольника «Франция – страны Балтии – СССР» к середине 1920-х гг. не стала устойчивой. Частичная стабилизация обстановки не отменяла тех тенденций международного развития, которые в перспективе могли вновь привести всю конструкцию в движение: ослабление французского влияния, сохранение советско-германских связей, маневрирование Прибалтийских республик в поисках «патрона».

Поступила в редакцию / Submitted: 25.07.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.02.2022

⁶⁶ Иоффе – Чичерину, 25 декабря 1919 г. // ДВП СССР. Т. 2. М., 1958. С. 315.

References

- Åselius, G. “The Naval Theatres in Soviet Grand Strategy during the Interwar Period.” *The Journal of Slavic Military Studies* 13, no. 1 (2000): 68–89.
- Bodrov, A.V. “Pribaltiiskii flang ‘sanitarnogo kordona’.” In Pavlov, A.Ju., ed. Vol. 2 of *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vnesheinei politike Frantsii v 1917–1924 gg.*, 206–288. St. Petersburg: RKhGA Publ., 2021 (in Russian).
- Carley M.J. “Prelude to Defeat: Franco-Soviet Relations, 1919–1939.” In Blatt, J., ed. *The French Defeat of 1940: Reassessments*, 171–202. New York: Berghan Books, 2006.
- Dessberg, F. *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles: P.I.E. Lang, 2009 (in French).
- Dullin, S. *Uplotnenie granits: k istokam sovetskoi politiki. 1920–1940-e*. Moscow: NLO Publ., 2019 (in Russian).
- Ganin, A.V. “ ‘Svoi sredi chuzhikh i chuzhoi sredi svoikh’: polkovnik Fedor Makhin.” In Posadskii, A.V., ed. *Ot ‘germanskoi’ k Grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*, 16–59. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2014 (in Russian).
- Gueslin, J. *La France et les ‘petits États’ baltes: réalités baltes, perceptions françaises et ordre européen (1920–1932)*. Thèse de doctorat. Université de Paris I, 2004 (in French).
- Hogenhuis-Seliverstoff, A. “La trace ténue d’une alliance ancienne. La France et la Russie, 1920–1922.” *Guerres mondiales et conflits contemporaines*, no. 193 (1999): 117–130 (in French).
- Jeannesson, S. “La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l’URSS (1921–1928).” *Histoire, économie et société*, vol. 19, no. 3 (2000): 411–429 (in French).
- Ken, O.N., and Rupasov, A.I. *Zapadnoe prigranich’e. Politbyuro TsK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami, 1928–1934 gg.* 2nd ed. Moscow: Algoritm Publ., 2014 (in Russian).
- Lahaie, O. “Face à l’Allemagne vaincue, les services de renseignement français (novembre 1918 – avril 1919).” *Revue historique des armées*, no. 251 (2008): 61–71 (in French).
- Lasterle, Ph. “La rue Royale et la Baltique orientale: l’exemple des pays baltes (1919–1924).” In Bariéty, J. ed., *Bâtir une nouvelle sécurité. La coopération militaire entre la France et les États d’Europe centrale et orientale de 1919 à 1929*, 299–317. Vincennes: SHAT, 2001 (in French).
- Pavlova, M.S. *Litva v politike Varshavy i Moskvyy v 1918–1926 godakh*. Moscow: Aspekt-press Publ., 2016 (in Russian).
- Popova, S.S. “ ‘Oni gotovy vozobnovit’ bor’bu’: Voennoe ministerstvo i MID Frantsii o beloi emigratsii v Vengrii. 1920–1921 gg.” *Istoricheskii arhiv*, no. 1 (1996): 41–70 (in Russian).
- Reynolds, D. *The Long Shadow: The Legacies of the Great War in the Twentieth Century*. New York: Norton, 2014.
- Stoker, D. *Britain, France and the Naval Arms Trade in the Baltic, 1919–1939*. London: Routledge, 2003.
- Valge, Ja. “Podgotovka Sovetskim Soiuzom gosudarstvennogo perevorota v Estonii v 1924 g.” *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 1 (2015): 183–201 (in Russian).
- White, Ch.A. *British and American Commercial Relations with Soviet Russia, 1918–1924*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1992.

Информация об авторе / Information about the author

Искандэр Эдуардович Магадеев, канд. истор. наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО-Университет); 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; iskander2017@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

Iskander E. Magadeev, Ph.D. in hist., Associate Professor of the Department of European and American Studies, Moscow State Institute (University) of International Relations (MGIMO University); 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia; iskander2017@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-177-189>

Научная статья / Research article

Аугустинас Вольдемарас и советско-литовские отношения в 1926–1929 гг.

Александр Иванович Рупасов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

✉ rupasov_ai@mail.ru

Аннотация: Анализируются нюансы изменений в советско-литовских отношениях после государственного переворота, осуществленного в декабре 1926 г. Приход к власти лидеров Союза литовских националистов (таутининков) А. Сметоны и А. Вольдемараса изначально способствовал возникновению ситуации неопределенности в двусторонних отношениях. В Москве были крайне озабочены стремлением Вольдемараса добиться обострения польско-советских противоречий с целью выгодного для Литвы решения проблемы Вильнюса. Советская сторона испытывала опасения, что Вольдемарас способен спровоцировать вооруженный конфликт с Польшей и что в этот конфликт неизбежно окажется втянут Советский Союз. С другой стороны, советская дипломатия была крайне заинтересована в сохранении как независимости Литвы, так и в поддержании некоторой напряженности в отношениях Польши и Литвы, поскольку такая ситуация создавала серьезные препятствия для распространения влияния Польши на весь восток Балтики. К концу 1920-х гг. для политического руководства СССР стало очевидным, что недовольство политикой Вольдемараса в Литве достигло своего апогея и что следует ждать в ближайшем будущем вытеснения Вольдемараса из политической жизни Литвы. В результате за несколько месяцев до отставки Вольдемараса политическое руководство СССР категорически высказалось против контактов с ним руководства Народного комиссариата по иностранным делам.

Ключевые слова: Прибалтика, таутининки, Виленский край, международные отношения

Для цитирования: Рупасов А.И. Аугустинас Вольдемарас и советско-литовские отношения в 1926–1929 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 177–189. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-177-189>

Augustinas Voldemaras and Soviet-Lithuanian Relations in 1926–1929

Aleksandr I. Rupasov

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

✉ rupasov_ai@mail.ru

Abstract: The article analyzes the nuances of the changes in Soviet-Lithuanian relations after the coup d'état staged in December 1926. The coming to power of the leaders of the Lithuanian Nationalist and Republican Union A. Smetona and A. Voldemaras initially contributed to the situation of uncertainty in bilateral relations. Moscow was extremely concerned about Voldemaras' desire to exacerbate the Polish-Soviet contradictions in order to solve the Vilnius problem in Polish-Lithuanian relations. The Soviet diplomats feared that Voldemaras could provoke an armed conflict with Poland and that the Soviet Union would inevitably be involved in the conflict. On the other hand, Soviet diplomacy

was interested in maintaining both the independence of Lithuania and the maintenance of some tension between Poland and Lithuania, as this situation created obstacles to Poland's spread of influence throughout the Baltic East. By the late 1920s, it became apparent to Moscow that dissatisfaction with Voldemaras' policy in Lithuania had reached its climax and that Voldemaras was to be forced out of Lithuanian political life in the near future. As a result, a few months before Voldemaras' resignation, the political leadership of the USSR categorically opposed contacts with him by the leadership of the People's Commissariat for Foreign Affairs.

Keywords: the Baltics, tautininkai, Vilnius region, international relations

For citation: Rupasov, A.I. "Augustinas Voldemaras and Soviet-Lithuanian relations in 1926–1929." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 177–189. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-177-189>

Введение

В Литве, первом из государств Балтии, был установлен авторитарный режим в результате декабрьского переворота 1926 г., вызвавшего серьезную озабоченность советской стороны. Политика СССР в отношении Литвы к середине 1920-х гг. обуславливалась несколькими факторами, среди которых важнейшую роль играло стремление руководства СССР не допустить формирования единого блока лимитрофов, в котором ведущая роль с неизбежностью оказалась бы у Польши. В отношении того, что Литва может стать частью подобного блока, советские дипломаты не испытывали беспокойства¹. Польско-литовский конфликт в вопросе о принадлежности Виленского края создавал определенные предпосылки для успешной реализации данной цели. И.Л. Лоренц, занявший пост полпреда в Литве в конце лета 1924 г., исходную точку для анализа советско-литовских отношений сформулировал следующим образом:

Всякий ответственный литовский политик понимает, что без Вильно и без границы с нами Литва не имеет данных для самостоятельного экономического существования².

Из этого положения как следствие вытекала необходимость поддержки Литвы «по всем важнейшим вопросам литовской политики», так как считалось, что в противном случае Литва попадет под влияние Польши. Поддержка Литвы в виленском вопросе диктовала желательность всемерного усиления националистических кругов³, и уже в силу этого данная политика не могла не быть антипольской⁴.

Судя по оговоркам И.Л. Лоренца в докладах руководству НКВД, к концу 1924 г. в политике в отношении Литвы наметились едва заметные изменения:

За последнее время, по-моему, мы пошли по пути некоторого выявления этих наших планов. Во всяком случае последние заметки в нашей прессе по виленскому вопросу <...> и, что важнее всего, наша политика в Минске и настроение, какое сейчас существует в Виленщине, вызвали здесь в Ковно определенное впечатление, что мы сами имеем aspirations на Вильно, и что Литва, во всяком случае, рассчитывать на нашу помощь по виленскому вопросу ни при каких условиях не может⁵.

По этой причине полпред считал желательным создание у литовской общественности видимости того, что Москва в споре Литвы с Польшей за Вильно стоит на

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 27. П. 183. Д. 66. Л. 10.

² Там же. Д. 64. Л. 24.

³ Там же. Л. 50–52.

⁴ Там же. П. 184. Д. 68. Л. 46–47.

⁵ Там же. Л. 19; В другом свое докладе Лоренц обмолвился: «[Литва] не представляет для нас того интереса, который она обещала иметь в начале» [Докладная записка И.Л. Лоренца, 30 декабря 1924 г.]. См.: Там же. Л. 73.

стороне Каунаса. Создание этой видимости обуславливалось наметившимся стремлением литовского правительства, не верившего в длительность сохранения Литвой независимости, к поиску компромисса с Варшавой, что, как подчеркивал Лоренц, требовало создания препятствий на пути этого «поиска». У полпреда Лоренца в связи с этим беспокойство вызывали действия Ватикана. Он полагал, что следует дать понять Ватикану, что его планы польско-литовского сближения имеют для СССР

настолько неприемлемый политический привкус, что мы принуждены будем решительно противодействовать их церковным устремлениям, в результате чего они будут обречены на полную неудачу⁶.

Упомянутые мимоходом Лоренцом «аспирации» укладывались в поиск способов разрешения советской стороной имевшихся в советско-польских отношениях острых противоречий. Руководство НКВД, как и политическое руководство СССР, к концу 1924 г. были крайне заинтересованы в снижении напряженности на западной границе. На постановку членом коллегии НКВД В.Л. Коппом вопроса о формуле, в которой советская сторона могла бы дать Польше максимум удовлетворения при условии сохранения независимости Литвы, полпред предложил следующее:

Теперешние границы на севере Польши для нас <...> неприемлемы. В случае закрепления их нашей санкцией это привело бы с несомненностью к потере независимости Литвы и к созданию широкого Балтсоюза <...> В поисках компромисса с Польшей, мне кажется, что приемлемым был бы и для нас, и для Польши <...> следующий проект раздела Виленщины, вернее земель, лежащих между теперешними границами Польши с Литвой и с нами. Мы могли бы согласиться на признание южной части Виленщины с гор. Вильно за Польшей, с тем чтобы, однако, район к северу <...> отошел к нам <...> смысл этого проекта частично заключается в том, чтобы изолировать северную Прибалтику от Польши, поставить ее лицом к лицу с нами⁷.

Последовавшие изменения в советско-польских отношениях сделали данные соображения неактуальными.

Государственный переворот в Литве в декабре 1926 г. и его последствия для советско-литовских отношений

Сменивший на посту полпреда в Литве Лоренца С.С. Александровский⁸ серьезно поменял акценты в оценке политики Литвы, убеждая руководство, что в Каунасе стремятся поддерживать напряженность в польско-советских отношениях. В середине ноября 1925 г. Александровский предлагал выступить с инициативой заключения двустороннего политического договора, использовав его для консолидации литовской оппозиции и дискредитации партии христианских демократов. Точка зрения литовского историка Алгимантаса Каспаравичюса, что инициатива полпреда не находила тогда поддержки в Москве, а диалог с Каунасом рассматривался только как способ давления на Варшаву⁹, не подтверждается уже тем фактом, что вскоре после получения этого предложения Александровского в Политбюро ЦК ВКП(б) был заслушан доклад М.М. Литвинова по вопросу о Литве. Принятым решением разрешалось наркому Г.В. Чичерину остановиться по пути в Германию в столице Литвы («от поезда до поезда»), пригласив представителей Литвы в Москву для переговоров о договоре. 23 декабря Чичерин исполнил это¹⁰, что не осталось без внимания в Варшаве.

⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 27. П. 184. Д. 68. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 73, 77, 78.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 509. Л. 5.

⁹ *Algimantas Kasparavičius. The political projections of the Great Powers with respect to Eastern Europe, 1925–1926 // Lithuanian historical studies. 1996. Vol. 1. P. 167.*

¹⁰ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения Особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 94.

Озабоченность советскими инициативами в Литве усилилась у Польши после осуществленного Ю. Пилсудским переворота в мае 1926 г. С другой стороны, проявленная в конце лета 1926 г. главой литовского правительства М. Сляжевичюсом готовность держать «двери открытыми для всех» породила опасения в Москве в отношении вероятного сближения позиций Литвы и Польши. Однако в Каунасе не проявляли желания отказываться от поддержки Москвы, поэтому советская инициатива о подписании двустороннего гарантийного пакта не могла не вызвать положительной реакции, поскольку такой акт усиливал позиции Литвы в отношениях с Польшей. В отличие от других государств на востоке Балтики, Литва не стала затягивать переговоры, и 28 сентября 1926 г. договор был подписан в Москве¹¹. В Варшаве крайне резко отреагировали даже не на сам факт подписания документа, сколько на ноту Г.В. Чичерина на имя министра-президента Миколаса Сляжевичюса, исполнявшего одновременно обязанности министра иностранных дел Литвы, в которой подчеркивалась поддержка территориального суверенитета Литвы, определенного советско-литовским мирным договором от 12 июля 1920 г.

На протяжении всего 1926 г. в Литве нарастала напряженность в отношениях правящей коалиции и оппозиции. Особенно в армейских кругах усиливались опасения в отношении вероятного компромисса с Польшей за счет отказа от притязаний Литвы на Вильно. Военный переворот 17 декабря 1926 г. стал разрешением нараставшего кризиса. В результате переворота президент К. Гриниус был вынужден два дня спустя уйти в отставку. Новым главой государства сейм избрал Антанаса Сметону, правительство возглавил Аугустас Вольдемарас¹². Цели переворота сводились его организаторами к желанию воспрепятствовать как полонизации страны, так и пробольшевистской политике правительства, которая расценивалась как несущая реальную угрозу государству. 20 декабря новоиспеченный глава правительства, по совместительству занявший пост главы МИД, на пресс-конференции сетовал на нежелание прежнего правительства противостоять большевистской кампании, которую в своих интересах могла использовать Польша¹³. Тема коррупции в государстве, которая была актуальна до переворота, как-то отошла на задний план.

Заявления, прозвучавшие из уст членов нового правительства, должны были, по крайней мере, насторожить советскую дипломатическую миссию в Каунасе. Однако состоявшаяся 22 декабря 1926 г. примечательная беседа С.С. Александровского с премьером А. Вольдемарасом свидетельствовала об обратном¹⁴. Не может не

¹¹ На готовность литовской стороны подписать договор не могли не повлиять неоднократно передававшаяся из Москвы информация о готовности Пилсудского к развязыванию вооруженного конфликта. Вне зависимости от того, насколько эти сведения отражали реальность, они определенно создавали необходимый эффект. См.: *Raimundas Lopata. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption // Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1944. Hrsg. von Erwin Onerländer. Paderborn, München, 2001. P. 111. В конце июля 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав доклады Чичерина, Стомонякова и Микояна, сочло возможным, «чтобы НКВД при переговорах со Сляжевичем, в случае необходимости, в осторожной форме дал понять о возможности обращения советского правительства по поводу готовящегося нападения Польши на Литву». См. об этом: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 5.*

¹² Анализ персонального состава кабинета А. Вольдемараса см., например: *Algis Bitautas. Augustino Voldemaro vyriausybės ministrų personalijos (1926 m. gruodis–1929 m. rugsėjis) // Istorija. 2013. № 1. P. 4–19.*

¹³ Об оценках переворота в Каунасе см.: *Algimantas Kasparavičius. Views of Western countries on the 1926 coup d'état in Lithuania // Lithuanian historical studies. 2007. № 12. P. 113–140.*

¹⁴ В этот день было опубликовано интервью главы МВД полковника И. Мустейкиса, в котором он заявил, что ликвидация большевизма будет продолжена, а государственный аппарат очищен полностью от нежелательных элементов. В этот же день дал интервью и Вольдемарас, заявивший, что первой задачей правительства станет возвращение Вильнюса и что оно будет взаимодействовать с

удивлять отсутствие дипломатического такта, проявленное в ходе разговора Александровским. Неизбежным становится и вопрос, насколько в действительности ориентировался в сложившейся обстановке полпред.

Я прямо спрашивал Вольдемараса, кто же сделал переворот, и его ответ гласил – национальное офицерство <...> Я продолжал высказывать сомнения, ссылаясь на то, что известное мне заставляет наоборот опасаться, не является ли все это дело инсценировкой господ иезуитов, в которой он и Сметона играют весьма служебную роль, хотя им по внешности отведена почетная роль <...> я не знаю до сих пор, является ли он триумфатором, или только почетным пленником, привязанным к колеснице триумфатора. Я сомневаюсь также, не едет ли на этой колеснице, в качестве действительного триумфатора Пилсудский по дороге из Вильно в Ковно. <...> Он [Вольдемарас] учитывает и основательность моего беспокойства, если бы оказалось, что в перевороте участвует рука хадеков¹⁵ с самого начала. Но этого, безусловно, нет <...> Прошедший переворот можно считать самым неприятным сюрпризом, какой может быть преподнесен Польше <...> он решительно протестует против того, что я, после такого долгого знакомства с ним и Сметоной, мог питать такие подозрения <...> Польша старается спровоцировать коммунистическое выступление, чтобы воспользоваться им для вмешательства во внутренние дела Литвы¹⁶.

Выслушав объяснения Вольдемараса, Александровский якобы попросил не морочить ему голову:

Я не обыватель Ковно, которого нужно пугать большевизацией для оправдания переворота военных. Вольдемарас замялся¹⁷.

В своем докладе в Москву Александровский настаивал, что, хотя Вольдемарас и Сметона участвовали в заговоре, но то, что переворот случился именно в этот день и час было для них сюрпризом:

У меня осталось впечатление, что идейный вдохновитель сам Вольдемарас, Сметона – вывеска. <...> Переворот круто изменил соотношение сил в стране против нас и в пользу Англии и Польши <...> Опасения всякого мирного внедрения польского влияния в Литве кажутся мне нереальными, по крайней мере, на близкое будущее. Другое дело опасность прямого вооруженного вмешательства Польши. Возможности для этого, безусловно, созданы переворотом¹⁸.

Полпред считал, что Литва находилась в состоянии совершенно неустойчивого равновесия.

Переворот и последовавший расстрел четырех коммунистов¹⁹, который Александровский и первый секретарь полпредства Д.Э. Скалов не смогли предотвратить, вывели из равновесия полпреда, считавшего себя весьма влиятельной фигурой в Литве. После католического Рождества Александровский сообщал в Москву:

Нужны другие средства, которыми можно было бы прошибить толстую шкуру бронтозавров, фактически хозяйствующих в Литве. В поисках за этими средствами я решаюсь высказать следующее. У нас в Москве имеется целая серия расписок почти за три года, в которых кое-кто из пришедших к власти (чтобы не называть имен, которые Вы вспомните) должен быть чрезвычайно заинтересован <...> Опубликование того, куда шли «большевистские» деньги в Литве может кое-кого буквально резать раз и навсегда. Я понимаю, что подобного рода опублико-

теми, кто признает Вильнюс литовским и может помочь его вернуть. Признавал Вильнюс литовским только СССР. См. об этом: *Alfonsas Eidintas. Antanas Smetona and his Lithuania: From the National Liberation Movement to an Authoritarian Regime (1893–1940)*. Brill, 2015. P. 182, 183.

¹⁵ Христианские демократы.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 028. П. 2. Д. 44. Л. 2–5.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 12, 13, 14.

¹⁹ В связи с казнями коммунистов в Москве сочли целесообразным ограничиться организацией общегородского митинга протеста в Колонном зале Дома Союзов. См. об этом: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 36.

вание чрезвычайно компрометировало бы и нас. Поэтому я не собираюсь предлагать действительно публиковать подобного рода вещь. Я только думаю, что мог бы шантажировать заинтересованных лиц угрозой опубликования²⁰.

Александровский пошел на такой шаг, который был недопустим для главы дипломатической миссии страны, стремившейся поддерживать особые отношения с Литвой. Он не откликнулся на приглашение на новогодний прием у президента Литвы А. Сметоны. Скандальная ситуация имела последствия.

С.С. Александровский упорно отказывался верить тому, что реальная власть оказалась в руках лидеров Союза литовских националистов (таутининков). Он доказывал Б.С. Стомонякову:

Вольдемарас и Сметона действительно не имеют абсолютно никакой власти. Меня интересовал вопрос, кому же она в таком случае принадлежит? Здесь на первом плане стоял вопрос о хадеках <...> я не мог установить того, чтобы власть принадлежала хадекам, хотя бы приблизительно в том размере, в каком она отсутствует у Сметоны и Вольдемараса <...> Сейчас вошница, все же, играет решающую роль. Социально она не имеет четкой физиономии²¹.

Если указание на офицерские круги как серьезный фактор внутривосточной нестабильности соответствовало действительности, то заикленность полпреда на мысли о некоем скрытом от глаз общественности сохраняющемся влиянии христианских демократов с неизбежностью порождала опасения, что имевшийся ранее тренд на польско-литовское сближение отнюдь не ушел в прошлое. Секретарь полпредства Д.Э. Скалов, ссылаясь на информацию, полученную от военного атташе, писал в середине февраля 1927 г., что христианские демократы ведут «оживленную акцию по литовско-польскому сближению и активно нажимают на Литпра»²².

Попытки А. Вольдемараса вовлечь СССР в эвентуальный литовско-польский конфликт

В Москве не могли не вызвать настороженность некоторые публичные выступления проявившего исключительную активность Вольдемараса²³. Это вынудило Стомонякова в беседе с литовским посланником Ю. Балтрушайтисом 14 марта 1927 г. заявить:

Чем объяснить отсутствие указания в декларации Вольдемараса на то, что отношения с СССР будут развиваться на основании договора 28 сентября? Отсутствие ссылки на договор 28-го сентября, в котором вновь подкрепляется принадлежность Вильно к Литве, и злобная ссылка в декларации Вольдемараса, что СССР признает право самоопределения только за пролетариатом, не может не вызывать впечатления, что Вольдемарас не придает серьезного значения договору 28-го сентября <...> «во вне» Литпра создавало впечатление охлаждения между нами, и его нужно как-то изгладить»²⁴.

Александровский, осознавший, насколько испортил личные отношения с новым литовским руководством, попытался сгладить недовольство своего начальства намеками на желательность отставки («сейчас прямо неблагоприятно оставлять меня дольше в Ковно»), но при этом отказывался признавать собственные промахи. Без лишней скромности он писал в Москву, что для литовских правителей он стал

²⁰ АВП РФ. Ф. 028. П. 2. Д. 44. Л. 33.

²¹ Там же. Л. 66–67.

²² Там же. Л. 86.

²³ Скорее всего именно охлаждением двусторонних отношений было продиктовано принятое 3 марта Политбюро ЦК ВКП(б) решение о нецелесообразности заезда полпреда в Германии Н.Н. Крестинского в Каунас на обратном пути в Германию. См. об этом: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 70.

²⁴ АВП РФ. Ф. 09. Оп. 2. П. 13. Д. 2. Л. 153–154.

«в достаточной мере персона унграта», так как его считают «очень умным, хитрым, сорви головой, одно присутствие которого в Литве доставляет для них прямо жизненную угрозу»²⁵. И вместе с тем не намекал, а довольно категорично советовал руководству:

Если у Вас есть весьма достаточные основания ожидать в самом близком будущем решительных и крупных осложнений на наших границах, вплоть до военного конфликта, то меня можно и, пожалуй, нужно оставить в Ковно. Если дело дойдет до драки, то моя «популярность» в качестве имеющего в Москве вес «боевика» и мое знание Сметоны и Вольдемараса могут оказаться полезными²⁶.

В Москве к этому времени вопрос о замене полпреда был решен. 3 мая 1927 г. литовская сторона уже согласилась дать агреман новому полпреду – А.Я. Аросеву.

В Москве были озабочены внутривосточной нестабильностью в Литве, чреватой непредсказуемым развитием событий. Стомоняков неоднократно в беседах с литовским посланником «старался внушить своему собеседнику заинтересованность в консолидации внутреннего положения в Литве»²⁷. Проявленная в первые месяцы после прихода к власти дуумвиратом Сметона – Вольдемарас явная отстраненность в отношениях с Москвой обуславливалась именно внутренней нестабильностью, однако конфликтность в отношениях с Польшей оставалась, более того, именно эта нестабильность побуждала Варшаву усиливать нажим на Каунас. Вынесение в повестку дня очередной сессии Лиги наций польско-литовского конфликта побуждало литовскую власть обратиться за поддержкой Москвы, где предпочли проявить сдержанность. В начале сентября 1927 г. Стомоняков довел до сведения литовского посланника, что политическое руководство СССР не считает возможным принятие какого-либо участия в сессии Лиги Наций, сославшись на формальный аспект – СССР не является ее членом²⁸. Осознание своей внешнеполитической изоляции вынуждало литовскую сторону настаивать на просьбе о посылке советского наблюдателя в Женеву. Более того, литовский посланник в Берлине был уполномочен прозондировать через главу МИД Германии Г. Штреземана возможность допущения советского наблюдателя²⁹. Литовской стороне было отказано в повторном публичном изложении советской позиции по польско-литовскому спору.

Именно внешнеполитическая изоляция вынудила Литву согласиться на проведение в апреле 1928 г. переговоров с Польшей в Кенигсберге. В отношении этих переговоров между руководством НКВД и полпредом в Литве А.Я. Аросевым возникли трения. Последний был против директивы НКВД сделать Вольдемарасу предупреждение о том, чтобы тот не пытался сорвать открывавшуюся конференцию. Это за полчаса до начала переговоров сделал советский консул в Кенигсберге Г.К. Меерзон³⁰. Аросев принципиально не соглашался с базовыми оценками своего руководства в отношении Литвы, считая, что коллегия НКВД, вынося свое решение о необходимости рекомендовать Вольдемарасу уступчивость, исходила из того, что иначе не избежать вооруженного столкновения между Польшей и Литвой, а

²⁵ АВП РФ. Ф. 028. П. 2. Д. 44. Л. 94, 95.

²⁶ Там же. Л. 97.

²⁷ Там же. Ф. 09. Оп. 2. П. 13. Д. 2. Л. 175.

²⁸ Там же. Л. 194.

²⁹ Там же. Л. 196.

³⁰ Там же. Ф. 0151. Оп. 16. П. 32. Д. 2. Л. 57–58. Г.К. Меерзон занимал пост генерального консула в Кенигсберге в 1928–1930 гг. См.: *Костяшев Ю.В.* «Польский вопрос» в советско-германских отношениях второй половины 1920-х годов (по материалам консульства в Кенигсберге) // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 137.

такую возможность и я долгое время считал реальной, пока годовой опыт работы здесь не убедил меня в том, что при данной ситуации вооруженное столкновение, открытое или замаскированное, между Польшей и Литвой исключено. <...> Из моего опыта работы здесь я вывожу совершенно безбоязненно заключение, что Польша не имеет никаких данных нападать на Литву, как бы Литва не была непримирима по отношению к Польше <...> Я исхожу из того факта, что мы не пацифисты, и, следовательно, не можем избегать войны только потому, что она война, даже в том случае, когда та или иная мирная акция, как в данном случае соглашение Польши с Литвой для нас приносит больше вреда, чем военная акция. На основании всего вышеизложенного я считаю своим долгом, вытекающим не только из совести, но и из моего опыта и наблюдений, поставить перед НКВД о пересмотре нашей линии в польско-литовском конфликте³¹.

Отношение в Москве к польско-литовским переговорам было сдержанным. Желательным, судя по всему, признавалось только снятие особой напряженности в отношениях между Каунасом и Варшавой. Этим обуславливался отказ советской стороны от участия в переговорах о польско-литовском пакте, предложенном польской стороной. Чтобы смягчить отказ, Москва предложила Вольдемарасу «заключить с поляками соглашение генуэзского образца»³². Именно по этой причине полпред Аросев удостоился выволочки со стороны руководства. Явно раздраженный Стомоняков писал полпреду:

Я считаю ошибочным, что Вы в последнем разговоре с Вольдемарасом, в ответ на его заявление, что он хотел бы, чтобы мы, приняв участие в заключении польско-литовского пакта, гарантировали, что мы не будем нападать на Польшу с северо-востока, – заявили, что нам неудобно принимать такое обязательство, «поскольку мы готовы заключить с Польшей пакт о ненападении с любого участка. Напротив, мы всегда стремились говорить литовцам, что польско-советские переговоры о пакте несерьезны и не приведут к положительным результатам. Наша ценность для Литвы измеряется главным образом с точки зрения возможности нашей войны с Польшей. Не нам уверять Литву в том, что мы пацифисты во что бы то ни стало»³³.

Поскольку Аросев не был склонен отказываться от своих взглядов, Стомонякову пришлось еще раз жестко указать полпреду:

Мы не заинтересованы в том, чтобы толкать Вольдемараса на политическое соглашение с Польшей, и Ваше противоположное заключение совершенно необоснованно. Вы забываете, что наш совет Вольдемарасу вручить полякам контрпроект «генуэзского образца» диктовался необходимостью парировать ловкий ход поляков, предложивших заключить пакт о ненападении. Простое отклонение этого предложения восстановило бы против Литвы все общественное мнение за границей <...> именно «генуэзский» характер этого соглашения подчеркивал бы неурегулированность политических отношений между обеими странами³⁴.

В Москве оказались обеспокоены тем, что в ходе переговоров со стороны польских делегатов прозвучали намеки на возможность раздела сфер влияния с СССР («будто правительство СССР намеревается дать согласие на присоединение в той или иной форме Литвы к Польше под условием получения Советским Союзом компенсации в виде присоединения к нему Латвии»)»³⁵.

Впрочем, литовская сторона сама целенаправленно торпедировала возможность политического урегулирования конфликта с Польшей. 25 мая вступила в силу новая конституция Литвы, в которой столицей был назван Вильнюс. Анализируя действия литовской стороны, Стомоняков приходил к следующему выводу:

³¹ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 16. П. 32. Д. 3. Л. 167–168.

³² Там же. Д. 2. Л. 65. Под «генуэзским образцом» имеется в виду протокол о мирном разрешении международных конфликтов, утвержденный Лигой Наций 2 октября 1924 г. Протокол устраивал Францию, так как содержал гарантии сохранения территориального status quo, установленного Версальским договором, в частности, гарантии границ восточноевропейских союзников Франции.

³³ Там же. Л. 71.

³⁴ Там же. Л. 83.

³⁵ Там же. Л. 90.

Когда продумываешь все шаги А. Вольдемараса в польско-литовском конфликте и стремление найти в них какой-нибудь смысл, то невольно приходит в голову мысль, что Вольдемарас или спекулирует на возможности польско-советского вооруженного конфликта, или стремится создать такое положение, при котором всему литовскому народу стало бы ясно, что для него нет другого выхода, как «получить Вильно» в рамках польской федерации³⁶.

Озабоченность последствиями такой политики послужила для коллегии НКВД причиной принятия решения о том, чтобы уезжавший в отпуск в Германию Стомоняков сделал остановку в Каунасе, переговорил с Вольдемарасом с глазу на глаз и сделал бы тому предупреждение, что «если он не будет следовать нашим советам умеренности и спровоцирует конфликт, он не может рассчитывать на нашу поддержку»³⁷.

Для временного поверенного в делах СССР в Литве С.И. Рабиновича изложенной Б.С. Стомоняковым дилеммы не существовало, он был уверен, что все расчеты А. Вольдемараса покоились на тезисе о близости советско-польской войны:

В случае таковой Вольдемарас предвидит для Литвы не одну только возможность выгодного использования ее стратегического положения для получения Вильно. В не меньшей, пожалуй, мере он строит расчеты на том, что такая война могла бы эвентуально повести к возникновению новых государств из частей СССР и Польши, а именно Белоруссии и Украины, и что тогда для Литвы создалась бы совершенно иная международная ситуация, с иными гарантиями независимости и иными перспективами <...> Я должен тут особо отметить и подчеркнуть, что оценка Вольдемараса как человека, якобы одержимого самодурством *par excellence* и не взвешивающего своих планов, была бы глубоко неправильной. Вольдемарас груб, нахален, хулиганист, но его манеры и приемы не должны обманывать относительно того, что у него есть линия, по крайней мере, до сего времени последовательно и не без умелости и ловкости им проводившаяся <...> Вольдемарас и в Лондоне, и в Женеве мог укрепиться в мысли, что со стороны англичан (и французов) форсируется нападение на нас через Польшу – от того и их нетерпеливые усилия поскорее заставить Литву идти на установление отношений с Польшей³⁸.

Вольдемарас неизменно стремился доводить до сведения советской стороны тревожную информацию. За неделю до приезда в Каунас Стомонякова он сообщил Рабиновичу, что в Варшаве решено покончить с Литвой осенью, оторвать от СССР Украину и включить ее в состав Польши, подчеркнув, что

не в польско-литовских отношениях нужно искать повода для ближайшей европейской войны, а в польско-советских³⁹.

Искусственность построений Вольдемараса, с одной стороны, в Москве осознавалась, но с другой, вызывала обеспокоенность его возможными последующими действиями, вполне способными вызвать вооруженный конфликт с Польшей. По этой причине, хотя у Стомонякова и вызывала сомнения предполагаемая поездка через Каунас, тем не менее в коллегии НКВД было решено, что встреча в литовской столице должна состояться.

10 июля у Стомонякова состоялась трехчасовая беседа с Вольдемарасом. Выяснилось, что литовский политик

не только не согласен сойти с того непримиримого пути, которого держался до сих пор в польско-литовских переговорах, но считает для теперешнего литовского правительства этот путь единственно возможным, так как в противном случае его правительство может быть свергнуто. При этом он признавал, что не обманывает себя относительно того, что СССР не окажет ему никакой военной помощи в том случае, если военное столкновение между Польшей и Литвой

³⁶ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 16. П. 32. Д. 2. Л. 98–99.

³⁷ Там же. Л. 101.

³⁸ Там же. Д. 3. Л. 250–251.

³⁹ Там же. Л. 291–292.

произойдет в такой момент, который Советский Союз считает для себя неудобным; другими словами, он не рассчитывает, что ему удастся ввязать СССР в польско-литовский вооруженный конфликт⁴⁰.

Оценивая результаты каунасских переговоров, исполнявший обязанности члена коллегии НКВД С.С. Александровский сообщал Рабиновичу:

На Вольдемараса нужно продолжать давить всеми средствами для того, чтобы побудить его заключить с поляками хотя бы соглашение о пограничном сообщении <...> а также соглашение о сплаве леса по Неману <...> В полной силе остается и директива о необходимости внушать литовцам мысль, что мы не позволим спровоцировать военное столкновение между нами и Польшей и не станем защищать Литву, если она вызовет военное столкновение с Польшей. Однако для Вашей личной ориентации я должен сказать, что существование независимой Литвы <...> для нас чрезвычайно важно, и поэтому мы не можем не предпринимать мер к предотвращению возможного польского насилия над Литвой⁴¹.

Фактическое откладывание в Лиге наций рассмотрения польско-литовского спора было положительно воспринято в Москве. Стомоняков поспешил написать Аросеву:

Актом высшей мудрости со стороны Вольдемараса было бы использовать эту передышку <...> для того, чтобы взять инициативу в свои руки, использовав благоприятную для него ситуацию для заключения какого-нибудь соглашения с Польшей, с тем, чтобы на основе этого соглашения добиться на следующей сессии Совета Лиги наций снятия польско-литовского вопроса с дальнейшего обсуждения в Женеве. <...> наиболее целесообразно было бы для Литвы заключить с Польшей соглашение об отказе от насильственных действий для разрешения спорных вопросов по генуэзскому образцу. Пакт Келлога не устраняет целесообразности такого соглашения⁴².

Позже, развивая свою мысль, Стомоняков напишет:

Убеждение Вольдемараса, что «пакт Келлога, по крайней мере, на два года обеспечивает Европе мир» и, следовательно, обеспечивает Литву от нападения Польши, поражает своей наивностью. Польша незачем официально объявлять войну Литве для того, чтобы оккупировать ее. Она может организовать дело таким образом, что «нападение будет исходить от самой Литвы», или что «в Литве народ восстает против Вольдемараса» и заключит с Польшей нужный ей договор <...> Что касается утверждения Вольдемараса, будто я утверждал, что «Польша будет находиться в мирных отношениях с СССР максимум (или минимум) еще 10 лет», то <...> я говорил ему, что, конечно, Польша усиленно готовится к войне с нами, но что война эта не является делом самого близкого будущего. Польша, – говорил я, – может начать войну следующей весной, может начать ее через год, может быть и через несколько лет <...>. Во всяком случае – и в этом был центр тяжести моей аргументации – расправа с Литвой должна предшествовать войне Польши с СССР. Из стратегических и политических соображений Польша пойдет на расправу с Литвой, прежде чем решится напасть на нас⁴³.

Более того, советская сторона предприняла в Берлине и Тегеране шаги, чтобы при поддержке Германии и Персии наиболее безболезненно завершить обсуждение литовского вопроса в Лиге наций, чтобы

дальнейшее урегулирование отношений между Польшей и Литвой непосредственно дипломатическим переговорам между обеими странами⁴⁴.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 16. П. 32. Д. 3. Л. 305–306.

⁴¹ Там же. Д. 2. Л. 1119.

⁴² Там же. Л. 143–144.

⁴³ Там же. Л. 154–155.

⁴⁴ Там же. Л. 176.

Тем не менее советская точка зрения не оказала воздействия на Вольдемараса⁴⁵, что и дало о себе знать в ходе очередного раунда польско-литовских переговоров в Кёнигсберге в начале ноября 1928 г. Высказанное польской делегацией мнение, что вопрос о гарантиях безопасности в связи с подписанием пакта Келлога утрачивает свое значение, Вольдемарас парировал не только отсылкой к сделанным польской стороной оговоркам при подписании пакта, но и предложил подписать такого же рода пакт в рамках территориально более ограниченных, например, пакт, имеющий участниками лишь ближайшие государства, как Германия, СССР, Польша, Литва, Латвия⁴⁶. Перед началом нового года в Москве продолжали испытывать опасения, что «Вольдемарас будет саботировать непосредственные переговоры с поляками»⁴⁷.

Попытки советских дипломатов в связи с кампанией по подписанию дополнительного протокола к пакту Келлога склонить на рубеже 1928–1929 гг. Вольдемараса к подписанию трилатерального (польско-литовско-советского) пакта оказались безнадежными⁴⁸. В Москве разделили мнение полпреда Антонова-Овсеенко, что

мы в Литве настолько слабо противоборствовали закреплению нам враждебных явлений, что сейчас здесь нет ни одной политической партии или группы, которая осмелилась не то чтобы рекомендовать ориентацию на Москву, но просто оговаривать необходимость установления добрососедских отношений с нами⁴⁹.

Вместе с тем в Москве получали информацию о том, что позиции Вольдемараса в Литве пошатнулись. В беседах в НКВД посланник Ю. Балтрушайтис открыто говорил об изоляции главы правительства, об отсутствии у него серьезной поддержки даже в армии⁵⁰. Когда 6 марта 1929 г. состоялось заседание Коллегии НКВД, было принято решение о необходимости уклоняться под любым предлогом, от какого бы то ни было пересмотра и углубления договорных отношений с Литвой. Вместе с тем на этом же заседании было принято и два других решения: просить Госиздат отмечать во вновь издаваемых им географических картах особой краской или пунктиром спорную между Литвой и Польшей территорию, а не изображать ее на карте, как область, целиком принадлежащую Польше⁵¹. Кроме того, Коллегия отнеслась отрицательно к посылке Литвой военных специалистов в советские военные учебные заведения (в данном случае члены Коллегии не считали возможным усиление у приехавших советофильских настроений)⁵².

Давая оценку советско-литовским отношениям при Вольдемарасе, Стомоняков писал полпреду:

Вы говорите о симптомах «серьезного отклонения Литвы с пути особого сближения с нами». Необходимо, однако, признать, что сколько-нибудь серьезной близости у нас с Литвой Вольдемараса никогда не было или, если так можно выразиться, между нами существовала «одно-

⁴⁵ В одном из своих писем руководству, занявший пост полпреда в Литве Антонов-Овсеенко замечал: «Правительство Вольдемараса не столь дружественно нам, чтобы было способно понимать нас с полуслова и следовать нашей инициативе, без предварительного с ним сговора». См.: АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 17. П. 34. Д. 1. Л. 38.

⁴⁶ Там же. Оп. 16. П. 32. Д. 3. Л. 449. Стоит заметить, что М.М. Литвинов считал Вольдемараса в известном смысле автором идеи дополнительного протокола к пакту Келлога.

⁴⁷ Там же. Д. 2. Л. 182.

⁴⁸ Там же. Оп. 17. П. 34. Д. 1. Л. 7. Подробнее о подписании дополнительного протокола к пакту Келлога см.: Рупасов А.И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет. СССР и государства-лимитрофы в 1920-х – начале 1930-х гг. СПб., 2008. С. 169–207.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 17. П. 34. Д. 1. Л. 48.

⁵⁰ Там же. П. 35. Д. 3. Л. 16.

⁵¹ Там же. П. 36. Д. 9. Л. 7–8.

⁵² Там же. П. 35. Д. 3. Л. 30.

сторонняя близость. <...> Вольдемарас глубоко враждебен нам и, несомненно, показал бы это в гораздо большей степени, если бы не сознавал, насколько мы ему нужны <...> Наша объективная заинтересованность в независимости Литвы создает известный «автоматизм» в отношениях обоих государств. Воля политиков и смена правительств в Литве тут мало что может изменить⁵³.

Более того, к концу 1929 г. накопившийся опыт общения как с оппозиционными литовскими политиками, так и с представителями партии таутининков оставил у полпреда впечатление склонности к установлению нормальных дипломатических отношений с Польшей при условии признания последней виленского вопроса открытым⁵⁴.

Выводы

Нараставшие постепенно, но неуклонно разногласия между президентом А. Сметоной и Вольдемарасом к 1929 г. перестали быть только сферой слухов. В дипломатическом корпусе в Каунасе имели достаточно полную информацию об отношениях двух политиков. Отсутствие каких-либо значимых успехов у кабинета Вольдемараса стимулировало нарастание недовольства в его родной партии. То, что внутриполитическая ситуация в Литве осложняется, свидетельствовал факт покушения на главу правительства 6 мая 1929 г.⁵⁵ Отказ М.М. Литвинова «заглянуть в Ковно»⁵⁶, хотя литовский посланник Балтрушайтис и доносил в Каунас, что вопрос о визите решен положительно, объяснялся именно тем, что исход политической карьеры Вольдемараса становился более очевидным, а отношение к этому политику у политического руководства СССР уже сложилось крайне негативное. Политбюро не дало своей санкции Литвинову на заезд в Каунас. Антонов-Овсеенко, понимая это, не настаивал даже на обязательности заезда Стомонякова в Каунас по пути в отпуск («может быть – обещать литовцам»)⁵⁷. 19 сентября президент А. Сметона отправил А. Вольдемараса в отставку, упрочив свои позиции назначением зятя Ю. Тубялиса на освободившийся пост.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.02.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.03.2022

References

- Bitautas, Algis. “Augustino Voldemaro vyriausybės ministrų personalijos (1926 m. gruodis–1929 m. rugsėjis) [Personalities of ministers of the Government of Augustine Voldemaras (December 1926 to September 1929).” *Istorija* 89, no. 1 (2013): 4–19 (in Lithuanian).
- Eidintas, Alfonsas. *Antanas Smetona and his Lithuania: From the National Liberation Movement to an Authoritarian Regime (1893–1940)*. Brill: [S.n.], 2015.
- Kasparavičius, Algimantas. “The political projections of the Great Powers with respect to Eastern Europe, 1925–1926.” *Lithuanian Historical Studies*, no. 1 (1996): 163–175, doi: 10.30965/25386565-00101011.
- Kasparavičius, Algimantas. “Views of Western countries on the 1926 coup d’état in Lithuania.” *Lithuanian Historical Studies*, no. 12 (2007): 112–140, doi: 10.30965/25386565-01201006

⁵³ АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 17. П. 35. Д. 3. Л. 33.

⁵⁴ Там же. П. 34. Д. 1. Л. 149, 153.

⁵⁵ Покушение произошло по пути в театр в Каунасе, был убит адъютант А. Вольдемараса, серьезно пострадал племянник премьера. Обвинение было предъявлено представителям левого студенческого движения Аушринанкай, запрещенного в 1926 г.

⁵⁶ Обсуждение вопроса о возможности заезда М.М. Литвинова по пути из Женевы в Каунас начал обсуждаться едва ли не с начала апреля 1929 г. В качестве причины отказа была названа исключительная усталость Литвинова.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 09. Оп. 4. П. 37. Д. 28. Л. 105.

- Kostyashev, Yu.V. “ ‘Polskii vopros’ v sovetsko-germanskix otnosheniakh vtoroi poloviny 1920-kh godov (po materialam konsul’stva v Kyonigsberge).” *Baltic Region*, no. 3 (2013): 135–145, doi: 10.5922/2074-9848-2013-3-10 (in Russian).
- Lopata, Raimundas. “Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption.” In *Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1944*. Hrsg. von Erwin Onerländer, 95–142. Paderborn; München: [S.n.], 2001 (in German).
- Rupasov, Aleksandr I. *Garantii. Bezopasnosti. Neitralitet. Sovetskii Soyuz i limitrofy v 1920-x – nachale 1930-kh gg.* St. Petersburg: Evropeiskii Dom Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Иванович Рупасов, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук; 197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; rupasov_ai@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3172-6205>

Aleksandr I. Rupasov, Dr. habil. hist., Leading Researcher, Department of Modern History of Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; 7 Petrozavodskaya St., St. Petersburg, 197110, Russia; rupasov_ai@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3172-6205>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-190-203>

Научная статья / Research article

Кадровый вопрос в послевоенных прибалтийских республиках: характеристика и решение

Кирилл Анатольевич Болдовский ^a , Никита Юрьевич Пивоваров ^{bc}

^a Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

^b Первый МГМУ имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Россия

^c Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

 bold63@mail.ru

Аннотация: Проанализированы основные качественные характеристики и особенности формирования руководящего состава и специалистов Латвии, Литвы и Эстонии в период «позднего сталинизма». Основными источниками для подготовки статьи стали архивные документы, отложившиеся в тематических делах Политбюро ЦК ВКП(б), и материалы «Единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года» – уникальной закрытой переписки, обнаруженной в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга. В статье были проанализированы общая численность работников в конкретных отраслях, доля, которую составляли работники «коренной» национальности и количество руководителей, приехавших на работу в республики после окончания войны. Последние данные особенно важны, так как позволяют определить долю работников тех или иных отраслей, проживавших в республиках во время оккупации. Особое внимание уделено системе управления и политическим кампаниям, которые оказывали непосредственное влияние на кадровую политику. Анализ, проведенный авторами, показал, что доля руководителей и специалистов «коренных национальностей» не превышала 85 %, а чаще всего находилась в диапазоне 50–60 %. При этом на уровне уездов и волостей доля «коренных» национальностей возрастала до 95 %, то есть на низовом – большинство руководителей и специалистов состояло из местных жителей, как правило беспартийных, проживавших в годы войны на оккупированных территориях. Вероятно, это обстоятельство вызывало беспокойство центральных властей и привело к ряду политических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг. Только после смерти И.В. Сталина началось реформирование кадровой политики, авторами которой можно считать Л.П. Берия и Н.С. Хрущева.

Ключевые слова: номенклатура, страны Балтии, политические репрессии, партийный аппарат, поздний сталинизм

Для цитирования: Болдовский К.А., Пивоваров Н.Ю. Кадровый вопрос в послевоенных прибалтийских республиках: характеристика и решение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 190–203. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-190-203>

Cadres Issue in the Post-war Baltic Republics: Characteristics and Solution

Kirill A. Boldovskiy ^a , Nikita Yu. Pivovarov ^{bc}

^a St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

^b First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia

^c Institute of World History of Russian Academy of Sciences

 bold63@mail.ru

Abstract: The article analyzes the main qualitative characteristics and features of the leadership and specialists' formation of Latvia, Lithuania and Estonia in the period of “late Stalinism.” The main sources for the article were the archival documents of the thematic cases of the Politburo of the Central

Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks and the materials of the “Survey of executives and specialists as of November 1, 1947” – a unique closed census, the results of which were reported only to the top Soviet leadership. The article analyzes the total number of employees in specific industries, the proportion of the workers of the “indigenous” nationality and the number of managers who came to work to the republics after the end of the war. The latter data are of particular importance, since they made it possible to calculate the proportion of workers in certain industries who lived in the republics during the occupation. Special attention is paid to the management system and political campaigns that exerted direct influence on cadres policy. The analysis carried out by the authors showed that the proportion of leaders and specialists of “indigenous nationalities” did not exceed 85 %, and most often was 50–60 %. At the same time, at the level of uyezds and volosts, the proportion of “indigenous” nationalities increased to 95 %, i.e. at the grassroots level, most of the leaders and professionals were local residents, usually non-members, who had spent the war years under the occupation. Probably, this circumstance caused concern of the central authorities and led to a number of political campaigns in the late 1940s – early 1950s. Only after J.V. Stalin’s death did the reform of cadres policy begin; L.P. Beria and N.S. Khrushchev can be considered its authors.

Keywords: nomenklatura, Baltic countries, late Stalinism, political repressions, party apparatus

For citation: Boldovskiy, K.A., and Pivovarov, N.Yu. “Cadres Issue in the Post-war Baltic Republics: Characteristics and Solution.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 190–203. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-190-203>

Введение

Одной из важнейших задач, которые пришлось решать советскому руководству после окончания Великой Отечественной войны, стала проблема организации системы управления в регионах, освобожденных от оккупации. Наиболее сложной была обстановка на тех территориях, которые были включены в состав СССР незадолго до начала войны: Литве, Латвии, Молдавии и Эстонии, в западных областях Белоруссии и Украины.

Вместе с тем стоит отметить, что основной массив историографии, посвященный Латвии, Литве и Эстонии в период позднего сталинизма, как правило, был связан с двумя темами – вооруженным сопротивлением и массовыми репрессиями. Исключением в этом смысле являются публикации историков О. Мертельсманна, Д. Фееста, Е.Ю. Зубковой, М.В. Ходякова¹, посвященные преимущественно социально-экономическим аспектам развития трех республик Балтии. Проблемы формирования и распределения руководящих кадров как основы советизации в республиках рассматривались в отдельных работах Е.Ю. Зубковой, эстонских историков – Т. Таннберга и Х. Таммелы², а также в специальном номере журнала «Ajalooline Ajakiri» (под общ. ред. Т. Таннберга)³. Однако в них историки уделяли внимание

¹ *Mertelsmann O.* Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt- zur Kommandowirtschaft. Hamburg, 2006; Mertelsmann O., Rahi-Tamm A. Cleansing and compromise. The Estonian SSR in 1944–1945 // *Cahiers du Monde Russe*. 2008, 49 (2–3). P. 319–340; *Mertelsmann O.* Die Sowjetisierung Estlands und seiner Gesellschaft. Kovač, Hamburg, 2012; *Feest D.* Zwangskollektivierung im Baltikum. Köln, Weimar, Wien, 2007; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008; *Она же.* Центр и балтийские Республики: «перезагрузка» взаимоотношений в 1950-е гг. // *Уральский исторический вестник*. 2019. № 2 (63). С. 112–119; *Ходяков М.В.* Материалы государственного архива Эстонии как источник по изучению истории военнопленных второй мировой войны в лагерях НКВД-МВД ЭССР. 1944–1949 гг. // *Вестник архивиста*. 2013. № 2. С. 121–132; *Он же.* Партийно-советское руководство Эстонской ССР и борьба за трудовые ресурсы лагерей НКВД для иностранных военнопленных в 1944–1946 гг. // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2015. № 21. С. 272–282.

² *Зубкова Е.Ю.* Феномен «местного национализма»: «Эстонское дело» 1949–1952 годов в контексте советизации Балтии // *Отечественная история*. 2001. № 3. С. 89–102; *Tammela H.* Eesti NSV nomenklatuur (1944–1953). *Bakalaureusetöö*. Juhendaja. Tartu, 2005; *Таннберг Т.* Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). Исследования и документы. М., 2010.

³ *Hämäläinen M.* Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee nomenklatuur 1945–1990: areng ja statistika // *Ajalooline Ajakiri*. 2015. № 4. P. 357–386; *Liivik O.* Nomenklatuurisüsteemi funktsioneerimisest aastatel 1944–1953 Eesti NSV valitsusliikmete näite // *Ajalooline Ajakiri*. 2015. № 4. P. 387–406.

изменениям в составе высших руководящих кадров, тогда как вопросы функционирования среднего и низшего руководящего звена не рассматривались.

В статье ставится задача комплексного исследования руководящего состава республик Балтии в первые послевоенные годы, уделив особое внимание проблемам соотношения «местных» (латвийских, литовских и эстонских) и «приезжих» (главным образом русскоязычных) кадров.

Основными источниками для подготовки статьи стали материалы Политбюро ЦК по Латвии, Литве и Эстонии, отложившиеся в фондах Российского государственного архива новейшей истории (далее – РГАНИ). Основные численные данные были получены в результате анализа материалов «Единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года», находящихся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб)

Создание Бюро ЦК ВКП(б) по прибалтийским республикам

С конца 1944 г. по март 1947 г. управление республиками осуществлялось Бюро ЦК ВКП(б). В административно-территориальном управлении Латвии, Литвы и Эстонии в первые послевоенные годы можно выделить несколько периодов. Административное деление с 1944 г. по 1949–1950 гг. оставалось традиционным и было представлено уездами и волостями (в Литве функционировали в качестве одной из низших административных единиц еще и апилинки (*apylinkė*)). С конца 1949 г. начинается процесс формирования районов. На 1950–1952 гг. пришелся второй этап административно-территориальных изменений, связанный с образованием в республиках областей. Весной 1953 г. наступил завершающий этап, связанный с ликвидацией областного деления.

Бюро ЦК ВКП(б) по республикам появились практически сразу после освобождения территорий от оккупации. В соответствии с постановлением Политбюро от 11 ноября 1944 г. были образованы Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и Эстонии⁴, 29 ноября того же года – Бюро ЦК по Латвии⁵. Все три Бюро, в соответствии с преамбулой текста постановлений, были созданы «в целях оказания помощи» местным ЦК компартиям «в деле укрепления руководства партийными, советскими и хозяйственными организациями». Вместе с тем функции Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и Эстонии были прописаны существенно подробнее, чем Латвии. Вероятно, это объяснялось тем, что председателем Бюро по Эстонии и Латвии был назначен один человек – Н.Н. Шаталин, бывший первый заместитель начальника Управления кадров ЦК, который уже знал свои полномочия.

Функции республиканских Бюро сводились к четырем основным задачам: а) укрепление руководящих кадров аппаратов центральных и местных как партийных, так и государственных органов; б) борьба «с буржуазными националистами и другими антисоветскими элементами»; в) реализация мер по восстановлению экономик республик и г) организация идеологической работы среди населения и «большевистское воспитание партийных и советских кадров»⁶. Бюро непосредственно подчинялись ЦК ВКП(б) и должны были регулярно отчитываться перед руководством партии.

Состав всех трех Бюро был довольно стандартным – непосредственными руководителями (председателями и их заместителями) были люди, присланные из Москвы, тогда как членами состояли «местные» кадры: уполномоченные НКВД и НКГБ

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 62; Там же. Д. 905. Л. 49.

⁵ Там же. Д. 193. Л. 55.

⁶ Там же. Д. 205. Л. 62; Там же. Д. 905. Л. 49.

СССР по республикам, первые секретари компартий и председатели совнаркомов. Так, в состав Бюро по Латвии, кроме Н.Н. Шаталина и его заместителя Ф.М. Бутова, в качестве членов вошли А.Н. Бабкин (уполномоченный НКВД и НКГБ СССР по Латвии), Я.Э. Калнберзинь (первый секретарь ЦК КП(б) Латвии) и В.Т. Лацис (председатель СНК Латвии). С мая 1946 г. членом Бюро был утвержден командующий Прибалтийским военным округом И.Х. Баграмян. В состав Бюро ЦК по Литве, кроме М.А. Суслова⁷ и его заместителя Ф.Г. Ковалева, вошли И.М. Ткаченко (уполномоченный НКВД и НКГБ СССР по Литве), А.Ю. Снечук (первый секретарь ЦК КП(б) Литвы) и М.А. Гедвилас (председатель СНК Литвы). Наконец, в Бюро ЦК по Эстонии, кроме Шаталина и его заместителя Г.В. Перова, вошли Н.С. Сазыкин (уполномоченный НКВД и НКГБ СССР по Эстонии), Н.Г. Каротамм (первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии) и А.Т. Веймер (председатель СНК Эстонии).

Взаимоотношения между председателями Бюро и местными руководителями складывались непросто. Так, М.А. Суслов в своем отчете о первом полугодии работы в Литве докладывал, что в начале встретил довольно прохладный прием со стороны руководства ЦК и СНК республики. Первый секретарь ЦК КП(б) Литвы Снечук уже на первой встрече задал Суслову вопрос: «Не означает ли Ваш приезд, что теперь руководящую роль будут играть русские товарищи?»⁸. С аналогичными настроениями со стороны местных руководителей столкнулся и Н.Н. Шаталин. В отчете за первый год работы Бюро, который Шаталин представил И.В. Сталину, было указано, что Я.Э. Калнберзинь и В.Т. Лацис опасались «возможности подмены местных руководящих органов, а, следовательно, понижения их авторитета»⁹.

Главное внимание всех трех Бюро было сосредоточено на «очищении» республик от «враждебных элементов», разгроме «буржуазно-националистического подполья» и «буржуазно-националистических банд», для чего использовались с конца 1944 г. органы НКВД, НКГБ, СМЕРШ, партийные и комсомольские структуры. В результате уже к апрелю 1945 г. только в Латвии было ликвидировано почти 56 бандформирований, задержано и убито почти 8 тыс. чел., ликвидированы несколько подпольных типографий. В Эстонии к апрелю 1945 г. были арестованы и убиты около 9 тыс. чел.¹⁰

Параллельно со спецоперациями в республиках шла активная агитационная работа среди населения. С учетом того, что советская власть до войны просуществовала в Балтийских государствах не слишком долго, а до включения этих территорий в состав СССР и во время немецкой оккупации здесь велась антисоветская, националистическая агитация, требовалось немало усилий, чтобы охватить максимально широкий круг населения. Для этого с подачи руководства Бюро и местных ЦК компартий проводились волостные, уездные, республиканские собрания и съезды крестьян, молодежи и т.д., на которых разъяснялась политика ВКП(б) и советской власти по восстановлению экономики республик, читались доклады на темы военно-политического и международного положения СССР, злодеяний немецких фашистов и их латышских (литовских, эстонских) пособников и др.

Наряду с идеологической работой активно шел процесс восстановления сельского хозяйства и промышленности республик. В этих условиях основное внимание руководителей Бюро было направлено на решение кадрового вопроса, который был ключевым в планах по советизации республик Балтии. Однако решения о назначениях на ответственные должности давались чрезвычайно сложно. Шаталин в середине мая 1945 г. жаловался, что за семь месяцев работы так и не удалось до конца

⁷ Подробнее о роли М.А. Суслова см.: *O'Sullivan D. Reconstruction and Repression – the role of M. Suslov in Lithuania, 1944–1946 // Forum für osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte. 2000. P. 195–208.*

⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 213. Л. 53.

⁹ Там же. Д. 194. Л. 32–33.

¹⁰ Там же. Д. 907. Л. 26.

укомплектовать центральный аппарат Компартии Эстонии. Речь шла всего о 78 ответственных должностях. Местный аппарат управления вплоть до начала 1946 г. был укомплектован больше, чем наполовину. В Латвии в это же время, по информации Шаталина, также остро стоял вопрос о среднем (уездном) и низовом (волостном) звеньях управления¹¹.

Проблема во многом заключалась в том, что в этих республиках фактически отсутствовали просоветски настроенные кадры, а различные должности на местах занимали не имевшие опыта руководящей работы люди (бывшие партизаны, инвалиды войны, а иногда и просто пострадавшие от немцев рабочие и крестьяне, получавших свои должности в качестве своеобразной компенсации). Для советского руководства приоритетом была скорейшая расстановка своих людей на руководящих должностях. Например, в Курляндию, которая была освобождена Красной армией уже после окончания войны с Германией, секретарей местных волостных комитетов партии в буквальном смысле десантировали на самолетах и ввозили на боевой технике.

Результатом таких авральных назначений были многочисленные ошибки, которые выяснялись в ходе проверок и чисток. Например, в Эстонии в мае 1945 г. в ходе первой масштабной проверки кадров были освобождены от занимаемых должностей один нарком, шесть заместителей наркомов и 15 начальников отделов в правительстве. В уездах и волостях вплоть до 1946 г. проходили постоянные снятия с должности, так как в ходе проверок было установлено, что партийные и государственные посты занимали деятели буржуазно-националистических организаций и пособники немецких оккупантов. Наибольшая «засоренность сомнительными и даже враждебными людьми», по выражению Шаталина, была среди эстонских председателей волостных исполкомов – главных противников коллективизации, защитников «кулаков и немецких пособников». В результате принудительной ротации за 1945 г. из 238 председателей волостных исполкомов заменили 176 чел. Свои должности сохранили только те председатели, кто эвакуировался после оккупации республики либо провел войну в немецком плену. Кроме того, приоритетом при назначении была и национальность. Как правило, на все крупные партийные и правительственные должности старались назначать представителей «местных» кадров. При этом чаще всего речь также не шла о высоко профессиональных качествах кандидатов.

Разумеется, что «местных» кадров на все должности просто не хватало. Поэтому по всему СССР проводился отбор коммунистов среди латышей, литовцев и эстонцев для отправки в республики Балтии, сюда направлялись также граждане других национальностей, главным образом русских. В итоге после немецкой оккупации, как отмечал в мае 1953 г. заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е.И. Громов, в Литве русские почти везде занимали посты вторых секретарей волостных и уездных комитетов, а затем райкомов партии, заместителей председателей исполкомов волостных, уездных и районных советов депутатов трудящихся. Точно такая же ситуация сложилась и в других республиках. Это приводило к трениям на этнической почве, тем более что «приезжие» недооценивали местные национальные традиции и менталитет. М.А. Сулов еще в 1945 г. писал:

У некоторой части русских товарищей, прибывших в Литву, в партийной и государственной работе проявлялись в известной мере реакция на ошибки националистического порядка, допускавшиеся местными парторганизациями, недооценка, а иногда и игнорирование национальных особенностей. Так, например, секретарь Клайпедского горкома партии т. Шилин, ныне освобожденный от обязанностей, на пленуме ЦК КП(б)Л заявлял примерно так: «нам нечего беспокоиться об учете национальных особенностей, наша задача – проводить революционную линию»¹².

¹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 193. Л. 29.

¹² Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль... С. 157.

Впрочем, в первые послевоенные годы от таких деятелей, как Шилин, старались избавляться¹³. Но это не влияло на численное доминирование русских в первые послевоенные годы. В той же парторганизации Литвы к июлю 1945 г. состояло 3 тыс. 157 членов и кандидатов в члены партии, из них русских – почти 2 тыс. чел., литовцев – только 1,2 тыс.¹⁴ Литовский исследователь В. Тининис приводил иные данные: к 1947 г. литовцев среди членов партии насчитывалось 18 %, а к 1953 г. это число возросло до 38 %¹⁵. Иными словами – число литовцев среди рядовых членов партии было меньше.

Состав руководителей и специалистов прибалтийских республик по данным учета на 1 ноября 1947 г.

К 1947 г. политическая ситуация в республиках Балтии в целом стабилизировалась, что привело к упразднению специальных Бюро ЦК. С этого времени, как в остальных советских республиках, непосредственное управление осуществлялось местными ЦК компартий, хотя и под контролем ЦК ВКП(б).

Стабилизация произошла и в составе руководящих кадров, о чем свидетельствуют результаты особой переписи – «Единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года», которая проводилась на основании постановления Совета Министров СССР № 2974 от 22 августа 1947 г. «О проведении единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года». В документе рекомендовалось:

Учетом охватить всех лиц, занимающих руководящие должности и должности специалистов, а также лиц, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, независимо от занимаемой ими должности¹⁶.

Учет должен был проводиться во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях, учреждениях и организациях. Министерства и центральные учреждения СССР представляли сведения в центральное статистическое управление Госплана, остальные организации – региональным уполномоченным Госплана. Следует отметить, что результаты учета были секретными, обобщающие данные по всем регионам доводились до сведения исключительно высших органов власти и управления – ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР. Местные власти могли ознакомиться только с обобщенными данными своей области, края или республики. В статистических формах, разработанных для проведения учета, содержались разнообразные сведения о количественном, половозрастном составе учреждений и организаций, образовательном уровне и партийной принадлежности сотрудников¹⁷.

В ходе учета собирались данные и о работниках партийного аппарата, включая сведения о доле в нем специалистов «коренных» национальностей, имевших высшее и среднее специальное образование. В Латвийской ССР в ЦК КП Латвии эта доля составляла 48 %, в уездных и городских партийных комитетах – 39 %. В ЦК КП(б) Литвы – 18 %, в уездных, городских и районных (в составе городов)

¹³ Деметьев И.О. Политика памяти в Клайпеде на рубеже 1940–1950-х годов (по материалам газеты «Советская Клайпеда») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4. С. 101.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 193. Л. 58.

¹⁵ Tininis V. Political Bodies of the Soviet Union in Lithuania and their Criminal Activities: the second soviet occupation (1944–1953). Vilnius, 2008. P. 96.

¹⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. 25. Оп. 7. Д. 849. Л. 2.

¹⁷ Более подробно об организации и проведении учета см.: Болдовский К.А. Социальный состав руководителей послевоенного Ленинграда по данным учета 1947 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 197–213.

комитетах – 11 %. В ЦК КП(б) Эстонии – 47 %, в уездных, городских и районных (в составе города) комитетах – 58 %. Разумно предположить, что эти соотношения можно с достаточной степенью уверенности распространить и на общий национальный состав работников партаппарата прибалтийских республик¹⁸.

Особый интерес представляют данные о численности работников в конкретных отраслях, доле в них представителей «коренной» национальности, количестве руководителей, прибывших на работу после окончания войны. Последние данные дают возможность определить долю работников отрасли, которые проживали на данной территории во время оккупации.

Обобщенные данные по Латвийской ССР на 1 ноября 1947 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сведения о составе работников Латвийской ССР по отраслям

Отрасли	Общее количество работников, чел.	Количество работников-латышей, %	Количество работников, прибывших после освобождения республики от оккупации, %
<i>Органы власти и управления</i>			
Центральный аппарат министерств и ведомств республики	155	66	95
Руководители местных органов республиканских министерств	823	61	89
Председатели сельских и волостных советов	1860	80	38
<i>Промышленные тресты, комбинаты и промышленные предприятия</i>			
Руководители трестов, директоры предприятий, их заместители, главные инженеры	1851	56	78
Инженеры на производстве, техники и мастера	3037	55	51
<i>Строительство</i>			
Начальники строительства и стройконтор	110	23	85
Главные инженеры	70	25	23
Прорабы, мастера, десятники	616	32	79
<i>Сельское хозяйство</i>			
Директоры совхозов, старшие агрономы	223	61	82
<i>Торговые организации</i>			
Руководители торговых организаций, их заместители, директоры магазинов, столовых, торговых баз и складов	2676	49	71
<i>Образование</i>			
Директоры, ректоры ВУЗов и техникумов и их заместители	373	64	81
Профессоры, доценты, преподаватели и ассистенты	1936	74	36
Преподаватели средних, неполных средних и начальных школ	9173	85	14
<i>Здравоохранение</i>			
Руководители, их заместители, главные врачи	338	45	72
Врачи	1388	42	96
<i>Научные учреждения</i>			
Руководители и их заместители, ученые секретари	223	45	25
Научные сотрудники (старшие, младшие, исследователи)	410	76	32
<i>Издательства, редакции газет, зрелищные предприятия и учреждения искусства</i>			
Руководители и их заместители	137	58	96

Составлено по данным: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 370. Л. 3–119.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 198. Л. 24–26 об., 32–35 об.; Там же. Д. 200. Л. 95–99 об.

Данные учета по Литовской ССР на 1 ноября 1947 г. представлены в табл. 2.

Данные учета по Эстонской ССР на 1 ноября 1947 г. представлены в табл. 3.

Анализ представленных в таблицах данных позволяет сделать некоторые выводы о структуре состава руководящих кадров и специалистов в республиках Прибалтики в период «позднего сталинизма». Так, в республиканских органах власти и управления прослеживается тенденция роста доли работников «коренных» национальностей и уменьшения доли «вернувшихся и приехавших». Если в центральных аппаратах республиканских министерств работало примерно 60–70 % «коренных» работников, а доля «приезжих» была более 90 %, то на уровне уездов и волостей соотношение изменялось практически зеркально: доля «коренных» работников увеличивалась до 80–90 %, а число «приезжих» падало до 30–50 %. Таким образом, большинство низовых руководителей государственных структур состояло из людей, которые находились в годы войны на оккупированной территории.

Таблица 2

Сведения о составе работников Литовской ССР по отраслям

Отрасли	Общее количество работников, чел.	Количество работников-литовцев, %	Количество работников, прибывших после освобождения республики от оккупации, %
<i>Органы власти и управления</i>			
Центральный аппарат министерств и ведомств республики	162	52	91
Руководители местных органов республиканских министерств и ведомств	1053	71	47
Председатели и заместители председателей горисполкомов	27	59	92
Председатели уездных исполкомов	44	93	54
<i>Промышленные тресты, комбинаты и промышленные предприятия</i>			
Руководители трестов, директоры предприятий, их заместители, главные инженеры	1540	52	57
Инженеры на производстве, техники и мастера	1992	64	37
<i>Строительство</i>			
Начальники строительства и стройконтор	86	50	59
Главные инженеры	21	38	67
Прорабы, мастера, десятники	292	23	35
<i>Сельское хозяйство</i>			
Директоры совхозов, старшие агрономы, старшие зоотехники	312	54	51
<i>Торговые организации</i>			
Руководители торговых организаций, их заместители, директора магазинов, столовых, торговых баз и складов	1545	50	42
<i>Образование</i>			
Директоры, ректоры ВУЗов и техникумов и их заместители	273	63	48
Профессоры, доценты, преподаватели и ассистенты	1626	81	18
Преподаватели средних, неполных средних и начальных школ	8029	90	13
<i>Здравоохранение</i>			
Руководители, их заместители, главные врачи	466	49	33
Врачи	981	54	25
<i>Научные учреждения</i>			
Руководители и их заместители, ученые секретари	45	62	51
Научные сотрудники (старшие, младшие, исследователи)	88	70	21
<i>Зрелищные предприятия и учреждения искусства</i>			
Руководители и их заместители	88	57	71

Составлено по данным: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 371. Л. 2–61об.

Сведения о составе работников Эстонской ССР по отраслям

Отрасли	Общее количество работников, чел.	Количество работников-эстонцев, %	Количество работников, прибывших после освобождения республики от оккупации, %
<i>Органы власти и управления</i>			
Центральный аппарат министерств и ведомств республики	235	71	95
Руководители местных органов республиканских министерств	392	82	76
Председатели сельских и поселковых советов, председатели волостных исполкомов	873	95	34
<i>Промышленные тресты, комбинаты и промышленные предприятия</i>			
Руководители трестов, директора предприятий, их заместители, главные инженеры	1851	56	79
Инженеры на производстве, техники и мастера	1389	33	80
<i>Строительство</i>			
Начальники строительства и стройконтор	68	51	75
Главные инженеры	40	57	57
Прорабы, мастера, десятники	413	36	76
<i>Сельское хозяйство</i>			
Директоры совхозов, старшие агрономы, старшие зоотехники	290	83	37
<i>Торговые организации</i>			
Руководители торговых организаций, их заместители, директора магазинов, столовых, торговых баз и складов	1379	68	50
<i>Образование</i>			
Директоры, ректоры ВУЗов и техникумов и их заместители	280	83	53
Профессоры, доценты, преподаватели и ассистенты	1228	93	20
Преподаватели средних, неполных средних и начальных школ	5010	85	18
<i>Здравоохранение</i>			
Руководители, их заместители, главные врачи	335	61	45
Врачи	534	39	43
<i>Научные учреждения</i>			
Руководители и их заместители, ученые секретари	88	89	53
Научные сотрудники (старшие, младшие, исследователи)	208	86	27
<i>Издательства, редакции газет, зрелищные предприятия и учреждения искусства</i>			
Руководители и их заместители	76	91	34
Редакторы, художественные руководители, режиссеры и дирижеры	104	93	33

Составлено по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 357. Л. 6–56 об.

Характеристики руководителей и специалистов в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве существенно зависели от конкретных условий республик. В тех из них, где создание новых промышленных объектов (например, в Эстонской ССР) только начиналось, доля приезжих и среди руководителей, и среди низовых работников была заметно выше. Вместе с тем процент руководителей промышленных предприятий и объединений, являвшихся представителями коренных национальностей, во всех трех республиках едва превышал 50 %.

Интересен анализ доли партийной прослойки среди указанных выше категорий работников. Очевидна тенденция резкого понижения уровня партийности при

снижении иерархичности. В центральных аппаратах республиканских министерств и ведомств доля беспартийных¹⁹ была незначительна: 2 % – в Латвии, 12 % – в Литве и 14 % – в Эстонии. Прямо противоположным было распределение на уровне руководителей сельских, уездных и волостных структур. Доля беспартийных среди них составляла соответственно: 81, 91 и 78 %. Практически такая же картина наблюдается и среди работников здравоохранения и науки.

Среди учителей, преподавателей высшей школы и специалистов учреждений культуры доля работников «коренных» национальностей была значительной – 85–90 %, а доля «приезжих» работников в этой сфере – относительно малой – от 13 до 18 %. Следовательно, большинство из них (свыше 80 %) составляли люди, прошедшие военное время на оккупированной территории. Чрезвычайно низкой в этой категории была и партийная прослойка. Среди преподавателей средних, неполных средних и начальных школ от 94 до 97 % было беспартийных. Такая ситуация объяснялась явной нехваткой профессиональных партийных кадров, в том числе знакомых с национальной спецификой²⁰. Подобное положение вызывало тревогу у руководителей республик, во многих случаях власти прибегали к репрессивным мерам. Так, в Эстонии в 1949 г. первый секретарь ЦК республиканской компартии Н.Г. Каротамм отстранил почти одну тысячу учителей, признав их «неблагонадежными элементами»²¹.

Кадровая политика и политические кампании «позднего сталинизма»

Влияние на кадровую политику в республиках Прибалтики оказывали и многочисленные политические кампании. Проведение спецопераций, направленных на борьбу с «националистическим подпольем», или организация высылки стали привычными для стран Балтии в послевоенный период. В Латвии с 1944 по 1952 гг. было арестовано и/или выслано 119 тыс. человек, а убито в ходе спецопераций в тот же период – 2 тыс. 321 чел.²² В Литве с 1944 по 1952 гг. было репрессировано, то есть «арестовано, убито и выслано за пределы республики 270 тыс. чел., то есть почти 10 % населения республики»²³.

Проводились и политические кампании, направленные против высших руководителей республик. В 1946 г. В.С. Абакумов в связи с полученными на бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Эстонии К. Сяре материалами предлагал возбудить дело в отношении министра иностранных дел республики Х.Х. Крусса²⁴. Крусс обвинялся в том, что в 1919–1920 гг. он выступал за отделение Эстонии от России, а в 1940 г. подготовил книгу по истории эстонского народа, написанную в антисоветском духе²⁵.

Тогда И.В. Сталин не санкционировал начало кампании, но уже в 1950 г. в Эстонии развернулась мощная чистка, в ходе которой резкой критике со стороны ЦК ВКП(б) подверглась именно кадровая политика руководства республики. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1950 г. «О работе ЦК ВКП(б) Эстонии» объявлялось, что руководство республики проявило «политическую неразборчивость, результатом чего стали многочисленные факты проникновения на ответственные посты в республике буржуазно-националистических элементов». За этим

¹⁹ К беспартийным работникам в ходе учета относили тех, кто не был членом ВКП(б), кандидатом в члены ВКП(б) или комсомольцем.

²⁰ См. об этом: *Лаукайтите Р.* Советские и национальные ценности в послевоенной Литве: рычаги индоктринации общества, 1944–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: матер. VII межд. науч. конф. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 164–171.

²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 907. Л. 60.

²² *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль... С. 321.

²³ *Максименков Л.* Признания лубянского маршала. Неизвестный меморандум Лаврентия Берия о положении в Литве в 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 августа.

²⁴ Составлено по данным: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 57. Д. 371. Л. 2–61 об.

²⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 61. Д. 905. Л. 96.

последовали знаковые отставки – Н.Г. Каротамма с поста первого секретаря ЦК КП(б) Эстонии и Х.Х. Крусса (на этот раз министра обвинили в том, что он был связан с председателем партии эсеров в Эстонии, а его сын якобы служил в немецкой армии). Кроме того В.С. Абакумов подготовил для И.В. Сталина целый ряд записок с предложениями арестовать не только вышеназванных лиц, но и министра торговли А. Ханзена, зам. министра пищевой промышленности Л.Д. Лююса, министра госбезопасности Б.Г. Кумма, председателя Совета министров ЭССР А.Т. Веймере, секретаря ЦК КП(б) Эстонии В.И. Куузике и др. Обвинения были довольно стандартными. Например, Каротамм обвинялся в том, что выступал против выселения кулаков, брал под защиту политически скомпрометированных работников.

Ситуацию в других республиках нельзя назвать более спокойной. В Литве еще в 1947 г. в ходе шпиономании, развернувшийся в рамках борьбы с космополитизмом, был отстранен министр иностранных дел Литовской ССР П. Ротомскис. Одним из обвинений послужило то, что английскому языку его обучала дочь знаменитого профессора Л.П. Карсавина. В начале 1953 г. в Литве развернулась настоящая антисемитская кампания, и главный удар должен был прийтись как раз по высшему руководству республики. Поводом для ее начала послужило анонимное письмо, датированное не ранее 21 февраля 1953 г., о якобы имевшей место в республике «шпионской деятельности еврейской заграничной агентуры». Письмо переполнено юдофобской терминологией. В нем сообщалось, что жена первого секретаря ЦК КПЛ А.Ю. Снечкус – еврейка и что «через нее делается много самых грязных и темных дел по использованию евреев в республике», а Верховный Совет республики объявлялся «пристанищем еврейских дельцов». Безвестный автор письма сообщал:

Беда руководящему работнику, который начнет регулировать нач. состав в своем учреждении в сторону сокращения евреев, он рано или поздно, а если это министр или зам., то при непосредственном участии Снечкуса и его окружения, он будет отстранен²⁶.

Г.М. Маленков дал зеленый свет для работы с этой анонимкой. В Литву для раскрытия сионистского заговора среди руководящих кадров был направлен инспектор ЦК Ю.В. Андропов (будущий председатель КГБ СССР), который полностью подтвердил изложенные в письме факты. 4 марта 1953 г. секретари ЦК КПСС Н.М. Пегов и А.Б. Аристов доложили Маленкову о том, что в Литве неправильно подбирают руководящие кадры и что заметное влияние здесь оказывают «лица еврейской национальности», которые «создают обстановку семейственности и круговой поруки, что способствует нарушению советских законов, государственной дисциплины, возникновению злоупотреблений»²⁷. Пегов и Аристов рекомендовали при очередном приезде Снечкуса в Москву переговорить с ним по данному вопросу и обратить внимание на более «бдительное отношение к делу подбора и расстановки руководящих кадров в республике»²⁸. Однако спустя несколько дней все бумаги по данному вопросу были отправлены Н.С. Хрущевым по согласованию с Маленковым в архив, а антисемитская кампания закончилась, так и не успев толком начаться.

Новым этапом в политике Кремля по отношению к странам Балтии после смерти И.В. Сталина стали предложения, представленные в 1953 г. в записках членов коллективного руководства и аппарата ЦК КПСС. Речь идет о следующих документах: записка Л.П. Берии «О положении в Литве» от 8 мая, справка заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е.И. Громова «О недостатках в деле выдвижения, воспитания местных кадров и массово-полити-

²⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 205. Л. 81–82.

²⁷ Там же. Л. 75.

²⁸ Там же. Л. 77.

ческой работы в Литовской партийной организации» от 18 мая, записка Н.С. Хрущева «О положении дел в Латвийской ССР» от 8 июня и, наконец, справка Громова «О положении в Эстонии» от 20 июня²⁹. Общий смысл всех документов сводился к тому, что на руководящих должностях во всех трех республиках отсутствовали «местные» национальные кадры, наблюдалось засилье русских, плохо знающих специфику республик. Кроме того, официальное делопроизводство в партийных и государственных органах велось на русском языках, что, как подчеркивалось, приводило к неправильному пониманию населением советской политики, порождало недовольство и служило почвой для деятельности националистических элементов. Впрочем, стоит оговориться, что предложения Берии в значительной мере были посвящены совершенствованию оперативной работы по борьбе с националистическим подпольем в Литве и лишь в незначительной степени касались необходимости изменения форм и методов работы в областных и районных партийных и государственных органах власти, тогда как предложения партийного аппарата более детально затрагивали масштабы национальной проблемы в республиках. При этом критике подвергалась и деятельность спецорганов. Так, Хрущев в записке о Литве связывал причины неудовлетворительной борьбы с националистами не только с преобладанием русских в органах МГБ/МВД, но и с тем, что данные структуры использовали «огульные карательные меры и репрессии, зачастую затрагивающие ни в чем не повинных граждан»³⁰.

Итогом предложений, озвученных в документах, стали постановления Президиума ЦК КПСС «Вопросы Литовской ССР» от 26 мая³¹ и «Вопросы Латвийской ССР» от 12 июня 1953 г.³², содержавшие предложения по ликвидации недостатков в национальной политике в республиках Балтии. Например, в постановлении о Латвии главной задачей объявлялась «подготовка, выращивание и широкое выдвижение латышских кадров на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу». Кроме того, постановлением отменялась практика выдвижения на посты вторых секретарей райкомов партии и заместителей председателей исполкомов депутатов трудящихся работников не из числа латышей. Директорами совхозов, МТС и промышленных предприятий рекомендовалось назначать только латышей и освобождать с номенклатурных должностей всех, кто не знал латышского языка. Наконец, официальное делопроизводство, а также любые заседания ЦК КП Латвии, горкомов и райкомов, исполкомов советов депутатов трудящихся должны были проводиться теперь только на латышском языке³³.

После ареста Л.П. Берии кадровая политика в республиках Балтии была в очередной раз скорректирована³⁴. Руководители МВД СССР первыми предложили пересмотреть кадровые назначения Берия в мае – июне 1953 г. в Латвии, Литве и Эстонии. В развернутой записке С.Н. Круглова, И.А. Серова и К.Ф. Лунева от 22 августа 1953 г. сообщалось, что в нарушение партийного принципа подбора кадров «по политическим и деловым качествам на руководящие должности в органах МВД этих республик были назначены работники только местной национальности, без учета их политического лица и способностей выполнять работу»³⁵. Руководители центрально-

²⁹ Подробнее о всех записках см.: *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль... С. 326–333.

³⁰ Там же. С. 329.

³¹ Проект предварительно рассматривался 20 мая. Было принято решение комиссии во главе с Г.М. Маленковым подготовить окончательный текст постановления.

³² Проект постановления Президиума ЦК КПСС по Эстонии был подготовлен, но не утвержден в связи с арестом Берия и внесением корректив в национальную политику.

³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 24. Л. 1–2.

³⁴ В прокуратуре СССР // *Правда*. 1953. 17 декабря. № 351.

³⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 11. Л. 54.

го МВД предложили устранить всех некомпетентных и политических незрелых руководителей местных МВД. Аналогичные процессы по пересмотру «бериевских» назначений были проведены в других государственных и партийных структурах.

Выводы

В первые послевоенные годы проблемы кадровой политики были одними из важнейших для организации действенной системы управления в освобожденных регионах Прибалтики. Для обеспечения контроля со стороны союзных властей были созданы Бюро ЦК ВКП(б) по трем прибалтийским республикам как чрезвычайные органы, просуществовавшие с 1944 по 1947 гг. В перечень их главных задач, помимо координации борьбы с «националистическим подпольем», входила организация системы управления, а следовательно, и подбор необходимых для этого кадров. Итоги работы в данном направлении видны в статистических сведениях, полученных в ходе проведения «Единовременного учета руководящих работников и специалистов на 1 ноября 1947 года», которые являются уникальным источником по состоянию кадровой политики СССР периода «позднего сталинизма». Данные учета показывают, что значительную часть руководителей органов управления, промышленных предприятий и других организаций на уровне республик составляли специалисты, приехавшие из других регионов СССР. Доля руководителей и специалистов «коренных национальностей» чаще всего находилась в диапазоне 50–60 %. Высокой на этом иерархическом уровне была и доля «приезжих», то есть тех работников, которые вернулись из эвакуации или прибыли в республики после демобилизации. На уровне уездов и волостей картина была прямо противоположной. Здесь наблюдался высокий процент работников «коренных» национальностей (80–95 %) и значительно меньшая доля приезжих. Величина партийной прослойки сильно уменьшалась при переходе к структурам более низкого иерархического уровня. Таким образом, на низовом уровне практически во всех сферах, за небольшим исключением, состав руководителей и специалистов состоял из местных жителей, как правило беспартийных, проживавших в годы войны в оккупации. В организациях и учреждениях образования, науки и культуры местные уроженцы составляли подавляющее большинство, в то время как партийная прослойка была незначительной (6–8 %).

Такое положение беспокоило как партийное руководство республик, так и центральные власти. Представляется обоснованным предположить, что ряд политических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг. был вызван в том числе недовольством руководителей страны состоянием дел в области кадровой политики, особенно после ознакомления с данными «Единовременного учета».

В краткий период от смерти Сталина до ареста Берии были предприняты декларативные попытки реформирования кадровой политики в прибалтийских республиках. Если в записке Л.П. Берии необходимость изменений в кадровой политике в сторону более широкого привлечения местных уроженцев мотивировалась нуждами борьбы с «националистическим подпольем», то в записке Н.С. Хрущева и сопутствующих ей документах ставились более политические задачи по реформированию кадровых практик в республиках в целом. В период «позднего сталинизма» подобные кадровые проблемы в Прибалтике являлись следствием назревавшего системного кризиса управляющих структур, когда жестко централизованное управление уже не справлялось с возрастающим количеством политических вызовов и усложнением общественных отношений.

Поступила в редакцию / Submitted: 02.12.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.03.2022

References

- Boldovskiy, K.A. "Sotsial'nyi sostav rukovoditelei poslevoennogo Leningrada po dannym ucheta 1947 g." *Modern History of Russia*, no. 3 (2012): 197–213 (in Russian).
- Demet'ev, I.O. "Politika pamiaty v Klaypede na rubezhe 1940–1950-kh godov (po materialam gazety 'Sovetskaya Klaypeda')." *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 4 (2016): 93–108 (in Russian).
- Feest, D. *Zwangskollektivierung im Baltikum*. Koln und Wien: Böhlau, 2007 (in German).
- Hämäläinen, M. "Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee nomen klatuur 1945–1990: areng ja statistika." *Ajalooline Ajakiri*, no. 4 (2015): 357–386 (in Estonian).
- Khodjakov, M.V. "Materialy gosudarstvennogo arhiva Estonii kak istochnik po izucheniyu istorii voenno-plennyykh vtoroi mirovoi voyny v lageriakh NKVD-MVD ESSR. 1944–1949 gg." *Herald of an Archivist*, no. 2 (2013): 121–132 (in Russian).
- Khodjakov, M.V. "Partiino-sovetskoe rukovodstvo Estonskoi SSR i bor'ba za trudovye resursy lagerei NKVD dlia inostrannykh voennoplennyykh v 1944–1946 gg." *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 21 (2015): 272–282 (in Russian).
- Laukajite, R. "Sovetskie i natsional'nye tsennosti v poslevoennoi Litve: rychnagi indoktrinatsii obshchestva, 1944–1953 gg." In *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2015: 164–171 (in Russian).
- Liivik, O. "Nomenklatuuriüsteemi funktsioneerimise aastatel 1944–1953 Eesti NSV valitsusliikmete näite." *Ajalooline Ajakiri*, no. 4 (2015): 387–406 (in Estonian).
- Maksimov, L. "Priznaniia lubianskogo marshala. Neizvestnyy memorandum Lavrentiya Beriya o polozhenii v Litve v 1953 g." *Nezavisimaya gazeta*, no. 162 (2005) (in Russian).
- Mertelsmann, O. *Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt zur Kommandowirtschaft*. Hambur: Kovač, 2006 (in German).
- Mertelsmann, O. *Die Sowjetisierung Estlands und seiner Gesellschaft*. Hambur: Kovač, 2012 (in German).
- Mertelsmann, O., Rahi-Tamm, A. "Cleansing and compromise. The Estonian SSR in 1944–1945." *Cahiers du Monde Russe*, no. 49 (2008): 319–340.
- O'Sullivan, D. "Reconstruction and Repression – the role of M. Suslov in Lithuania, 1944–1946." In *Forum für Osteuropäische Ideen und Zeitgeschichte*, no. 1 (2000): 195–208 (in German).
- Saueauk, M. "Erikaader: nomenklatuur ja julgeolekuorganid Eesti NSV-s 1940–1953." *Ajalooline Ajakiri*, no. 4 (2015): 407–440 (in Estonian).
- Tammela, H. *Eesti NSV nomenklatuur (1944–1953). Bakalaureusetöö. Juhendaja*. Tartu: Ülikool, 2005 (in Estonian).
- Tannberg, T. *Politika Moskvy v respublikakh Baltii v poslevoennyye gody (1944–1956). Issledovaniya i dokumenty*. Moscow: ROSSPEN, 2010 (in Russian).
- Tininis, V. *Political Bodies of the Soviet Union in Lithuania and their Criminal Activities: the second soviet occupation (1944–1953)*. Vilnius: Margi Rastai, 2008.
- Zubkova, E.Yu. "Fenomen 'mestnogo natsionalizma': 'Estonskoe delo' 1949–1952 godov v kontekste sovetizatsii Baltii." *Otechestvennaya istoriya*, no. 3 (2001): 89–102 (in Russian).
- Zubkova, E.Yu. "Tsentr i baltiiskie Respubliki: 'perezagruzka' vzaimootnoshenii v 1950-e gg." *Ural'skij Istoricheskij Vestnik*, no. 2 (2019): 112–119 (in Russian).
- Zubkova, E.Yu. *Pribaltika i Krem'. 1940–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2008 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Кирилл Анатольевич Болдовский, канд. истор. наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; Россия, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводск, 7; e-mail: bold63@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7152-9484>

Kirill A. Boldovskiy, PhD in History, Senior Research Fellow, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences; 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia; e-mail: bold63@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7152-9484>

Никита Юрьевич Пивоваров, канд. истор. наук, доцент, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет); Россия, 119991, Москва, ул. Трубецкая, 8; старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а; e-mail: pivovarov.hist@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5225-7524>

Nikita Yu. Pivovarov, PhD in History, Associate Professor, First Moscow State Medical University (Sechenov University); 8, Trubetskaya St., Moscow, 119991, Russia; Chief Researcher, Institute of World History of History of Russian Academy of Sciences; Institute of World History of History of Russian Academy of Sciences, 32a, Leninskiy Av., Moscow, 119334, Russia; pivovarov.hist@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5225-7524>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-204-217>

Научная статья / Research article

Протестные настроения студенческой молодежи Эстонии в 1967–1968 гг.: по документам ЦК ВЛКСМ

Елена Викторовна Камаева (Бурева)

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань, Россия
✉ bureeva27@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается малоизученная тема эволюции протестных настроений эстонского студенчества в 1960-х гг., которые нашли выражение в студенческих шествиях в Таллине и Тарту в октябре 1968 г. Широкий комплекс архивных документов позволяет проследить истоки и динамику этого явления, а также восприятие данных событий советским партийным руководством и ЦК ВЛКСМ. Отмечается, что сведения из архивных источников и современных работ эстонских авторов противоречат друг другу в отношении принятых мер (реакции) со стороны советского руководства. Студенческие дни в Таллине и Тарту, запланированные как дни солидарности студентов, превратились в массовые шествия и беспорядки, носившие национальный и антисоветский характер. В статье делается вывод о том, что активный протест эстонского студенчества был вызван целым комплексом причин, среди которых можно выделить яркие националистические тенденции, усилившиеся в 1960-е гг., активное проникновение западноевропейской культуры и идеологии через туристические связи, общение с родственниками за границей и международные молодежные фестивали. На долю Эстонии в 1960-е гг. приходился наибольший процент иностранных туристов. Эстонские Студенческие строительные отряды выезжали в страны Восточной Европы, главным образом в Чехословакию. На активизацию эстонского студенчества оказали влияние массовые волнения европейских студентов, которые зарубежными авторами именуются «феноменом 1968 г.». Студенчество стран Европы выступало за снижение избирательного возраста, активно добивалось участия в политических процессах, протестовало против больших финансовых расходов правительств их стран, направленных на гонку вооружений в ущерб другим отраслям экономики. Подобные идеи озвучивали эстонские студенты на комсомольских собраниях и научных конференциях, дополняя их желанием создания собственных студенческих организаций, автономных от комсомола и советской идеологии.

Ключевые слова: протестные движения, эстонская молодежь, комсомол, студенческие волнения 1968 г.

Для цитирования: Камаева (Бурева) Е.В. Протестные настроения студенческой молодежи Эстонии в 1967–1968 гг.: по документам ЦК ВЛКСМ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 204–217. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-204-217>

Protest Sentiments of Estonian Students in 1967–1968: on the Documents of the Komsomol Central Committee

Elena V. Kamaeva (Bureeva)

Kazan State University of Architecture and Engineering, Kazan, Russia
✉ bureeva27@yandex.ru

Abstract: The article examines the little-studied topic of the evolution of the protest sentiments of the Estonian students in the 1960s, which found expression in student processions in Tallinn and Tartu in October 1968. A wide range of archival documents allows tracing the origins and dynamics of this phe-

nomenon, as well as the perception of these events by the Soviet party leadership and the Central Committee of the Komsomol. It is noted that the data from archival sources and contemporary works by Estonian authors contradict each other with regard to the measures (reaction) taken by the Soviet leadership. The Student days in Tallinn and Tartu, planned as days of student solidarity, turned into mass marches and riots of a national and anti-Soviet character. The article concludes that the active protest of the Estonian students was caused by a whole range of reasons, among which are clear nationalist trends that intensified in the 1960s, the active penetration of Western European culture and ideology through travel contacts, communication with relatives living abroad, and international youth festivals. It was Estonia that in the 1960s was visited by the largest number of foreign tourists. Estonian Student construction brigades traveled to Eastern European countries, mainly to Czechoslovakia. The stirring up of Estonian students was influenced by the mass unrest of European students, which foreign authors call the “phenomenon of 1968.” The students of European countries advocated lowering the voting age, actively sought participation in political processes, protested against the large financial expenditures of their governments aimed at an arms race to the detriment of other sectors of the economy. Similar ideas were voiced by Estonian students at Komsomol meetings and scientific conferences. They also wished to create their own student organizations, independent of the Komsomol and Soviet ideology.

Keywords: protest movements, Estonian youth, Komsomol, student riots in 1968

For citation: Kamaeva (Bureeva), E.V. “Protest Sentiments of Estonian Students in 1967–1968: on the Documents of the Komsomol Central Committee.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 204–217. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-204-217>

Введение

Студенческие волнения, прокатившиеся по странам Европы и Америки в 1968 г., открыли новую страницу в истории молодежного движения. Студенчество на всех этапах исторического развития отличала активная гражданская позиция, восприимчивость к леворадикальным идеям и протестному движению. Эта особенность ярко проявилась в событиях 1968 г., когда именно студенчество выступило в качестве локомотива антиправительственных движений, всколыхнувших мировое сообщество и изменивших политическую расстановку сил некоторых странах, что привело к поиску новых инструментов в молодежной политике.

Волна студенческих движений, начавшись в Европе, дошла и до Советского Союза, наиболее ярко и сильно проявившись в Прибалтике, а точнее – в Эстонии. Демонстрации, прошедшие в рамках Студенческих дней в октябре 1968 г. в Таллине и Тарту, вскрыли недовольство проводимой политикой и продемонстрировали устремления молодого поколения эстонцев. Выделим основные причины, по которым именно события в Эстонии стали предметом данного исследования. Согласно архивным документам в Латвии и Литве существовали отдельные молодежные объединения, выражавшие антисоветские настроения, но они были крайне малочисленны. В их среде практически отсутствовало студенчество и комсомольцы. А.А. Лебедев¹ в отчетах для ЦК КПСС неоднократно отмечал, что студенчество Латвии и Литвы ведет себя спокойно². Действительно, в документах отсутствует информация о каких-либо крупных молодежных акциях. В Эстонии ситуация была иной. Антисоветские настроения господствовали среди студенческой молодежи крупнейших вузов республики, которые в итоге и проявились во время студенческих дней в виде массовых факельных шествий и беспорядков.

События 1968 г. неоднократно привлекали внимание исследователей разных областей научного знания. Можно выделить целый ряд работ, в которых предпринималась попытка проанализировать причины и последствия массовых студенческих протестов, в одночасье охвативших практически все страны. Самая обширная группа

¹ Лебедев Александр Алексеевич – советский представитель при Международном союзе студентов в Праге в 1964–1969 гг., заведующий сектором Прибалтийских республик при ЦК КПСС.

² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 44. Д. 4. Л. 65.

работ посвящена исследованию протестных выступлений молодежи и студентов в США, Германии, Италии, Франции и странах Восточной Европы, среди которых можно отметить исследования А.Е. Казакова³, О.В. Колбасиной⁴, Е.Н. Пенской⁵, М. Климке (M. Klimke), Дж. Шарлотт (J. Scharloht)⁶, Р. Паттерсон (R. Patterson)⁷.

Анализируя движение американского и европейского студенчества второй половины 1960-х гг., авторы приходят к выводу, что в мире сложилась глобальная молодежная культура, сформировавшая новые ценности и формы коммуникации, вступившие в резкий конфликт с существующими установками. В странах Восточной Европы наблюдаются похожие настроения и требования студенчества, но добавляется протест против коммунистической идеологии.

В монографии М. Климке и Дж. Шарлотт с опорой на широкий круг источников, подробно восстанавливается хронология событий в странах Европы с января 1968 г. Авторы выделяют одну из самых ярких исторических особенностей феномена «1968» – его способность пересекать идеологические границы. Практика обмена студентами приводила к диффузии идей, в результате чего молодежные протесты приобретали транснациональный характер. Привлекая воспоминания участников данных событий, авторы пришли к выводу, что в оценке событий 1968 г. нет единства: одни до сих пор их осуждают как деструктивные для общества, другие – рассматривают как начало демократизации и либерализации общества⁸. Все авторы приходят к мысли, что студенческие протесты имели как ряд общих черт, так и свою специфику, обусловленную историческими особенностями.

Протестные движения советской молодежи 1960-х гг. имели не только свои внутренние причины, но также были обусловлены влиянием европейских событий. В.А. Бурнос⁹ и А.А. Комаров¹⁰ делают вывод, что советская студенческая молодежь 1960-х гг. требовала новых форм работы, которых не мог дать комсомол, находившийся в жестких тисках идеологии. У советской студенческой молодежи появилась потребность в расширении культурного поля, получении большего количества информации, которую она черпала преимущественно из западных СМИ, ставших более доступными.

В работах С.В. Галдобиной, А.П. Волкова¹¹, М.А. Новикова¹² поднималась проблема националистических выступлений советской молодежи в 1960-х гг. Однако при этом они носят обзорный характер, так как основной целью авторов яв-

³ Казаков Е.А. Преодолевая свое прошлое: критика западнонемецкого протестного движения 1968 года в публицистике его ветеранов // Вестник Пермского университета. 2019. № 2 (45). С. 97–108.

⁴ Колбасина О.В. Молодежное протестное движение в США: вторая половина 1950-х – первая половина 1970-х годов. Дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 2006.

⁵ 1960-е годы. Молодежная политика и студенческие протесты в России // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 238–266; История студенческих протестов. 1968 г. в Европе. Хроника событий // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 256–281.

⁶ Klimke M., Scharloht J. 1968 in Europe: A history of protest and activism, 1956–1977. New York; London: Palgrave Macmillan, 2008.

⁷ Patterson R. Disrupt, Defy, and Demand: Movements Toward Multiculturalism at the University of Oregon, 1968–2015 // *Berkeley Review of Education*, 9 (2). 2020. URL: <https://escholarship.org/uc/item/3zq0b64q>

⁸ Klimke M., Scharloht J. 1968 in Europe: A history of protest and activism. P. 11.

⁹ Бурнос В.А. Протестные настроения в молодежной среде СССР (1965–1985 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2005.

¹⁰ Комаров А.А., Пивоваров Н.Ю., Токарева Е.С. Студенческие волнения в Европе в 1968 гг. и их восприятие в СССР // ЭНОЖ «История». 2018. Т. 9. № 7 (71) URL: <https://history.jes.su/s207987840002407-6-1/>

¹¹ Волков А.П., Галдобина С.В. Молодежь и советское государство в 60–80-е гг. XX столетия: некоторые проблемы эффективности воспитания и взаимоотношений // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 4 (36). С. 7–15.

¹² Новиков М.А. Молодежные бунты 60-х гг. XX в. и становление государственной молодежной политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 32. С. 1–12.

лялся анализ мер, предпринимаемых руководством Советского Союза в данных условиях.

Отдельный историографический блок составляют работы эстонских исследователей, которые рассматривают послевоенный период как время «советизации» или «годы зависимости» Эстонии¹³. Большое внимание в этих работах уделено социально-экономическому развитию республики, национальной культуре, взаимодействию власти и интеллигенции. При этом информации о протестных студенческих настроениях в подобной литературе крайне мало. Исследователи отмечают, что на протяжении 1960-х гг. в Эстонии крепла связь с Западом. Ежегодно росло количество иностранных туристов, а вместе с ними проникали все новые явления европейской культуры, которую охотно воспринимала молодежь. По мнению М. Лаара, молодежь интересовала далеко не духовные ценности:

...наперекор советской действительности молодежь Эстонии стремилась к материальным благам¹⁴.

Молодежные мероприятия все чаще носили антисоветский характер. Однако авторы отмечают, что в странах Балтии местным лидерам было предоставлено больше свободы в принятии решений, что привело к относительному улучшению в тех отраслях, которые непосредственно обслуживали потребности населения¹⁵, а уровень жизни эстонцев к 1970 г. превысил средние показатели по Советскому Союзу¹⁶.

Источниковую базу исследования составили документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). В РГАСПИ отложились материалы фонда ЦК ВЛКСМ: сектора секретных документов общего отдела ЦК комсомола, отделов студенческой молодежи и комсомольских органов. Секретный сектор общего отдела занимался широким кругом вопросов, среди которых – перевод статей из зарубежных газет и журналов, которые писали о молодежи.

Необходимо отметить, что переводы зарубежной периодики незаслуженно обойдены вниманием исследователей в качестве исторического источника. В архивных делах не всегда приводится дословный перевод опубликованных материалов, иногда это пересказ основного содержания статьи. Главным образом, до комсомольских лидеров страны доводились сведения из французских «International Herald Tribune» («Интернэшнл Геральд Трибьюн»), «Le Nouvel Observateur» («Нувель Обсерватер»), английского «Guardian» («Гардиан»), норвежского «Aftenposten» («Афтенпостен»), шведского «Dagens Nyheter» («Даген Нюхетер») изданий.

Подборка переводов позволяет говорить о том, что на протяжении 1960-х гг. в европейских изданиях меняется тематика статей. В первой половине 1960-х гг. большое внимание уделялось советской молодежи, ее досугу и особенностям работы комсомола. Статьи за 1968 г. посвящены исключительно волнениям американской и европейской молодежи, которая якобы не доверяет своим правительствам и не уверена в будущем.

Таким образом, в секретном секторе представлена достаточно репрезентативная информация, которая дает представления о настроениях в молодежной сре-

¹³ *Misiunas R.J., Taagepera R.* The Baltic states, years of Dependence 1940–1990. Expanded and updated edition. University of California Press. Berkeley and Los Angeles, 1993.

¹⁴ *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа / пер. Б.И. Тух. Таллин, 1992. С. 202.

¹⁵ *Puur A., Klesment M., Sakkeus L.* A Turbulent Political History and the Legacy of State Socialism in the Baltic Countries. In: Hess D., Tammaru T. (eds) Housing Estates in the Baltic Countries. The Urban Book Series. Springer, Cham, 2019. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-23392-1_2

¹⁶ *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории... С. 205.

де как за рубежом, так и в Советском Союзе. Документы отделов студенческой молодежи и комсомольских органов ЦК ВЛКСМ часто дублируют друг друга. В них представлены отчеты комитетов комсомола Латвии, Литвы и Эстонии, многие из которых носят формальный характер и содержат весьма скудную информацию. Интерес представляют записки и информационные письма о работе комсомольских организаций вузов Эстонии, подготовленные заведующим сектором Белоруссии и Прибалтийских республик отдела комсомольских органов для оперативных совещаний ЦК ВЛКСМ. В отдельной описи сосредоточены материалы ЦК ЛКСМ Эстонии, представленные стенограммами, протоколами пленумов и бюро комсомольской организации Эстонии, а также отчетами горкомов и первичных комсомольских организаций вузов. Они отражают отношение комсомольского руководства Эстонии к событиям 1968 г. и предпринятые в дальнейшем меры. Комплекс представленных документов позволяет охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в Эстонии в 1967–1968 гг.

Из фондов РГАНИ автором использованы документы Секретариата ЦК КПСС. В материалах заседаний в определенной мере отражена исследуемая проблематика. Правда, события в Прибалтике стояли в повестке дня всего два раза. Стенограммы заседаний, на которых поднимались данные вопросы, сегодня недоступны для исследователей, так как находятся под грифом «секретно». Постановления позволяют говорить, что партийное руководство наблюдало за ситуацией, но предпочитало не вмешиваться в ход событий, переложив всю текущую работу на комсомол.

Европейский май 1968 г. оказал влияние на рост протестного движения молодежи в странах социалистического блока, которые в свою очередь привели к активизации в пограничных республиках Советского Союза. Выступления эстонских студентов не нашли достаточного освещения в научной исторической литературе, выступая лишь в качестве иллюстрации к теме недовольства советской молодежи.

Настроения молодежи Прибалтики в 1966–1967 гг. и реакция ЦК ВЛКСМ

В исследуемый период Отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ руководил Г.П. Елисеев¹⁷. В мае 1966 г. в этом отделе были образованы 9 территориальных секторов. Сектор Белоруссии и Прибалтийских республик возглавил заместитель заведующего отделом комсомольских органов В. И. Минайлов¹⁸. Внутри сектора существовало деление по республикам. В.Н. Шостаковский непосредственно курировал молодежь Эстонии и встречался со студенческим активом Тартуского государственного университета осенью 1968 г.¹⁹

Реорганизация отдела комсомольских органов по времени совпала с усилением антисоветских и националистических проявлений в молодежной среде приграничных регионов страны. С 1962 г. по 1965 гг. информация о деятельности таких групп поступала из КГБ и обсуждалась на заседаниях партийных и комсомольских органов. Наиболее частые «идеологически вредные проявления» фиксировались в Прибалтике. При этом отмечалось, что они не носили массовый характер²⁰.

Интерес представляет записка, подготовленная В.И. Минайловым в октябре 1967 г. по итогам работы XV конференции комсомольской организации Эстонии, которая прошла в Тартуском государственном университете (ТГУ). В конференции

¹⁷ Отдел комсомольских органов ЦК ВЛКСМ. История. Опыт. Воспоминания. М., 2020. С. 118.

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 39. Д. 119. Л. 112.

²⁰ Волков А.П., Галдобина С.В. Молодежь и советское государство в 60–80-е гг. XX столетия: некоторые проблемы эффективности воспитания и взаимоотношений // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 4 (36). С. 10.

принимали участие 227 делегатов, в том числе: первый секретарь ЦК ЛКСМЭ Рейн Поллиманн, заведующий студенческим отделом ЦК ЛКСМЭ Уно Оямаа, представители эстонских вузов, Вильнюсского и Латвийского университетов, активисты Тартуского горкома комсомола, преподаватели ТГУ.

В записке приводятся фрагменты стенограммы конференции, которые позволяют выделить основные проблемы, волновавшие студентов.

1. Работа Студенческого Совета Эстонии (ССЭ). Активисты выступили за то, чтобы состав ССЭ и председатель избирался без вмешательства комсомольской организации.

2. Создание единой студенческой газеты. По этому вопросу активист Тартуского горкома комсомола Сирье Эндре заметил:

Почему железнодорожники и милиция имеют свою газету, а студенты – нет? Что печатают в «Ноорте Хяэль»²¹? Про девушку Хельми, которая кладет кирпичи в стену так, что пыль стоит столбом. А в свободное время она играет в баскетбол и волейбол. Это совершенно не интересно читать. Вопрос о газете видимо безнадежный, но врачи лечат даже безнадежных больных²².

Р. Поллиманн ответил, что Бюро ЦК ЛКСМЭ идею поддерживает, но осуществить не может ввиду острой нехватки бумаги.

3. О средствах массовой информации. Заведующий идеологическим сектором задал вопрос о том, что делать в ситуации, когда молодежи хочется получать больше информации. Либо верить слухам, либо получать информацию из неофициальных источников, либо читать зарубежные газеты. На эту реплику Р. Поллиманн не дал исчерпывающих ответов.

В ходе конференции студентами поднимались и другие вопросы. Их суть была отражена в тексте документа. Так, студент 5 курса Реэт Карукяпп заметил:

Научный коммунизм – это последняя во временном отношении (исторически) общественная наука, и мы ждали от нее интересного научного истолкования современных проблем внутренней и внешней политики. Однако это совсем не интересно. Мы убивали свое время под руководством преподавателя. Мы задаем вопросы преподавателю, а он не может ответить. Чего ждать тогда от идеологического отдела, если даже преподаватель по научному коммунизму не может ответить на вопросы о современности²³.

Студенты-филологи посетовали, что не могут посетить западноевропейские страны:

Чем мы заслужили такой порядок, что не имеем достаточно возможностей бывать в странах, языки которых мы изучаем, в отличие от студентов Минска, Москвы, Ленинграда и Риги?²⁴

Они предложили создать при комитете комсомола сектор отношений с заграницей. На что Таави Таммсаар (президент КМО Эстонии) ответил, что создание сектора ситуацию не изменит, так как на увеличение обмена с иностранными студентами не хватает средств²⁵.

В итоге ни по одному из вопросов, обсуждавшихся на конференции, не было принято конструктивного решения. В документах лишь фиксировалось предложение, высказанное еще ранее – прием в комсомол начинать с 17 лет и предоставить возможность выхода из его рядов на основе личного заявления.

²¹ Ноорте Хаэль (Голос молодых) – официальный орган ЦК ЛКСМ Эстонии.

²² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 808с. Л. 38.

²³ Там же. Л. 47–49.

²⁴ Там же. Л. 50.

²⁵ Там же. Л. 50.

Эти же вопросы еще раз поднимались в ходе работы Республиканской студенческой конференции «Студент, его роль и задачи в нашем обществе», которая проходила в Таллинском политехническом институте 15–16 мая 1968 г. Конференция вызвала большой интерес молодежи, вот только состав участников и темы докладов не были заранее представлены на согласование в ЦК ВЛКСМ. В ходе конференции активисты высказывались за самоуправление республиканского и вузовских студенческих советов и их автономию²⁶.

Оба документа представляют собой подробное изложение событий без традиционных решений и рекомендаций московского руководства. Настроения эстонской молодежи, транслируемые открыто во время дискуссий на студенческих конференциях и комсомольских заседаниях, не вызывали особых опасений. Видимо поэтому они не стали предметом обсуждения на Секретариатах и Бюро ЦК.

В октябре 1968 г. вся страна готовилась отметить 50-летний юбилей комсомола. В связи с этим уже с января все комитеты ВЛКСМ направляли на согласование в ЦК сценарии праздничных мероприятий, отчеты о работе, характеристики на комсомольские организации вузов для представления их к наградам. В документах отдела студенческой молодежи говорилось о том, что в целом работа в комитетах комсомола выполнялась на хорошем уровне, отмечались отдельные недостатки работы в Латвии, Литве и Эстонии, но они, главным образом, сводились к тому, что в Москву не всегда вовремя направлялись отчеты о деятельности²⁷. В честь юбилея ЛКСМ Эстонии в октябре 1968 г. было разрешено провести Студенческие дни в Таллине и Тарту, а комитеты комсомола четырех эстонских вузов планировалось поощрить грамотами²⁸. Отдел студенческой молодежи готовил сводные отчеты для ЦК ВЛКСМ на основании материалов, присланных из Эстонии: сценарии мероприятий, согласованные с горкомами и ЦК ЛКСМ Эстонии, которые находятся в документах и материалах по отдельным союзным республикам²⁹.

Достаточно серьезное беспокойство партийного руководства страны стало проявляться после того, как марте 1968 г. на демонстрацию протеста вышли студенты вузов Праги и Варшавы. К этому времени массовые волнения уже прошли в Нантском университете и учебных заведениях Западного Берлина³⁰. Современные исследователи отмечали, что в документах Секретариата и Политбюро ЦК КПСС им не удалось обнаружить информацию об обсуждении западноевропейских студенческих протестных движений 1968 г. Вероятно, таких специальных заседаний могло не быть вовсе. В центре внимания партийных руководителей находились события в Чехословакии³¹. Похожая ситуация наблюдалась и в ЦК ВЛКСМ. Комсомол также больше волновали, а соответственно и больше обсуждались, события внутри социалистического лагеря и, в первую очередь, в Чехословакии. Об этом свидетельствует выступление Первого секретаря ЦК ВЛКСМ С.П. Павлова в апреле 1968 г. на Пленуме ЦК КПСС. Его доклад был посвящен международному молодежному движению, но основной акцент делался на ситуации в Чехословакии. Он отметил значительное «полевение молодежи» во всем мире³².

²⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 807с. Л. 65.

²⁷ Там же. Оп. 39. Д. 56. Л. 94.

²⁸ Там же. Д. 106. Л. 182.

²⁹ Там же. Оп. 28. Д. 625. Л. 18.

³⁰ История студенческих протестов. 1968 г. в Европе. Хроника событий // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 279.

³¹ Комаров А. А., Пивоваров Н. Ю., Токарева Е. С. Студенческие волнения в Европе...

³² РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 729с. Л. 39–45.

Внимание заслуживает один из фрагментов доклада С.П. Павлова. В нем он заметил:

Хочется вспомнить, как еще три-четыре года назад мы по-дружески спорили с нашими чехословацкими товарищами по поводу их снисходительно-поощрительного отношения к пресловутому западному модерну. Речь шла в том числе о непонятной настойчивости в рекламе, отупляющей музыке битлов, о повальном распространении патологических танцев. Тогда нам пришлось услышать от руководства Чехословацкого Союза молодежи (ЧСМ) завуалированные упреки в ортодоксальности, непонимании «современных запросов» молодежи. Однако, известно, что вскоре эта эпидемия привела к массовым беспорядкам, которые приходилось ликвидировать уже с помощью соединений милиции. Во время весенних студенческих праздников т. н. маялисов, элементы нравственной распушенности молодежи уже сопровождалась и распушенностью политической. Вместо первичных комсомольских организаций в Чехословакии стали создаваться развлекательные кружки. Идут усиленно разговоры об автономности молодежного союза и его полной независимости от ВЛКСМ³³.

С.П. Павлов делал вывод, что в связи с ростом оппозиционных настроений молодежи в ряде стран очень важно продолжать двусторонние фестивали дружбы, обмен туристами и строительными студенческими отрядами (ССО)³⁴.

Действительно, на протяжении 1960-х гг. имел место обмен студенческими строительными отрядами между Советским Союзом и странами социалистического блока: Чехословакией, Венгрией, Болгарией, Польшей и ГДР. События в Чехословакии вызвали определенные опасения, но никто не допускал тогда мысли, что эти события могут оказать серьезное влияние на активизацию протестных движений в Советском Союзе. Более того, в марте 1968 г. на заседании Бюро ЦК ВЛКСМ был утвержден перечень вузов, участвующих в обмене студенческими строительными отрядами на лето 1968 г.

Студенты Вильнюсского государственного университета, Каунасского политехнического университета, Таллинского политехнического института, Тартуского государственного университета, Рижской сельскохозяйственной академии традиционно планировали выехать в ГДР (Германская Демократическая Республика), ПНР (Польская Народная республика), ЧССР (Чехословацкая Социалистическая Республика)³⁵.

Несмотря на европейские события, комитет комсомола продолжил работу и по обмену иностранными туристами. В 1968 г. Советский Союз планировал принять 65 тыс. туристов (45 тыс. из социалистических стран и 20 тыс. из капиталистических), и направить за границу 42 тыс. советских туристов (38 тыс. в социалистические страны и 4 тыс. в капиталистические). Молодежные организации Польши и Чехословакии просили увеличить объем туристских связей с Советским Союзом, однако ЦК ВЛКСМ посчитал, что этого делать не следует, мотивируя свое решение тем, что прием туристов из капиталистических стран намного выгоднее. Прием в 1968 г. силами Бюро международного молодежного туризма (БММТ) 12 тыс. туристов из 40 капиталистических стран с оплатой стоимости в валюте должен был принести 900 тыс. «инвалютных рублей»³⁶.

С одной стороны, радикальные настроения студентов Праги и Варшавы настораживали комсомольское руководство, с другой стороны – прерывать сложившиеся отношения намерений не было. В 1960-е гг. комсомол особенно нуждался в дополнительных источниках получения средств³⁷. Но в данной ситуации, вероятно,

³³ РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 729с. Л. 51–56.

³⁴ Там же. Л. 57.

³⁵ Там же. Д. 728с. Л. 94.

³⁶ Там же. Л. 108.

³⁷ См. об этом: Бурева Е. В. Формирование бюджета комсомольских организаций в 1960-е годы // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 489–505.

первостепенное значение играл не финансовый вопрос, а возможность изнутри наблюдать за ситуацией в молодежных организациях восточноевропейских стран.

Международные молодежные контакты и зарубежные СМИ, несомненно, оказали влияние на увеличение протестных настроений студенчества Эстонии. События в этой республике разворачивались по европейскому сценарию, в котором проявилась еще одна особенность «1968», которую М. Климке определил как «teach-ins» – специфическая акция протеста, совмещающая в себе черты научной дискуссии и политического митинга³⁸. Кульминацией нарастающего недовольства эстонской молодежи стали шествия студентов, стихийно переросшие в политические митинги во время Студенческих дней в Таллине и Тарту в октябре 1968 г.

Студенческие дни в университетах Таллина и Тарту в октябре 1968 г.

В честь 50-летия ВЛКСМ эстонские вузы (политехнический, педагогический, художественный институт и консерватория в Таллине, университет и сельскохозяйственная академия в Тарту) участвовали в организации и проведении Студенческих дней – праздника солидарности студентов. Его подготовкой непосредственно занимались комитет комсомола Эстонии, Совет Студентов, активисты Тартуского университета и Таллинского политехнического института. План мероприятий Студенческих дней был согласован с ЦК ВЛКСМ. Подробный отчет, подготовленный Г.П. Елисеевым и В.И. Минайловым для ЦК КПСС в ноябре 1969 г., позволяет выделить события, вызвавшие наибольшие опасения.

Открытие студенческих дней в каждом вузе сопровождалось концертами самодеятельности, встречами с интересными людьми и комсомольскими конференциями. Вечером на улицах города состоялись факельные шествия, которые местами перерастали в драки и другие хулиганские действия. Во время шествий некоторые студенты несли политически двусмысленные, а в ряде случаев антисоветские лозунги. Группы студентов в колоннах распевали студенческие песни времен буржуазной Эстонии. Брошенные вечером на улицах города факелы приводили к пожарам³⁹.

Проведенные в эти дни молодежные конференции показали, что среди студенчества республики нашли распространение нездоровые настроения, критика общественной жизни, националистические взгляды. На конференциях можно было услышать следующие высказывания: «В Программе КПСС написано, что жизнь советского народа из года в год будет улучшаться. А где это улучшение?»; «Слишком много понаехало сюда в Эстонию искателей счастья. Мы не можем их прокормить и сами живем хуже»; «Здесь много русских, которые ведут они себя свысока как завоеватели, хотя сами бескультурные и постоянно пьянствуют»⁴⁰. По словам активистов, отдельные студенты вели между собой разговоры о том, что до 1940 г. в Эстонии хотя и существовала безработица, но был более высокий культурный уровень населения и материальный достаток, а потом ситуация изменилась в худшую сторону.

В университетских газетах вышли статьи о том, что власть замалчивает информацию о многих событиях, например, о ситуации в Чехословакии, поэтому доверять можно только зарубежным изданиям. Выступления студентов свидетельствовали о том, что их в первую очередь волнуют вопросы материального благополучия, проблема трудоустройства и обеспечения жильем. В студенческой среде эстонской молодежи широкое распространение получило мнение, что в советском обществе сильны бюрократия и коррупция, и это объясняется несовершенством

³⁸ Klimke M., Scharloht J. 1968 in Europe...

³⁹ РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 808с. Л. 61–67.

⁴⁰ Там же. Л. 70.

социальной системы, отсутствием демократии, неумением государственного и партийного аппарата перестроить свою работу. Секретарь Тартуского горкома комсомола на заседании актива сказал, что наиболее близким к идеальному устройству государства будто бы является Англия и ее парламентская система. Основную цель комсомольской организации он видел в том, чтобы подключать студентов к «решению серьезных проблем и борьбе с тем, что мешает им жить». Студентов поддерживали преподаватели ряда гуманитарных кафедр, которые должны были вести воспитательную работу.

Преподаватели Тартуского университета подвергли резкой критике систему воспитания советской молодежи, которая, по их мнению, формировала людей бездумных, способных исполнять только то, что приказано свыше. Молодежь, как утверждали они, призвана играть большую роль в общественной жизни, ибо она более заинтересована в будущем, острее видит недостатки, к которым старшее поколение привыкло. Из этого делался вывод о том, что именно молодежь должна иметь больше возможностей для участия в политике⁴¹.

Анализ событий свидетельствовал о том, что ЦК ЛКСМ Эстонии потерял контроль над ситуацией, комсомольские комитеты вузов не пользовались доверием, все вопросы в вузах решались студенческими советами, в том числе они занимались распределением стипендий и мест в общежитиях. Отдел комсомольских органов ЦК ВЛКСМ поднял личные дела активистов студенческих советов и преподавателей гуманитарных кафедр ТГУ и ТПИ. При этом выяснилось, что у большинства из них родственники ранее привлекались за антисоветскую деятельность или находились в эмиграции⁴².

В ноябре 1968 г. в Эстонию выезжала бригада сотрудников ЦК ВЛКСМ. В.Н. Шостаковский встречался с комсомольским активом Тартуского государственного университета. В ходе беседы ему было задано более 60 вопросов, среди которых были следующие: «Может ли человек, скомпрометировавший себя, быть руководящим работником в комсомоле?»; «Как вы оцениваете нашу систему пропаганды?»; «Считаете ли вы правильным, что на некоторых факультетах университета читают историю КПСС 3 семестра, а философию только 2 семестра?»; «В чем вы видите источники коррупции? В несовершенстве нравственного воспитания или это следствие бюрократической и политической системы?»⁴³

По итогам работы комсомольской бригады из Москвы был составлен отчет для ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, в котором формулировался ряд пожеланий, направленных на то, чтобы Министерство высшего и среднего специального образования СССР проводило работу с преподавателями гуманитарных кафедр вузов страны, проанализировало перспективы высшего образования в Эстонии. Рекомендовалось также в 1969 г. направить группы эстонских активистов на учебу комсомольского актива в Москву, Киев и Минск; выделить ЦК ЛКСМ Эстонии ставку секретаря по вопросам работы со студенческой молодежью⁴⁴.

В ноябре – декабре 1968 г. все комитеты комсомола вузов Эстонии обсудили события, произошедшие во время Студенческих дней. Стенограммы и резолюции затем были представлены в ЦК ВЛКСМ. Оценка взглядов эстонских студентов, которая проявилась во время обсуждений, нашла отражение в документах. Так, в Тартуском государственном университете развернулась активная дискуссия вокруг конфликта между студентами. Причину конфликта увидели в ошибке организато-

⁴¹ РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 808с. Л. 84.

⁴² Там же. Л. 97.

⁴³ Там же. Оп. 39. Д. 119. Л. 215.

⁴⁴ Там же. Л. 28.

ров Студенческих дней, которые не привлекали студентов русских отделений к подготовке и проведению праздничных мероприятий, чем дали основание для толкования русскими студентами праздника в целом как националистического мероприятия. Однако эта ошибка, по мнению организаторов мероприятия, не являлась преднамеренной, она якобы была обусловлена пассивным участием самих русских студентов в комсомольской жизни университета⁴⁵.

Тем не менее на заседании Бюро ЦК ВЛКСМ признавалось, что во время шествия имели место заслуживающие сожаления и осуждения отдельные акты враждебного отношения к студентам русской национальности. Однако поскольку подготовкой Студенческих дней руководил республиканский комитет комсомола, вся ответственность за «искривления» и «перегибы» была переложена на него. В принятом постановлении говорилось о том, что интернациональная воспитательная работа в ТГУ остается одной из важнейших задач комсомола. В этой связи предписывалось наладить культурно-массовую деятельность среди русских студентов; возобновить выпуск в университетской газете страницу на русском языке; составить программу ознакомления студентов неэстонцев (так в документе. – *Е.К.*) с эстонской национальной культурой, историческими и революционными традициями Эстонии и университета. Проведение Студенческих дней должно было быть продолжено таким образом, чтобы они стали выражением дружбы и сотрудничества всего студенчества, «несмотря на национальные различия»⁴⁶.

Оценка Студенческих дней вузовскими комсомольскими организациями республики не всегда совпадала с мнением Москвы. В частности, пленум комитета комсомола Эстонской сельскохозяйственной академии постановил считать работу оргкомитета по проведению Студенческих дней хорошей, несмотря на отдельные пошлые и абсурдные лозунги: «Смерть заставляет продолжать род», «Янки, убирайтесь за Чудское озеро», «Примиренчество – счастье рабов», «Люди, будьте бдительны». Вечер в честь 50-летия ВЛКСМ, на который пришло 16 гостей – ветеранов партии и комсомола и только 18 комсомольцев, состоялся 28 октября, и не вызвал какого-либо интереса молодежи. Актный зал на 400 мест оказался практически пуст. Свое отсутствие на встрече отдельные студенты объяснили тем, что им это не интересно, что время ура-патриотических мероприятий ушло: «Сейчас настало время создавать современные молодежные клубы»⁴⁷. Современные эстонские исследователи М. Лаар и Р. Таагепера считают, что эти лозунги будто бы уже в конце 1960-х гг. носили политический антисоветский характер⁴⁸. В отчетах ЦК ВЛКСМ не содержится каких-либо комментариев по этому поводу.

На заседании бюро комитета комсомола Таллинского педагогического института было принято решение считать, что Студенческие дни проводились в целом на удовлетворительном уровне. В то же время отмечались и недостатки: отдельные студенты выкрикивали во время демонстрации неподобающие возгласы и политически незрелые лозунги; некоторые нетрезвые студенты спровоцировали инцидент с милицией; факелы оказались низкого качества, поэтому их рано стали бросать на улицы города, что приводило к пожарам. Лозунг на эстонском языке «Бог сказал да будет свет, а света – нет»⁴⁹, который во время шествия несли студенты, предлагалось понимать буквально – студенты якобы имели в виду постоянные перебои со светом в общежитии. Виновным в инциденте «назначили» заместителя секретаря

⁴⁵ РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 808 с. Л. 91.

⁴⁶ Там же. Л. 101–104.

⁴⁷ Там же. Л. 116–118.

⁴⁸ Лаар М., Валк Х., Вахтпе Л. Очерки истории. С. 203; Misiunas R.J., Taagepera R. *The Baltic states...* P. 294.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 808с. Л. 121.

института по идеологической работе, который был снят со своего поста. Несколько комсorghов были заменены, ряд студентов получили выговоры.

В ноябре 1968 г. на заседании Бюро ЦК ЛКСМ Эстонии, где присутствовали активисты и секретари комсомольских организаций вузов, рассматривался вопрос о проведении студенческих дней в Таллине и Тарту. Поведение студентов вызвало осуждение со стороны руководства комсомольской организации Эстонии, которое главную причину произошедшего видело в усилившейся контрпропаганде европейских средств массовой информации и событиях в Чехословакии, способствовавших «забвению принципов интернационализма»⁵⁰.

На протяжении 1969 г. на пленумах ЦК ЛКСМ Эстонии поднимался вопрос о событиях, имевших место во время студенческих дней в Таллине и Тарту. Первый секретарь ЦК ЛКСМ Эстонии Р.Х. Поллимман причину произошедших беспорядков видел в слабой организации мероприятий со стороны горкомов комсомола и вузовских комитетов, а также недостаточной идейно-воспитательной работе⁵¹. За этим последовало активное «укрепление комсомольских кадров» за счет молодых коммунистов. Состав комсомольского актива республики обновился на 26 % за счет введение новых должностей в комсомольских организациях и освобожденных секретарей⁵². В качестве главной задачи идеологической работы, проводившейся с комсомольцами республики, ставилось «усиление коммунистического воспитания» как ответ на активизацию пропагандистской войны, которую европейский мир вел против СССР.

Анализ протоколов пленумов ЦК ЛКСМ Эстонии позволяет говорить о том, что репрессивных мер со стороны ЦК ВЛКСМ в отношении республиканской организации не последовало.

Ситуация в Эстонии обсуждалась в феврале 1969 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС с участием М.А. Сулова, А.П. Кириленко, И.В. Капитонова. По словам И.В. Капитонова, повышенное внимание эстонской молодежи к европейской жизни, частое и близкое общение с Чехословакией и другими странами активизировало студенчество Таллина и Тарту. М.А. Сулов отметил, что Первый секретарь Компартии Эстонии И.Г. Кэбин обеспокоен ситуацией со студенчеством и молодежью в республике. Очевидно, что партийное руководство Эстонии оказалось в растерянности, наметив проведение специального Пленума, и попросив помощи в его проведении у московского руководства. А.П. Кириленко предложил отправить на Пленум комсомольцев, а партийному руководству пока не вмешиваться: «От имени ЦК выступать сейчас не следует, а вот комсомол должен сказать свое слово»⁵³. В течение 1969 г. на партийных заседаниях вопрос о событиях в Эстонии не поднимался.

В апреле 1969 г. в Эстонии состоялся Пленум ЦК партии, на котором выступил секретарь ЦК ВЛКСМ Б.Н. Пастухов. По официальной информации, на последующих партийных форумах ситуация в республике не обсуждалась, конкретных решений и действий не предпринималось⁵⁴. Однако, по мнению эстонских авторов, уже осенью 1968 г. в Эстонию

прибыла высокопоставленная комиссия, начались допросы и обыски, затем последовало резкое ограничение деятельности студентов⁵⁵.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 28. Д. 624. Л.31.

⁵¹ Там же. Оп. 54. Д. 724. Л. 18.

⁵² Там же. Д. 727. Л. 10.

⁵³ РГАНИ. Ф. 4. Оп.44. Д. 4. Л. 61, 64.

⁵⁴ Там же. Л. 84.

⁵⁵ Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории... С. 204.

В 1969 г. отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ разработал анкету «Как лучше организовать отдых молодежи», целью которой было изучение каналов проникновения буржуазной идеологии в сознание молодежи. Анализ результатов опроса в Латвии, Литве и Эстонии показал, что такими каналами являются: туризм и поездки граждан республики в капиталистические страны, переписка с родственниками, проживающими в капиталистических странах, зарубежные фильмы и передачи⁵⁶.

Выводы

Анализ стенограмм пленумов ЦК ЛКСМ Эстонии за 1969 г. позволяет сделать вывод о том, что события в Таллине и Тарту не привели к коренным изменениям в составе комсомольского руководства республики. При этом во всех вузах Таллина и Тарту были введены должности освобожденных секретарей, но процент комсомольской молодежи по-прежнему оставался низким⁵⁷.

События в Эстонии способствовали тому, что на протяжении 1968–1969 гг. вопросы, касавшиеся студенчества, оказывались в центре внимания партийных и комсомольских структур. В 1969 г. отдел комсомольских органов регулярно вносил предложения поставить под контроль культурную жизнь студентов, их досуг, создание студенческих объединений⁵⁸.

На Секретариате ЦК КПСС, проходившем в июне 1969 г., было принято решение усилить контроль за приемом иностранных студентов в МГУ, запретить заселять студентов-иностранцев по одному, в так называемые комнаты-одиночки. Комсомольским организациям рекомендовалось тщательнее подходить к отбору студентов из союзных республик, поступающих для обучения в ведущие вузы страны – МГУ, МГИМО, ЛГУ⁵⁹.

Комсомол в свою очередь сосредоточил внимание на проблемах воспитательной работы студентов, организации досуга и быта. Неоднократно обсуждались вопросы по улучшению условий жизни студентов, проживающих в общежитиях МГУ, МГИМО и ЛГУ, которые в большей степени принимали иностранных студентов. В общежитиях нуждались около 70 % студентов, а вмещали они только – 40 %⁶⁰.

Пытаясь наладить быт и досуг студентов, ЦК ВЛКСМ выступил с целым рядом предложений: построить больше общежитий по новым современным проектам, организовать при вузах медицинские пункты, создать печатный орган для студентов, установить ставки освобожденных комсомольских работников во всех вузах и ввести секретарей комитетов комсомола вузов в номенклатуру райкомов партии⁶¹. С 1969 г. комсомольские органы стали более внимательно относиться к студентам, входящим в ССО, особенно направляемым за границу. Состав строительных отрядов обсуждался на бюро комитетов комсомола, а затем утверждался ЦК ВЛКСМ.

События 1968 г. показали новые устремления молодежи, которые вступили в противоречие с идеологией, транслируемой комсомолом. Во всех странах «молодежь 1968 г.» продемонстрировала свое желание быть активным участником политических процессов. Она не только имела свою четкую позицию по многим вопросам, но и была готова ее отстаивать.

Периодическая печать, выходившая в европейских странах, первая обратила внимание на изменения, произошедшие в молодежной среде. Шведская газета «Dagens Nyheter» отметила, что леворадикальные настроения в Швеции namного

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 807с. Л. 10–21.

⁵⁷ Там же. Оп. 54. Д. 727. Л. 51.

⁵⁸ Там же. Оп. 39. Д. 235. Л. 15.

⁵⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 44. Д. 6. Л. 229.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. М-1с. Оп. 1с. Д. 729с. Л. 130.

⁶¹ Там же. Д. 733с. Л. 76.

слабее, чем в странах Западной Европы. Однако это не та послушная молодежь, которой можно было управлять раньше,

это богатая знаниями, амбициозная, экономически крепкая, критически мыслящая молодежь, которая через несколько лет возьмет власть⁶².

Следует согласиться с авторами европейских изданий в том плане, что молодежь и, в первую очередь, студенчество 1960-х гг., вырабатывало свою систему ценностей, где в приоритете были материальные блага и политические амбиции. Таким образом, традиционный инструментарий работы с молодежью показал свою неэффективность. Студенческие протесты по всему миру привели к поиску новых форм государственной молодежной политики, в основу которой был заложен поиск компромиссов и диалог.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.11.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 03.03.2022

References

- Bureeva, E.V. "Formirovanie byudzheta komsomol'skikh organizatsiy v 1960-ye gody." *Modern History of Russia* 11, no. 2 (2021), <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.212> (in Russian).
- Burnos, V.A. "Protest moods among the youth of the USSR (1965–1985)." PhD diss., MPGU, 2005 (in Russian).
- Kazakov, E.A. "Preodolevaya svoje proshloye: kritika zapadnonemetskogo protestnogo dvizheniya 1968 goda v publitsistike yego veteranov." *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 2 (2019): 97–108 (in Russian).
- Klimke, M., and Scharloht, J. *1968 in Europe: A history of protest and activism, 1956–1977*. New York; London: Palgrave Macmillan, 2008. <https://doi.org/10.1057/9780230611900>
- Kolbasina, O.V. "Youth protest movement in the United States: the second half of the 1950s – the first half of the 1970s." PhD diss., KubSU, 2006 (in Russian).
- Komarov, A.A., Pivovarov N.Yu., and Tokareva E.S. "Studencheskie volneniya v Yevrope v 1968 gg. i ikh vospriyatiye v SSSR." *Istoriya*, no. 7 (2018), <https://doi.org/10.18254/S0002407-6-1> (in Russian).
- Laar, M., Valk, Kh., and Vakhre, L. *Ocherki istorii estonskogo naroda*. Tallinn: CUPAR Publ., 1992 (in Russian).
- Misiunas, R.J., and Taagepera, R. *The Baltic states, years of Dependence 1940–1990. Expanded and updated edition*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press., 1993.
- Novikov, M.A. "Molodezhnyye bunty 60-kh gg. XX v. i stanovleniye gosudarstvennoy molodezhnoy politiki." *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, no. 32 (2012) (in Russian).
- Patterson, R. "Disrupt, Defy, and Demand: Movements Toward Multiculturalism at the University of Oregon, 1968–2015." *Berkeley Review of Education* 9, no. 2 (2020), <http://dx.doi.org/10.5070/B89242323>
- Puur, A., Klesment, M., and Sakkeus, L. "A Turbulent Political History and the Legacy of State Socialism in the Baltic Countries." In Hess D., Tammara T., eds. *Housing Estates in the Baltic Countries. The Urban Book Series*. Springer, Cham., 2019, https://doi.org/10.1007/978-3-030-23392-1_2.
- Volkov, A.P., and Galdobina, S.V. "Molodezh' i sovetskoye gosudarstvo v 60–80-ye gg. XX stoletiya: nekotorye problemy effektivnosti vospitaniya i vzaimootnosheniy." *Vestnik Yekaterininskogo instituta*, no. 4 (2016): 7–15 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Викторовна Камаева (Буреева), канд. ист. наук, доц. кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета; Россия, 420043, Казань, ул. Зеленая, 1; bureeva27@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2274-9931>

Elena V. Kamaeva (Bureeva), PhD, Associate Professor, History and Philosophy Department, Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russia); 1, Zelenaya St., Kazan, 420043, Russia; bureeva27@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2274-9931>

⁶² РГАСПИ. Ф. М-1с. Оп. 1с. Д. 733с. Л. 70–81.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-218-232>

Научная статья / Research article

Модельные расчеты масштабов домашнего образования: пример Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX в.

Дмитрий Валерьевич Диденко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

✉ didenko-dv@ranepa.ru

Аннотация: В настоящем исследовании посредством методов математического моделирования реконструируется динамика сегмента домашнего образования в стоимостном выражении на материале одной из губерний Центральной России. В качестве источниковой базы привлекаются свидетельства, содержащиеся, в первую очередь, в опубликованной мемуаристике, эпистолярном наследии, произведениях художественной литературы, а также в отечественной историографии. Результаты получены с помощью модельных расчетов, включающих интер-, ретро- и экстраполяции количественных свидетельств указанных источников. Основными результатами исследования являются методика реконструкции ежегодного объема выпуска сегмента услуг домашнего образования региональной экономики и соответствующие длинные ряды ежегодных данных по Ярославской губернии. Они свидетельствуют в пользу гипотезы, что домашний сегмент был сравним по масштабам с организованными формами образования и даже мог превышать их в начале изучаемого периода. Разработанные методы могут непосредственно использоваться для аналогичных реконструкций на материале других регионов Центральной России и, с рядом поправок в отношении значений параметров модели, применены к материалу регионов Сибири, Дальнего Востока и национальных окраин России. Связанной перспективой использования полученных длинных рядов данных является учет неформального сектора образовательных услуг в составе валового регионального продукта.

Ключевые слова: квантитативная история, математическое моделирование, человеческий капитал, региональная экономика, длинные ряды данных, иностранные работники, гендерные различия

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБОУ ВО РАНХиГС. Автор выражает благодарность коллегам по Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории за собранные и любезно предоставленные данные о населении Ярославской губернии с 1795 г. Ряд численности населения в 1871–1913 гг. реконструирован И.В. Шильниковой и И.А. Кузнецовым.

Для цитирования: Диденко Д.В. Модельные расчеты масштабов домашнего образования: пример Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 218–232. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-218-232>

Model Calculations of Home Education Scale: The Case of Yaroslavl Province in the Late 18th – Early 20th Century

Dmitry V. Didenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

✉ didenko-dv@ranepa.ru

Abstract: In this article the author reconstructs the dynamics of home education sector in monetary value terms as the case study of a province in Central Russia, with application of mathematical modelling methods. As the source base, the author employs evidence primarily from published memoirs, epistolary heritage, fiction, as well as from previous research literature. The findings are obtained

by means of calculations including inter-, retro-, and extrapolations of the quantitative evidence from the sources. The principal findings are the set of methods for reconstruction of annual output in the home education services segment of a regional economy and the respective long time series for Yaroslavl Province. They support the hypothesis that the home segment was comparable in scale to the educational establishments or even could exceed them at the start of the period under study. The methods developed by the author may be employed directly for similar reconstructions based on materials from other regions of Central Russia; and they are applied to the materials from the regions of Siberia, Far East and national peripheries of Russia.

Keywords: quantitative history, mathematical modelling, human capital, regional economy, long time series, foreign workers, gender differences

Acknowledgements and Funding: The article is submitted under the Russian government assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. The author thanks his colleagues at the Research Laboratory of Economic and Social History for the collected and kindly shared data on population of the Yaroslavl province from 1795; the series of population quantity in 1871–1913 was reconstructed by I.V. Shilnikova and I.A. Kuznetsov. The author retains full responsibility for all possible errors and omissions.

For citation: Didenko, D.V. “Model Calculations of Home Education Scale: The Case of Yaroslavl Province in the Late 18th – Early 20th century.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 218–232. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-218-232>

Введение

Актуальность вопроса о роли образования в социально-экономическом развитии¹ государств достаточно широко признана в мировой и отечественной литературе. Менее консенсусно в современной историографии представлено объяснение механизмов изменений: посредством каких технологий, институтов прямое и обратное воздействие осуществлялось в конкретных исторических условиях. В определенной степени это упирается в дефицит информации о количественных показателях данных процессов.

Анализ таких показателей предполагает применение математических методов, которое идет в русле историографических трендов последних десятилетий². Они представлены научным направлением, связанным с именами Р. Фогеля в США, И.Д. Ковальченко в нашей стране и получившим обозначения «квантитативная история», «клиометрика», позднее – «историческая информатика». В данной парадигме, формировавшейся в исследованиях преимущественно историко-экономической проблематики, отмечается многообразие используемых подходов и методов. Среди них выделяются активно разрабатываемые в последнее время методики реконструкции длинных рядов исторических данных. Необходимость реконструкции вытекает как из выборочного подхода к фиксации информации создателями исторических источников, так и из значительных отличий их когнитивных структур от субъектности исследователя.

В отношении развития российской экономики в дореволюционный период отмечается отсутствие длинных рядов данных о стоимостных объемах накопления человеческого капитала. И, если имеются отдельные оценки объемов выпуска, производимого в организованных формах образования в целом по стране³ и в регио-

¹ В понятии «развитие» акцент делается на положительных структурных изменениях при важном значении роста показателей выпуска и добавленной стоимости.

² См., напр.: Гусева Н.С. Применение математических методов в исследованиях по аграрной истории России пореформенного и советского периодов: историографические аспекты проблемы (1960-е – начало 1990-х гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. № 46. С. 155.

³ За 1885 г. в: Kaser M. Education in Tsarist and Soviet Development // Essays in Honour of E.H. Carr. London, 1974. P. 229–254; за 1885–1913 гг. (не включают расходы домохозяйств) в: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX в. – начало XX в.). М., 2003. С. 146, 147, 154.

нах⁴, то почти не учитывается их производство в рамках домашнего образования. При этом как минимум культурологические работы Ю.М. Лотмана, Н.И. Яковкиной свидетельствуют о масштабности таких практик в первой половине XIX в.⁵ Расширились, по всей вероятности, оба сегмента образования⁶. При этом Е.В. Алексеева указывала, что домашнее обучение, наряду с пансионами, в XVIII в. и на протяжении большей части XIX в. являлось намного более массовым каналом распространения нового знания, которое среди высшего дворянства осуществлялось преимущественно силами иностранцев⁷.

Таким образом, актуальный контекст настоящего исследования задается исследовательской программой, нацеленной на получение количественных оценок для анализа механизмов воздействия различных образовательных практик и институтов на социально-экономическое развитие российского общества на стадиях накопления критической массы ресурсов, непосредственной подготовки и запуска «современного экономического роста»⁸.

Эта цель реализуется посредством построения математической модели, реконструирующей динамику сегмента домашнего образования в стоимостном выражении на материале одной из наиболее развитых губерний Европейской России (Ярославской). Задачей каждого из отдельных этапов данной реконструкции является оценка: 1) количества грамотных дворян в возрасте получения домашнего образования раздельно для мужского и женского пола; 2) распределения дворянского сословия раздельно для мужского и женского пола по трем социальным стратам; 3) объема потребления дворянским сословием образовательных услуг на дому в текущих ценах; 4) объема потребления образовательных услуг в домашнем сегменте в стоимостном выражении.

Предлагаемая модель оценки сегмента домашнего образования получена с применением методов интер-, ретро- и экстраполяции данных источников по линейной и показательной функциям.

В качестве источниковой базы мы привлекаем свидетельства, содержащиеся в опубликованной мемуаристике, переписке, произведениях художественной литературы⁹, а также в научной литературе. В качестве вспомогательных привлечены опубликованные сводные данные о распределении земельной собственности в 1858, 1877, 1895, 1905 гг. и данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Численность потребителей образовательных услуг на дому

В качестве первого шага устанавливались уровни грамотности дворянства Ярославской губернии. Имея данные за 1897 г. по 10-летним когортам до 60 лет в гендерном разрезе¹⁰, осуществлялась реконструкция за более ранние годы на основе

⁴ За 1795 г. и 1897 г. См.: *Кесслер Х., Маркевич А.* Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII – XXI вв. 2019.

⁵ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994; *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; Евгений Онегин: Комментарий. СПб., 1995; *Яковкина Н.И.* История русской культуры: XIX век. СПб., 2000; *Яковкина Н.И.* Русское дворянство первой половины XIX века. СПб., 2002.

⁶ *Прокофьева Е.А.* Законодательное регулирование частной образовательной инициативы в России первой половины XIX века // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2013. № 8. С. 175.

⁷ *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России. М., 2007. С. 313–314.

⁸ Начало «современного экономического роста» в России относится к середине 1880-х гг.: *Грегори П.* Экономический рост... С. 23–25, 61–63.

⁹ Пример анализа аналогичного источника, содержащего сведения о расходах русских дворян («Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина). См.: *Korchmina E., Zorin A.* Karamzin and Money // *Cahiers du monde russe.* 2018. Vol. 59. № 1. P. 117–140.

¹⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. L. С. 52, 53, 57.

методики Б.Н. Миронова¹¹: с 1897 г. до 1847 г. – передвижкой когорт, а с 1847 г. до 1797 г. – ретропрогнозированием по линейной функции. Поскольку уровень грамотности дворян мужского пола во всех когортах старше 10 лет в 1897 г. составлял 99–100 %, в возрасте до 20 лет он принимался постоянным (62 %); реконструкции проводились только по женскому населению (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Уровни грамотности дворян женского пола возрастных когорт 0–9 и 10–19 лет, % /
Literacy rates of female nobility of 0–9 and 10–19 age cohorts, %

Возрастные группы / Age groups	1897	1887	1877	1867	1857	1847	1837	1827	1817	1807	1797
Менее 10 лет / Less than 10 years	25	25	24	24	23	23	22	22	21	20	20
10–19 лет / 10–19 years old	99	97	95	92	91	88	86	84	82	80	78
До 20 лет / Up to 20 years	60	59	58	56	55	53	52	51	50	48	47

Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. L. СПб., 1904. С. 52, 53, 57.

Calculations based on: *Pervaia Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiyskoi imperii*, vol. L (St. Petersburg, 1904), 52, 53, 57.

В качестве второго шага определялась численность и структура дворянства Ярославской губернии на основе сведений преимущественно из исследовательской литературы¹², где использовались данные 8–10 Ревизий (1834, 1850, 1858 гг.), в том числе с привлечением архивных материалов. Наиболее подробные данные имеются за 1858, 1867, 1870 и 1897 гг. (Всеобщей переписи), по которым реконструировались недостающие части структуры за другие годы (численность лиц женского пола, разделение на потомственное и личное дворянство). Сведения за промежуточные годы получались усреднением результатов регрессий по численности дворян в отдельные годы и по доле дворян в общей численности населения губернии.

В качестве третьего шага моделировался возраст окончания домашнего образования и количество его потенциальных получателей¹³. Выделение доли дворян в возрасте 10–16 лет в когорте 10–19 лет (для конца XVIII в.) производилось на основе данных о распределении по 1-летним возрастным группам по 1897 г.¹⁴: 1) для грамотного населения; 2) для всего населения губернии. Усреднение дает 74 % для мужского и 71 % для женского населения. Эта доля линейно повышалась до 100 % к 1914 г.

Стратификация дворянского сословия

На втором этапе сегментировалась готовность дворян платить за обучение детей в зависимости от стратификации. В качестве прокси-индикаторов были взяты распределения по количеству душ и площади земли, поскольку уровень неравен-

¹¹ Миронов Б.Н. История в цифрах. Л., 1991. С. 73–74, 80–81; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб., 2015. С. 479–481.

¹² Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 162, 166; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., 1979. С. 292–293, 298–299; Селиверстова Н.М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60–70-х годов XIX века. М., 2015. С. 244–251; Сизова О.В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. С. 45, 46, 47, 66, 69, 70.

¹³ На основе свидетельств в: Лотман Ю.М. Пушкин... С. 481, 505–506; Колосова Е.М. Домашнее образование в середине XIX века // Вестник Герценовского университета. 2010. № 7. С. 71; Солодянкина О.Ю. Иностранцы гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М., 2007. С. 45–46.

¹⁴ Предполагалось, что возрастная структура дворянства оставалась одинаковой в течение рассматриваемого периода.

ства помещиков оценивался по числу крепостных в дореформенное время и по количеству земли – в пореформенное¹⁵. Данные распределения имеются за отдельные годы (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Распределение дворян-помещиков (1834–1858 гг.), дворян-землевладельцев (1877 г.), дворянских владений (1895 г., 1905 г.), % от общей численности категории / Distribution of gentry (1834–1858), noble land owners (1877), gentry estates (1895, 1905), % of the item total

Год / Year	1 страта / stratum	2 страта / stratum	3 страта / stratum
1905	56,7	32,3	11,1
1895	52,7	32,7	14,5
1877	47,9	38,3	13,8
1858	38,3	40,6	21,1
1850	44,5	38,2	17,3
1834	48,7	32,9	18,4

Расчитано по: Сизова О.В. Дворянство Ярославской губернии... С. 66, 69, 70; Статистика поземельной собственности... 1881. С. 96; Цифровые данные... 1897, табл. 5; Статистика землевладения... 1906. С. 24.

Calculations based on: Sizova, O.V. Dvorianstvo Yaroslavskoi gubernii, 66, 69, 70; Statistika pozemel'noi sobstvennosti... 1881, 96; Tsifrovye dannye... 1897, tabl. 5; Statistika zemlevladieniia... 1906, 24.

Детальная группировка дворян-помещиков, владевших «душами», была задана по 5 стратам¹⁶. Однако, принимая во внимание незначительную долю 3–5-й страт, мы объединили их в 1 высшую, следуя подходу Б.Н. Миронова¹⁷. В результате мы пришли к следующей группировке: 1-я страта – 1–20 душ; 2-я страта – 21–100 душ; 3-я страта – более 100 душ.

При стратификации дворян-землевладельцев за основу была взята группировка, предлагаемая источником с наиболее крупным делением на 5 категорий¹⁸. Хотя в литературе встречается объединение 2-й и 3-й страт в категорию средних землевладельцев, а 4-й и 5-й – в категорию крупных¹⁹, с учетом небольшой доли 4-й и 5-й страт, мы объединили верхние 3–5-е страты в 1, также следуя подходу Б.Н. Миронова²⁰. Итоговая группировка следующая: 1-я страта – 0–100 дес.; 2-я страта – 100–500 дес.; 3-я страта – более 500 дес.

Численность дворян-душеладельцев Ярославской губернии в 1834 г. в 1,7 раза превышала численность потомственного дворянства, а в 1858 г. – в 1,3 раза. Поскольку потомственное дворянство до 1861 г. имело монополию на крепостных, и личные дворяне ими не владели²¹, такое превышение могло возникать только за счет потомственных дворян из других регионов. В подтверждение значимости данного эффекта в начале XIX в., Р.Б. Кончаков и Е.С. Корчмина установили, что в 1812 г. в Ярославской губернии 421 имение с 16 964 крепостными находилось в собственности дворян Московской губернии, где им принадлежало лишь 17 % кре-

¹⁵ *Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 1. С. 358.*

¹⁶ *Сизова О.В. Дворянство Ярославской губернии... С. 66; Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 1. С. 347–349.*

¹⁷ *Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 1. С. 350; Он учитывал, что граница между различными группами дворянства в отношении корпоративных прав (совещательного и решающего голоса, пассивного и активного избирательного права) проходила между владельцами 20 и 100 крепостными. См.: Там же. С. 347.*

¹⁸ *Цифровые данные... Табл. 5.*

¹⁹ *Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 57, 61.*

²⁰ *Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 1. С. 347–359.*

²¹ Там же. С. 348, 350, 357.

постных²². Однако эта проблема перестала быть важной в середине XIX в.²³ В начале XX в. она стала еще менее значимой²⁴.

Решая данную проблему, мы использовали данные о количестве душе- и земельладельцев не напрямую, а в виде процентных распределений по стратам, которые применяли только к поместному потомственному дворянству.

Численность потомственного дворянства, владевшего земельной собственностью, определялась на основе усредненных оценок его доли среди потомственного дворянства в целом по Европейской России: в 1858 г. – 81,00 %, в 1877 г. – 63,75 %, в 1895 г. – 47,25 %, в 1905 г. – 34,25 %²⁵. Для периода до 1861 г. также принимался коэффициент 81,00 %. Эта численность поместного потомственного дворянства стратифицировалась по 3 нашим группам в соответствии с распределением в табл. 2. Дополнительно к полученной численности 1 группы мы добавляли численность безземельного потомственного дворянства, а к численности 2 группы – личного дворянства (как и для периода до 1861 г.).

Объем потребления образовательных услуг на дому дворянским сословием

На третьем этапе каждой из трех наших страт осуществлялось вменение: 1) уровня грамотности в возрасте получения домашнего образования в зависимости от пола; 2) уровня участия в домашнем образовании в зависимости от пола; 3) уровня платежей за получение образовательных услуг на дому на основе фрагментарных свидетельств источников с учетом гендерного фактора.

На первом шаге грамотность совокупной когорты 0–19 лет мужского дворянского населения принималась соответствующей уровню 1897 г. (62,13 %), так как грамотность когорты 10–19 лет за весь период оценивалась не менее чем в 99 %.

В случае с дворянством женского пола в том же возрасте верхней страте присваивалось значение уровня грамотности, соответствующее дворянам мужского пола. 2 страте присваивалось значение на уровне среднего для дворян женского пола. Для низшей страты значение рассчитывалось через среднее для дворян женского пола с использованием указанных присвоенных значений для 2–3 страт и полученных на 2 этапе весовых коэффициентов каждой из трех страт.

На следующих шагах принимались во внимание нарративные свидетельства из литературы²⁶ при определении уровня участия трех страт в домашнем образовании, при отнесении домохозяйств к 1 из 3 страт, а также учете гендерных различий.

Так, домашнее образование в первой половине XIX в. осуществлялось отечественными священнослужителями, преподавателями высших учебных заведений (в начале века – чаще иностранцами), студентами российских университетов и духовных академий, выпускниками гимназий и пансионов, а также образованными слугами²⁷. Характерной фигурой в начале XIX в. стал француз-гувернер. Отдельные предметы преподавали специальные учителя, которые сменяли гувернера²⁸.

²² Кончаков Р.Б., Корчмина Е.С. Кто кормил московских дворян? О структуре душевладений дворян Московской губернии в 1812 г. // ЭНОЖ История. 2020. Т. 11. № 3.

²³ Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 1. С. 348.

²⁴ Беккер С. Миф о русском дворянстве... С. 298.

²⁵ Миронов Б.Н. Российская империя... Т. 1. С. 356; Беккер С. Миф о русском дворянстве... С. 299.

²⁶ Барашев М.А. Домашнее воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII – начала XIX в. // Вопросы образования. 2010. № 1. С. 227–229; Колосова Е.М. Домашнее образование... С. 69, 71; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 87; Лотман Ю.М. Пушкин... С. 502; Яковкина Н.И. История русской культуры... С. 63–65; Яковкина Н.И. Русское дворянство... С. 124–125, 127.

²⁷ Колосова Е.М. Домашнее образование... С. 69.

²⁸ Лотман Ю.М. Пушкин... С. 495–496.

В нашей модели предполагалось, что в 1 страте ребенок ограничивается 1 учителем; во 2 страте – 2 учителями, один из которых оплачивается на уровне данной 2 страты, а другой – на уровне 1 страты; в 3 страте ребенок получает образование от 4 учителей, два из которых оплачиваются на уровне данной 3 страты, а два других – на уровне 1 и 2 страты.

Уровень участия в домашнем образовании определялся для каждой страты в отдельные годы (табл. 3). Гендерный фактор в уровне участия учитывался в 1 страте с коэффициентом 0,5, во 2 страте – 0,65, в 3 страте – 0,8, без изменений во времени.

Таблица 3 / Table 3

**Уровень участия в домашнем образовании дворян мужского пола по стратам, % /
Participation rate of male nobility in home education by strata, %**

Год / Year	1 страта / stratum	2 страта / stratum	3 страта / stratum
1914	20	35	100
1864	30	40	100
1834	50	70	100
1825	60	80	100
1795	50	75	100

Рассчитано по: Колосова Е.М. Домашнее образование... С. 71; Лотман Ю.М. Пушкин... С. 500; Прокофьева Е.А. Законодательное регулирование... С. 175–176, 180; Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки... С. 46, 57, 63, 66–67, 462.

Assessments based on: Kolosova, E.M. *Home education*, 71; Lotman, Yu.M. *Pushkin*, 500; Prokofieva, E.A. *Legislative regulation 175–176, 180*; Solodyankina, O.Yu. *Foreign clerks*, 46, 57, 63, 66–67, 462.

Поворотные точки связаны с подавлением восстания декабристов в 1825 г. и принятием законодательства, ужесточившего требования к домашним учителям²⁹. Речь идет об Указе Правительствующему Сенату от 25 марта 1834 г. «О восприимчивости принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов» и Указе от 1 июля 1834 г., утвердившем «Положение о домашних наставниках и учителях».

Со стороны министра народного просвещения С.С. Уварова имелись свидетельства о «заметном уменьшении» к 1837 г. числа приезжающих в Россию потенциальных воспитателей-иностранцев³⁰. Этот тренд к ужесточению контроля государства усилился в 1848 г. в результате революционных событий в ряде стран Европы, когда на время иностранцам был совсем прекращен доступ в Россию³¹.

В табл. 4 приводятся систематизированные сведения источников об уровне платежей за получение образовательных услуг на дому.

Сведения табл. 4 в текущих ценах (с конверсией ассигнационных рублей в серебряные³²), в соотношении с 3 стратами, представлены на рис. 1.

Динамические ряды платежей домохозяйств по стратам строились по предсказанным значениям линейных регрессий и с дефлированием последних значений (рис. 2).

Динамика оплаты со стороны 3 элитной страты отражает ее повышенный спрос в начале XIX в. и некоторое сужение рынка в 1840–1850-е гг., в соответствии со свидетельствами, приводимыми О.Ю. Солодянкиной³³.

²⁹ Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века. М., 2017. Т. 1. С. 337–346; Прокофьева Е.А. Законодательное регулирование... С. 180.

³⁰ Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки... С. 63.

³¹ Там же. С. 66–67.

³² По курсам в: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) Л., 1985 С. 37–38; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. СПб., 1902. С. 327–329 (цит. по: Проект «Динамика ...»).

³³ Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки... С. 111–112, 124.

Таблица 4

Сведения источников о платежах дворянских домохозяйств за услуги домашнего образования

Год	Данные о платежах в годовом выражении	Источник	Страницы
1883	480	Чехов. 1975	62–63
1883	252	Чехов. 1977	341
1882	720	Гончаров. 2011	132
1879	228	Фаусек. 2010	44–45
1865	300	Янжул. 2006	24–25
1859	500	З-н А. Деревенское дворянское воспитание. Цит. по: Солодянкина. 2007	377
1848	1000	Фет А.А. Мои воспоминания 1849–1889. Часть 1. Цит. по: Солодянкина. 2007	108
1838	540	Хвоцинская. 2016	32
1833	2000	Вяземский П.А. Письмо А.И. Тургеневу. Цит. по: Солодянкина. 2007	123
1832	1200	Леонтьев. 2019	196
1831	800	Леонтьев. 2019	194
1831	144	Из дневника юноши «тридцатых годов». Цит. по: Солодянкина. 2018	16–18
1830	2000	Пушкин А.С. Барышня-крестьянка. Цит. по: Солодянкина. 2007	371
1822	1500	Три письма П. Муханова кн. М.А. Урусову. Цит. по: Солодянкина. 2007	300
1821	3000	Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Цит. по: Солодянкина. 2007	123
1820	3000	Мануйлов В.А. М.Ю. Лермонтов. Цит. по: Сергеева. 2010	203
1818	500-800	Письмо М.Н. Аксаковой к О.С. Аксаковой. Цит. по: Солодянкина. 2007	124
1817	1150	Долгоруков. 1997	63–64, 152
1815	600	Печерин. 1989	152–153
1814	3000, 5000–6000	Батюшков. 1986	408, 411
1813	2000	Письма из Москвы в Нижний Новгород. Цит. по: Солодянкина. 2019	55–56
1812	1800	Юдин П. Ссылные 1812 года в Оренбургском крае. Цит. по: Солодянкина. 2014	519–524
1806	400		
1805	650	Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1802–1825	Стб. 33–34
1804	900		
1802	150	Долгоруков. 1997	63–64
1798	800	Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. Цит. по: Соловьёв. 1998	70–75
1797	70	Долгоруков. 1997	63–64
1797	1840	ГА РФ. Ф. 219 (Орловы-Давыдовы). Цит. по: Шокарева. 2017	51, 52
1796		Отголоски XVIII века. Цит. по: Солодянкина. 2007	121
1796	500	Энгельгардт Л.Н. Записки. Цит. по: Солодянкина. 2007	121
1795	60	Энгельгардт Л.Н. Записки. Цит. по: Солодянкина. 2007	121

Table 4

Evidence provided by the sources on nobility household payments for home education services

Year	Data on payments in annual terms	Sources	Pages
1883	480	Chekhov. 1975	62–63
1883	252	Chrkhov. 1977	341
1882	720	Goncharov. 2011	132
1879	228	Fausek. 2010	44–45
1865	300	Yangul. 2006	24–25
1859	500	Z-n A. Derevenskoe dvorianskoe vospitanie. Cit. on: Solodyankina. 2007	377
1848	1000	Fet A.A. Moi vospominaniia 1849-1889. Part 1. Cit. on: Solodyankina. 2007	108
1838	540	Khvoschinskaiia. 2016	32
1833	2000	Viazemskii, P.A. Pismo A.I. Turgenevu. Cit. on: Solodyankina. 2007	123
1832	1200	Leontiev. 2019	196
1831	800	Leontiev. 2019	194
1831	144	Iz dnevnika yunoshi «tridsatykh godov». Cit. on: Solodyankina. 2018	16–18
1830	2000	Pushkin, A.S. <i>Baryshnia-krestianka</i> . Cit. po: Solodyankina. 2007	371
1822	1500	Tri pis'ma P. Mukhanova kn. M.A. Urusovu. Cit. po: Solodyankina. 2007	300
1821	3000	Semenov-Tyan-Shanskiy, P.P. Memuary. Cit. po: Solodyankina. 2007	123
1820	3000	Manuylov, V.A. M.Yu. Lermontov. Cit. on: Sergeeva. 2010	203
1818	500–800	Pis'mo M.N. Aksakovoy k O.S. Aksakovoy. Cit. on: Solodyankina. 2007	124
1817	1150	Dolgorukov. 1997	63–64, 152
1815	600	Pecherin. 1989	152–153
1814	3000, 5000–6000	Batushkov. 1986	408, 411
1813	2000	Pis'ma iz Moskvy v Nizhniy Novgorod. Cit. on: Solodyankina. 2019	55–56
1812	1800	Yudin, P. Ssyl'nyye 1812 goda v Orenburgskom kraye. Tsit. po: Solodyankina. 2014	519–524
1806	400		
1805	650	Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. 1802–1825	Ср6. 33–34
1804	900		
1802	150	Dolgorukov. 1997	63–64
1798	800	Baratynskii, Ye.A. Stikhotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov. Tsit. po: Solov'yov. 1998	70–75
1797	70	Dolgorukov. 1997	63–64
1797	1840	GARF, f. 219 (Orlovy-Davydovy). Cit. on: Shokareva. 2017	51, 52
1796		Otgoloski XVIII veka. Cit. on: Solodyankina. 2007	121
1796	500	Engel'gardt L.N. Zapiski. Cit. on: Solodyankina. 2007	121
1795	60	Engel'gardt L.N. Zapiski. Cit. on: Solodyankina. 2007	121

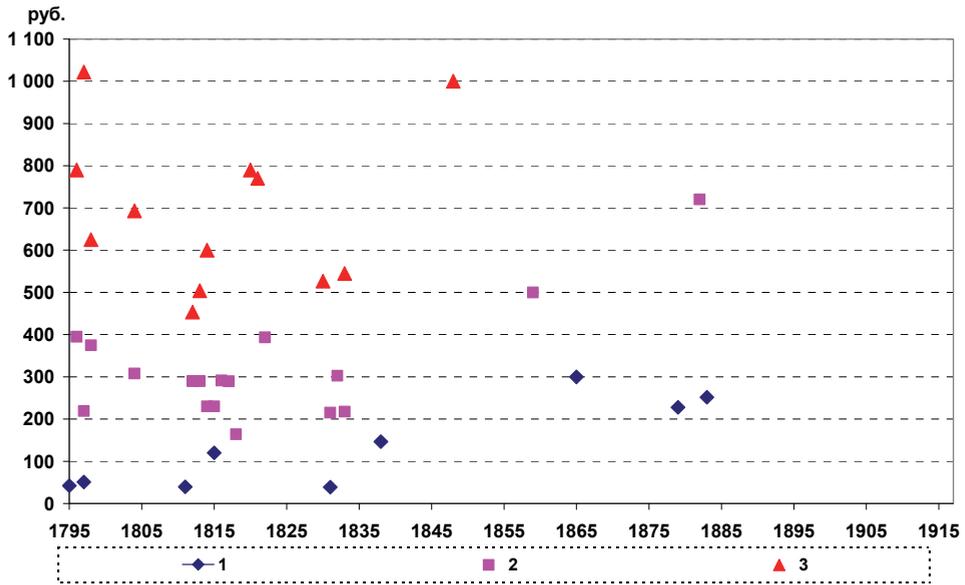

Рис. 1. Данные источников о платежах дворянских домохозяйств за услуги домашнего образования по стратификационным группам /

Figure 1. Evidence provided by the sources on nobility household payments for home education services by strata groups

Источник: данные табл. 4.

Source: data from Table 4.

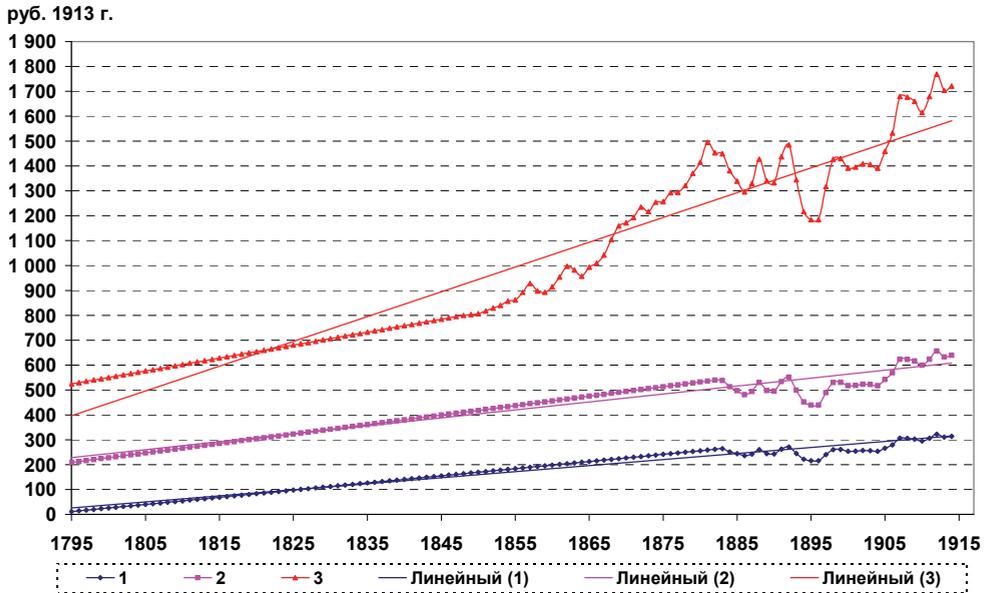

Рис. 2. Модельная динамика платежей дворянских домохозяйств за услуги домашнего образования по стратам / **Figure 2.** The modeled dynamics of nobility household payments for home education services by strata

Рассчитано по: данные табл. 4; дефлировано за 1853–1913 гг. по Бюджетному индексу в: Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 514–515; о 1853 г. – по Общему индексу цен в: Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М.: Новый хронограф, 2010. С. 512.

Calculation based on: the data from Table 4; deflated for 1853–1913 by the Budget Index in: Strumilin, S.G. *History of ferrous metallurgy in the USSR*, vol. 1 (Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954), 514–515; until 1853 – according to the General Price Index in: Mironov, B.N. *Welfare of the population and revolution in imperial Russia: XVIII – early XX century* (Moscow: New Chronograph, 2010), 512.

Гендерный фактор в стоимости образовательных услуг учитывался в 1-й страте с коэффициентом 0,6; во 2-й – с коэффициентом 0,7; в 3-й – с 0,9. Указанные коэффициенты не менялись во времени.

Общий объем потребления образовательных услуг в домашнем сегменте

На четвертом этапе осуществлялась дооценка, связанная с участием в домашнем образовании высших городских сословий (почетные граждане, купцы).

Таблица 5 / Table 5

**Численность потребителей по стратам и объем потребления образовательных услуг
в домашнем сегменте (в кредитных рублях) /
Consumers quantity by strata and volume of education services consumption
in home segment (in credit rubles)**

Год / Year	Объем потребления / Consumption volume			Год / Year	Объем потребления / Consumption volume		
	В текущих ценах / At current prices		В ценах 1913 г. / In 1913 prices		В текущих ценах / At current prices		В ценах 1913 г. / In 1913 prices
	Дворянами / Nobles	Всего / Total	Всего / Total		Дворянами / Nobles	Всего / Total	Всего / Total
1914	581 907	785 574	777 796	1854	295 109	350 029	736 903
1913	600 535	808 521	808 521	1853	291 144	344 758	739 824
1912	620 792	833 543	858 438	1852	287 289	339 639	718 887
1911	588 835	788 520	865 555	1851	284 819	336 176	701 839
1910	565 979	755 903	849 329	1850	291 988	344 086	715 608
1909	580 583	773 368	854 550	1849	300 180	353 179	731 712
1908	585 919	778 438	864 932	1848	271 823	319 313	659 020
1907	583 226	772 854	897 623	1847	269 017	315 525	648 712
1906	532 368	703 647	849 816	1846	263 095	308 102	631 030
1905	496 107	654 048	808 465	1845	261 253	305 477	623 263
1904	473 729	622 966	778 708	1844	249 504	291 297	592 059
1903	483 131	633 737	784 328	1843	227 394	265 085	536 724
1902	484 941	634 528	790 196	1842	221 918	258 316	521 019
1901	486 740	635 310	803 173	1841	218 206	253 621	509 594
1900	488 855	636 507	818 133	1840	212 719	246 882	491 067
1899	500 300	649 826	819 453	1839	209 079	242 305	477 118
1898	503 340	652 200	836 154	1838	202 923	234 833	457 757
1897	467 454	604 253	836 915	1837	201 777	233 175	449 956
1896	418 077	539 145	741 603	1836	198 117	228 622	436 736
1895	416 056	535 276	738 312	1835	194 452	224 079	423 755
1894	421 413	540 904	749 174	1834	227 046	261 277	489 132
1893	458 598	587 271	786 172	1833	184 129	211 599	392 148
1892	499 447	638 114	857 680	1832	177 528	203 736	373 781
1891	475 430	606 047	852 386	1831	170 982	195 960	355 900
1890	435 102	553 387	819 833	1830	165 088	188 952	346 865
1889	433 011	549 495	782 756	1829	158 571	181 252	336 311
1888	455 672	576 969	848 483	1828	153 683	175 436	329 020
1887	414 739	523 983	783 233	1827	148 238	169 000	320 361
1886	397 029	500 514	702 969	1826	142 799	162 590	311 525
1885	405 673	510 303	686 814	1825	137 370	156 208	302 519
1884	410 746	515 575	673 075	1824	130 350	148 039	289 783
1883	423 027	529 859	659 029	1823	123 502	140 086	277 165

Окончание табл. 5 / Table 5, ending

Год / Year	Объем потребления / Consumption volume			Год / Year	Объем потребления / Consumption volume		
	В текущих ценах / At current prices		В ценах 1913 г. / In 1913 prices		В текущих ценах / At current prices		В ценах 1913 г. / In 1913 prices
	Дворянами / Nobles	Всего / Total	Всего / Total		Дворянами / Nobles	Всего / Total	Всего / Total
1882	415 690	519 571	644 629	1822	125 516	142 194	284 364
1881	407 770	508 604	613 516	1821	127 279	144 015	291 103
1880	392 282	488 270	622 001	1820	128 949	145 726	297 099
1879	378 974	470 735	619 388	1819	130 447	147 241	302 774
1878	365 774	453 411	618 569	1818	131 587	148 350	307 682
1877	353 576	437 404	609 198	1817	132 690	149 418	312 565
1876	350 133	432 275	602 894	1816	133 816	150 508	317 559
1875	343 182	422 851	606 672	1815	122 066	137 133	291 830
1874	337 882	415 498	596 980	1814	112 187	125 889	270 211
1873	330 438	405 550	600 815	1813	103 243	115 721	250 525
1872	327 611	401 300	585 840	1812	93 089	104 222	227 574
1871	321 433	392 975	593 617	1811	83 279	93 135	205 116
1870	314 419	383 667	590 258	1810	74 806	83 566	180 826
1869	332 458	404 913	629 724	1809	66 600	74 318	158 003
1868	346 605	421 352	687 361	1808	67 391	75 118	156 914
1867	361 822	439 033	759 573	1807	66 106	73 607	151 069
1866	365 887	443 148	791 336	1806	65 927	73 329	147 869
1865	374 223	452 416	821 083	1805	65 243	72 491	143 625
1864	371 220	447 974	843 642	1804	64 713	71 827	139 822
1863	382 717	461 019	845 907	1803	64 182	71 165	136 111
1862	333 132	400 575	724 367	1802	63 400	70 225	131 968
1861	326 769	392 231	741 458	1801	64 745	71 642	132 276
1860	319 381	382 693	754 819	1800	65 919	72 867	132 717
1859	313 588	375 102	757 781	1799	66 925	73 906	132 786
1858	311 328	371 758	746 503	1798	67 765	74 759	132 501
1857	312 376	372 375	723 058	1797	68 442	75 432	131 882
1856	303 249	360 885	729 061	1796	68 957	75 926	130 948
1855	296 628	352 414	737 269	1795	69 313	76 244	129 717

Собственный расчет по: Беккер С. Миф о русском дворянстве... С. 299; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности... С. 162, 166; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России... С. 292–293, 298–299; Миронов В.Н. Российская империя... Т. 1. С. 356; Селиверстова Н.М. Российское дворянство... С. 244–251; Сизова О.В. Дворянство Ярославской губернии... С. 45, 46, 47, 66, 69, 70; Статистические таблицы Российской империи... 1863. С. 267, 276–277; Статистика поземельной собственности... 1881. С. 96; Цифровые данные... 1897. Табл. 5; Статистика землевладения... 1906. С. 24; Данным табл. 2–4; дефлировано аналогично рис. 2.

Own calculation based on: Bekker, S. *Mif o russkom dvoryanstve*, 299; Kabuzan, V.M., Troitskiy, S.M. *Izmeneniya v chislennosti*, 162, 166; Korelin, A.P. *Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii*, 292–293, 298–299; Mironov, V.N. *Rossiyskaya imperiya*, vol. 1, 356; Seliverstova, N.M. *Rossiiskoe dvoryanstvo*, 244–251; Sizova, O.V. *Dvoryanstvo Yaroslavskoi gubernii*, 45, 46, 47, 66, 69, 70; *Statisticheskie tablitsy Rossiyskoi imperii*... 1863, 267, 276–277; *Statistika pozemel'noi sobstvennosti*... 1881, 96; *Tsifrovye dannye* ... 1897. Tabl. 5; *Statistika zemlevladieniia*... 1906, 24. Data from Tables 2–4; deflated as in Figure 2.

На основе нарративных свидетельств в литературе³⁴ предполагалось, что при их сопоставимой численности с дворянами в 1897 г. и меньшей – в начале XIX в.,

³⁴ Солодянкина О.Ю. Современники И.А. Милютин: сравнение образовательных стратегий и практик дворянства и купечества // Милютинские чтения. Вып. 9. Череповец, 2018. С. 16–17; Ульянова Г.Н. Частная жизнь купеческой семьи в XIX веке по автобиографическим источникам: рождение, воспитание, вступление в брак, семейные отношения // Многогранный талант историка. М., 2019. С. 282.

объем их платежей за домашнее образование составлял относительно дворянского 10 % в начале XIX в. и 35 % – в начале XX в. с нарастанием по показательной функции. Результаты расчетов после указанной доценки приводятся в табл. 5.

Они показывают, что в реальном выражении объем услуг домашнего образования быстро расширялся в первые два десятилетия XIX в., после коррекционного перерыва – с конца 1820-х по начало 1860-х гг., резко сжался вслед за отменой крепостного права, с восстановлением на протяжении 1870–1880-х гг. С конца 1880-х гг. этот сегмент пребывал в стадии стагнации. Таким образом, возросшее участие высших городских сословий не компенсировало нарастающий отток потребителей-дворян в институционализированный сегмент образования.

Выводы

В ходе проведенного исследования автор приходит к следующим выводам.

1. Разработанные на материале Ярославской губернии методы реконструкции производства образовательных услуг в неформальном секторе могут быть применены к другим регионам Центральной России и к Сибири, Дальнему Востоку, национальным окраинам с рядом поправок в отношении входных параметров разработанных моделей. Соответственно, появятся новые количественные свидетельства для анализа региональных тенденций на фоне общероссийских, конвергенции и дивергенции регионов в процессе расширения образовательного пространства страны.

2. Наличие длинных рядов данных о сопоставимом во времени объеме потребления образовательных услуг в домашнем сегменте позволяет рассмотреть в более широком контексте проблему соотношения индивидуализированного и массового обучения в условиях перехода к использованию индустриальных технологий. В начале XIX в. домашнее образование скорее всего превышало масштабы институционализированного. Но на определенном этапе первое начинает уступать место второму, для которого характерно менее благоприятное соотношение учащихся на одного учителя. Таким образом, традиционные и инновационные образовательные технологии и институты могут одновременно конкурировать и взаимодействовать в процессах системной трансформации традиционного общества в современное.

3. Одной из перспектив использования полученных результатов является учет неформального сектора образовательных услуг как составляющей объема региональных экономик России в основных показателях системы национальных счетов, с построением пилотных оценок за период до 1885 г. и возможностью пересмотра имеющихся.

Из оценок П. Грегори³⁵, скорректированных А. Черемухиным и соавторами³⁶, следует, что потребление образовательных и медицинских услуг, формирующих человеческий капитал, составляло 0,69 % ВВП страны в 1885 г. и 1,86 % – в 1913 г. Потенциал их пересмотра в сторону повышения оценивается до уровней в 2 и 5 % за соответствующие годы.

4. Ключевой проблемой содержательной интерпретации является изучение механизмов воздействия различных образовательных практик на социально-экономическое развитие России. Из теории человеческого капитала следует, что вклад образования в рост экономики должен значительно превосходить его вклад в выпуск и добавленную стоимость, в первую очередь, за счет повышенной способности генерировать положительные «внешние эффекты» по сравнению с физическим капиталом.

В этом отношении важен социальный аспект распространения домашнего образования. Его выход за рамки дворянского сословия и распространение среди купечества вели к более сильному воздействию на экономическое развитие. Такой

³⁵ Грегори П. Указ. соч. С. 107–108, 146–147, 154, 232–242.

³⁶ Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model // Review of Economic Studies. 2017. Vol. 84. No. 2. Online Appendix.

процесс наблюдался в конце XIX в. – начале XX в. в Ярославской губернии, где он протекал более интенсивно на фоне других регионов Российской империи.

Таким образом, полученные результаты модельных расчетов открывают новые перспективы в сфере междисциплинарных исследований при их дальнейшем использовании в указанных содержательных контекстах, требующих отдельного углубленного рассмотрения.

Поступила в редакцию / Submitted: 02.11.2020

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 14.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 07.03.2022

References

- Alekseeva, E.V. *Diffuziya evropeiskikh innovatsii v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Barashev, M.A. “Domashnee vospitanie v russkoi dvoryanskoi sem'e vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX v.” *Educational Studies*, no. 1 (2010): 225–236 (in Russian).
- Batyushkov, K.N. *Izbrannye sochineniia*. Moscow: Pravda Publ., 1986 (in Russian).
- Becker, S. *Nobility and privilege in late Imperial Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004 [1985] (in Russian).
- Bushen, A., ed. *Statisticheskie tablitsy Rossiiskoi imperii*, vol. 2. St. Petersburg: [S.n.], 1863 (in Russian).
- Chekalova, I.V. “Novye materialy k biografii rodstvennikov K.N. Batyushkova (po materialam GAVO).” In *Batyushkov. Issledovaniia i materialy*. Cherepovets: ChGU Publ., 2002 (in Russian).
- Chekhov, A.P. “Na podvode.” In *Sochineniya v 18 tomakh*, vol. 9. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 335–342 (in Russian).
- Chekhov, A.P. “Razmaznia.” In *Sochineniia v 18 tomakh*, vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1975. P. 62–63 (in Russian).
- Cheremukhin, A., Golosov, M., Guriev, S., and Tsyvinski, A. “The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model”. *Review of Economic Studies* 84, no. 2 (2017): 613–649 + Online Appendix, <https://doi.org/10.1093/restud/rdw026>
- Dneprov, E.D., ed. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo ob obrazovanii XIX – nachala XX veka: sb. dokumentov: v 3 t.* Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly Publ., 2017 (in Russian).
- Dolgorukov, I.M. *Kapishche moego serdtsa, ili Slovar' vsekh tekhnicheskikh lits, s koimi ya byl v raznykh otnosheniyakh v techenie moei zhizni*. Moscow: Nauka Publ., 1997 (in Russian).
- Emel'yanova, A.V., and Safronova, A.M. “Memuary o domashnikh uchitelyakh v dvoryanskikh sem'yakh Rossii XVIII v.” *Pedagogical Education in Russia*, no. 5 (2014): 7–12 (in Russian).
- Fausek, Yu.I. *Russkaya uchitel'nitsa: vospominaniia Montessori-pedagoga*. Moscow: Forum Publ., 2010 (in Russian).
- Goncharov, M.A. “Sotsial'no-pravovoi status i material'noe polozhenie uchitelei gimnazii v Rossii XIX v.” *Science and School*, no. 5 (2011): 129–135 (in Russian).
- Gregory, P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX v. – nachalo XX v.): Noveye podschety i otsenki*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003 [1982, 1994] (in Russian).
- Guseva, N.S. “Application of mathematical methods in researches on the Russian agrarian history of the post-reform and Soviet periods: historiographical aspects of the problem (the 1960s – the beginning of the 1990s.)” *Tomsk State University Journal of History*, no. 46 (2017): 155–162.
- Kabuzan, V.M., and Troitskii, S.M. “Izmeneniya v chislennosti, udel'nom vese i razmeshchenii dvoryanstva v Rossii v 1782–1858 gg.” *Russian History*, no. 4 (1971): 153–169 (in Russian).
- Kaser, M. “Education in Tsarist and Soviet Development.” In *Essays in Honour of E.H. Carr*. London: Macmillan, 1974. P. 229–254.
- Kessler, G., and Markevich, A. *Electronic Repository of Russian Historical Statistics, 18th–21st centuries*. 2019. URL: <http://ristat.org/>
- Khvoshchinskaya, E.Yu. *Vospominaniya Eleny Yur'evny Khvoshchinskoi (rozhdennoi knyazhny Golitsynoi) (1850–1907)*. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii Publ., 2016 (in Russian).
- Kolosova, E.M. “Domashnee obrazovanie v seredine XIX veka.” *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, no. 7 (2010): 67–71 (in Russian).
- Konchakov, R.B., and Korchmina, E.S. “The Structure of Noble Property of the Moscow Gentry in 1812.” *Istoriya* 11, no. 3 (2020), <https://doi.org/10.18254/S207987840009536-8> (in Russian).
- Korchmina, E., and Zorin, A. “Karamzin and Money.” *Cahiers du Monde Russe* 59, no. 1 (2018): 117–140.

- Korelin, A.P. *Dvoryanstvo v poreformennoi Rossii 1861–1904 gg.* Moscow: Nauka Publ., 1979 (in Russian).
- Leont'ev, M.A. *Moi vospominaniya, ili sobytiya v moei zhizni 1785–1834.* Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii Publ., 2019 (in Russian).
- Lotman, Yu.M. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka).* St. Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 1994 (in Russian).
- Lotman, Yu.M. *Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; Evgenii Onegin: Kommentarii.* St. Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 1995 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Istoriia v tsifrakh.* Leningrad: Nauka Publ., 1991 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Khlebnye tseny v Rossii za dva stoletii (XVIII–XIX vv.).* Leningrad: Nauka Publ., 1985 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* St. Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 2014–2015 (in Russian).
- Podol'skaya, I.I., ed. *Russkie memuary. Izbrannye stranitsy. XVIII vek.* Moscow: Pravda Publ., 1988 (in Russian).
- Prokofeva, E.A. “Zakonodatel'noe regulirovanie chastnoi obrazovatel'noi initsiativy v Rossii pervoi poloviny XIX veka.” *Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva*, no. 8 (2013): 162–185 (in Russian).
- Seliverstova, N.M. *Rossiiskoe dvorianstvo nakanune i v period reform 60–70-kh godov XIX veka.* Moscow: KDU, Universitetskaia kniga Publ., 2015 (in Russian).
- Sergeeva, S.V. *Istoriia domashnego obrazovaniia i chastnoi shkoly v Rossii (poslednyiia chetvert' XVIII v. – pervaya polovina XIX v.).* Penza: PGU Publ., 2010 (in Russian).
- Shokareva, A. *Dvorianskaia sem'ia. Kul'tura obshcheniia. Russkoe stolichnoe dvorianstvo pervoi poloviny XIX veka.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017 (in Russian).
- Sizova, O.V. “Dvorianstvo Iaroslavskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vekov.” PhD diss. Iaroslavl', 1999 (in Russian).
- Solodyankina, O.Yu. “Anomal'naia povsednevnost' inostrannykh guvernerov v usloviakh voiny 1812 g.” In *Voina i povsednevnaia zhizn' naseleniia Rossii XVII–XX vv.* St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2014. P. 519–524 (in Russian).
- Solodyankina, O.Yu. “Prepodavanie inostrannykh iazykov v sisteme domashnego obrazovaniia v dorevolutsionnoi Rossii.” In *Vzaimodeistvie nauki i obrazovaniia v akademicheskoi prostranstve.* Cherepovets: Cherepovetskii gos. un-t Publ., 2019. P. 52–63 (in Russian).
- Solodyankina, O.Yu. *Inostrannye guvernantki v Rossii (vtoraia polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka).* Moscow: Academia, 2007 (in Russian).
- Solodyankina, O.Yu. *Sovremenniki I.A. “Milyutina: sravnenie obrazovatel'nykh strategii i praktik dvoryanstva i kupechestva.”* In *Milyutinskie chteniya*, vol. 9. Cherepovets: Cherepovetskii gos. un-t, 2018. P. 16–18 (in Russian).
- Solov'ev, K.A. “*Vo vkuse umnoi stariny...*” *Usadebnyi byt rossiiskogo dvoryanstva II poloviny XVIII – I poloviny XIX vekov: Po vospominaniam, pis'mam i dnevnikam.* St. Petersburg: Nestor Publ., 1998 (in Russian).
- Troinitskii, N.A., ed. *Pervaya Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g.*, vol. L. Iaroslavskaiia guberniia. St. Petersburg: [S.n.], 1904 (in Russian).
- Ul'yanova, G.N. “Chastnaia zhizn' kupecheskoi sem'i v XIX veke po avtobiograficheskim istochnikam: rozhdenie, vospitanie, vstuplenie v brak, semeinye otnosheniia.” In *Mnogogrannyi talant istorika: Pamiati doktora istoricheskikh nauk professora A.P. Korelina.* Moscow: In-t rossiiskoi istorii RAN Publ., 2019. P. 276–312 (in Russian).
- Yakovkina, N.I. *Istoriia russkoi kul'tury: XIX vek.* St. Petersburg: Lan' Publ., 2000 (in Russian).
- Yakovkina, N.I. *Russkoe dvorianstvo pervoi poloviny XIX veka: Byt i traditsii.* St. Petersburg: Lan' Publ., 2002 (in Russian).
- Yanzhul, I.I. *Vospominaniia o perezhitom i vidennom v 1864–1909 gg.* Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii Publ., 2006 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Дмитрий Валерьевич Диденко, д-р эконом. наук, канд. истор. наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории, профессор кафедры истории экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1, didenko-dv@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5295-2538>

Dmitry V. Didenko, Dr. habil. econ., Ph.D. in hist., Leading Researcher of the Research Laboratory of Economic and Social History, professor of the Department of Historical Economics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82, bild. 1, Vernadskogo prospekt, Moscow, 119571, Russia; didenko-dv@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5295-2538>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-233-243>

Научная статья / Research article

Автобиографическое и эпистолярное наследие регионального купечества России: новейшие направления и перспективы изучения

Мария Александровна Смирнова

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербургский Институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия
✉ smirnmara@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена обзору новейших направлений в исследовании письменного наследия купечества России. Автор рассматривает принципы и подходы к изучению и публикации купеческих автобиографических и эпистолярных текстов, высказанные в работах двух последних десятилетий. Особый акцент в исследовании сделан на анализе и издании письменного наследия купечества разных регионов в контексте сложной этнокультурной структуры российского общества Нового времени. Выделены основные тенденции в исследовании мемуарных памятников и эпистолярных комплексов купечества XVII – начала XX в., а также охарактеризованы их издания. Сделанные наблюдения и замечания позволяют не только проанализировать современное состояние изучения письменного наследия, культурного уровня, менталитета и самосознания купеческого сословия, но и наметить перспективы подобных изысканий. Автор статьи приходит к выводу о необходимости проведения комплексных междисциплинарных исследований, включающих историков, литературоведов, лингвистов и выполненных с применением современных технических методик работы с рукописными текстами.

Ключевые слова: рукописные памятники, эпистолярные памятники, мемуарная литература, источниковедение, история России, книжная культура, дневники

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 21–78–00072.

Для цитирования: Смирнова М.А. Автобиографическое и эпистолярное наследие регионального купечества России: новейшие направления и перспективы изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 233–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-233-243>

Autobiographical and Epistolary Heritage of the Merchants of the Regions of Russia: The Latest Research Areas and Perspectives of Study

Maria A. Smirnova

National Library of Russia, St. Petersburg Institute of History of RAS, St. Petersburg, Russia
✉ smirnmara@gmail.com

Abstract: The article is devoted to an overview of the latest trends in the study of the written heritage of the merchants of Russia. The author examines the principles and approaches to the study and publication of merchant autobiographical and epistolary texts set forth in the works of the last two decades. Special emphasis in the article is made on the study and publication of the written heritage of merchants from different regions in the context of the complex ethno-cultural structure of Russian soci-

ety in the modern era. The main trends in the study of memoirs and epistolary complexes of the Russian merchants of the 17th – early 20th century are highlighted, and their main publications are characterized. The observations and remarks make it possible not only to characterize the current state of the study of the written heritage, cultural level, mentality and self-consciousness of the merchant class, but also to outline the prospects for such research area. The author comes to the conclusion that it is necessary to conduct complex interdisciplinary research, including historians, literary scholars, linguists, and carried out through the use of modern technical methods of working with handwritten texts.

Keywords: manuscript studies, epistolary genre, memoir literature, source studies, merchants, Russian history, book culture, diaries

Acknowledgements and Funding: The reported study was funded by the Russian Science Foundation according to the research project number 21–78–00072.

For citation: Smirnova, M.A. “Autobiographical and Epistolary Heritage of the Merchants of the Regions of Russia: The Latest Research Areas and Perspectives of Study.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 233–243. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-233-243>

Введение

Источники личного происхождения в последнее время вызывают пристальный интерес гуманитарного сообщества, становясь предметом междисциплинарных исследований¹. Автобиографические и эпистолярные произведения справедливо считаются одним из самых информативных материалов для изучения самосознания человека прошлого, а их появление в письменной традиции в определенной степени маркирует переход от средневекового сознания к мышлению Нового времени. Эти тексты в наибольшей мере отражают процесс развития индивидуального самосознания человека, его самоидентификацию в обществе и в мире, способы мышления, взгляды, цели, мотивы, страхи и переживания.

Интерес к автобиографическим произведениям простого обывателя – «маленького человека» Нового времени возник еще в дореволюционной исследовательской традиции. Однако обращение к мемуарам и дневникам городских слоев населения (потомственных почетных граждан, купечества и мещанства) и крестьянства наиболее ярко проявилось в последние тридцать лет и было связано с возросшим интересом к истории этих социальных групп. В частности, впервые предметом изучения стала повседневная жизнь, становление самосознания сословий различных регионов России, их религиозность и культурный уровень.

На протяжении долгого времени в историографии автобиографическая традиция купечества не рассматривалась как самостоятельное культурное явление. Это мнение справедливо отражало историографическую ситуацию 1920–1970-х гг., когда ученые были знакомы лишь с опубликованными еще до революции и хорошо известными семейными хрониками Вишняковых, Крестовниковых, воспоминаниями Н. А. Найденова и некоторыми другими мемуарами.

В последней четверти XX в. в научной литературе начался новый этап в изучении купеческой автобиографической традиции, связанный не только с возрастанием интереса к мемуарной литературе в целом (как научного, так и читательского), но и к культуре и самосознанию торгового сословия. В 1974 г. А.И. Копаневым и Н.И. Павленко был опубликован обнаруженный ими в собрании Отдела рукописей БАН «Журнал, или записка жизни и приключений» дмитровского купца И.А. Толченова². Обширный по объему и временному охвату памятник стал самым цитируемым произведением купеческой мемуаристики второй половины XVIII – начала XIX в., хотя и был опубликован не полностью, а выполненное на ротапринте

¹ Рыбаков Р.В. В поисках новой идентичности: исследование самопрезентаций молодежи в автобиографиях начала 1920-х годов // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 426. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.411>.

² Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974.

издание 1974 г. стало библиографической редкостью. Исследованию «Журнала» И.А. Толченова посвящены работы как отечественных историков, так и западных славистов³.

Автобиографическое наследие купечества: опыт исследования

Начиная с 1990-х гг. издание и изучение автобиографических и эпистолярных произведений купцов заметно активизировалось. В отличие от предшествующих периодов исследователей стали интересовать не только тексты, ценные своим содержанием, включающие в себя важные экономические и общественно-политические сведения, принадлежащие известным авторам и представляющие собой самостоятельные крупные памятники автобиографического жанра, но и отрывочные записки, созданные малоизвестными представителями провинциального купечества. Всплеск интереса к истории торгового сословия, повседневности, истории семьи, рассказам о себе простого человека и краеведческим исследованиям дал толчок к поиску и публикации хранящихся в архивах памятников ранней купеческой автобиографики, ранее остававшихся неописанными и не введенными в научный оборот.

Важной вехой интереса к автобиографическому наследию купечества стала публикация дневников тверских купцов, осуществленная в 2002 г. Е.И. Барклай⁴. В сборник вошли два памятника конца XVIII – первой трети XIX в.: переиздание опубликованной еще в начале XX столетия «Летописи» тверского купца М.М. Тюльпина, а также публикация уникального дневника из собрания Государственного архива Тверской области, который создавался несколькими поколениями купцов Блиновых. В отличие от большинства предшествующих и последующих публикаций автобиографических произведений XVIII–XIX вв. составителем применяется дипломатическая передача текста памятников.

Среди наиболее значимых изданий необходимо отметить сборник «Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века», подготовленный А.В. Семеновой, А.И. Аксеновым и Н.В. Середой и охватывающий публикацию восемнадцати автобиографических текстов купцов различных городов Российской империи⁵. Издание не только является археографическим стандартом для дальнейшей работы с купеческими рукописными текстами, но и отразило изменение вектора в изучении этих материалов, демонстрирующих «становление человеческой личности с внесловными ценностями и моралью»⁶. Обзор купеческих мемуаров из собрания Отдела рукописей РГБ, включенных в сборник, был сделан А.И. Аксеновым и опубликован им в отдельной статье⁷.

Значительный пласт работ по купеческому автобиографическому и эпистолярному наследию связан с региональными исследованиями. Мемуарам и дневникам рязанского купечества посвящены статьи И.Г. Кусовой и И.В. Грачевой⁸; ар-

³ *Ransel D.* The Diary of a Merchant: Insights into Eighteenth-Century Plebeian Life // *The Russian Review*. 2004. Vol. 63. P. 594–608; *Культура купеческой среды: Страницы жизни И.А. Толченова // Российская провинция: среда, культура, социум (Очерки истории города Дмитрова, конец XVIII – XX век)*. М., 2006. С. 363–388.

⁴ *Дневники тверских купцов / Сост. И.Е. Барклай.* Тверь, 2002.

⁵ *Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века.* М., 2007.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ *Аксенов А.И.* Купеческие мемуары из собраний ОР РГБ: (Археографические заметки) // *Российская реальность конца XVI – первой половины XIX в.: Экономика. Общественный строй. Культура*. М., 2007. С. 290–302.

⁸ *Кусова И.Г.* «Записка» купца Антонова и мир рязанского купечества середины XIX века // *Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований.* Тверь, 2014. С. 104–113; *Грачева И.В.* Мемуарные записки рязанских купцов // *Рязанский край в контексте русской литературы: Очерки регионального литературоведения.* Рязань, 2017. С. 138–151.

живное наследие тверского купечества изучено и частично опубликовано Н.В. Середой и И.Е. Барклай⁹; статья М.С. Судовикова посвящена мемуарным произведениям вятского купечества¹⁰. Обширная исследовательская традиция связана с изучением культуры и письменного наследия сибирского купечества¹¹. Важные аспекты изучения письменной культуры купечества разных регионов России затронуты в многочисленных работах, посвященных культуре купеческого сословия и краеведческих исследованиях.

Последние двадцать лет отмечены выходом статей, посвященных отдельным автобиографическим и эпистолярным рукописным купеческим памятникам. В работах такого типа как правило дан археографический обзор, охарактеризовано содержание произведения, а также по мере возможности реконструируется биография и коммерческая деятельность авторов. Большинство исследуемых памятников – мемуарные произведения конца XVIII – середины XIX в.¹², однако исследовательский интерес наблюдается и к эпистолярным комплексам начала XX столетия¹³.

Наконец, в самые последние годы появляются исследования, специально обращенные к купеческому автобиографическому наследию как историко-культурному феномену. Примером последнего подхода является статья Г.Н. Ульяновой, посвященная религиозности купечества и ее отражению в автобиографических текстах¹⁴. Рассматривая ряд памятников купеческой мемуаристики 1770–1860-х гг., автор осветила сюжет о религиозной составляющей купеческого мировоззрения. Чрезвычайно важно наблюдение о том, что появление автобиографических текстов в купеческой среде являлось символом его стремления к образованности¹⁵. В еще одной работе исследовательницы на материалах автобиографических текстов изучается семейная жизнь купечества¹⁶.

Автобиографическое наследие купечества: опыт издания

Второй вектор в изучении автобиографического и эпистолярного наследия купечества связан с его обнаружением и изданием. В рамках данной статьи необходимо специально остановиться на характеристике нескольких недавних публикаций документов из купеческих архивов.

⁹ Дневники тверских купцов; *Середа Н.В.* Дневник купцов Блиновых и его авторы // *Очерки феодальной России* / под ред. С.Н. Кистерева. М., 2003. Вып. 7. С. 256–277; *Она же.* Пространство и время в дневнике купцов Блиновых // *Проблемы источниковедения.* М., 2006. Вып. 1 (12). С. 400–412; *Она же.* Индивид в тверских купеческих дневниках XVIII – первой половины XIX века // *Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований.* С. 206–214.

¹⁰ *Судовиков М.С.* Мемуары вятских купцов XIX – начала XX в. // *Вопросы истории.* 2007. № 2. С. 147–151.

¹¹ *Кошенова Н.Ю.* Источники личного происхождения о сибирском купечестве второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. истор. наук / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2005; *Кобозева З.М.* Диалогичность хронотопов: «мещанский мирок» в «купеческом царстве» провинциальной Самары // *Вестник Самарского государственного университета.* 2009. № 7 (73). С. 139–146; *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010; *Она же.* Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // *Сибирские исторические исследования.* 2016. № 2. С. 58–75.

¹² *Майорова А.С.* Дневник купца Д.М. Вакурова в Госархиве Саратовской области // *Отечественные архивы.* 2015. № 6. С. 64–70.

¹³ *Лебедево Е. Ю.* По страницам семейной переписки Уральского купечества: детские письма пермских Насоновых в начале XX века // *Вестник Пермского университета. Сер. История.* 2015. Вып. 4 (31). С. 64–71.

¹⁴ *Ульянова Г.Н.* Автобиографические тексты купечества: Религиозное сознание и религиозное поведение. 1770-е – 1860-е годы // *Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX века.* М., 2019. С. 161–205.

¹⁵ Там же. С. 95.

¹⁶ *Ульянова Г.Н.* Частная жизнь купеческой семьи в XIX веке по автобиографическим источникам: рождение, воспитание, вступление в брак, семейные отношения // *Многогранный талант историка: Памяти доктора наук профессора Авенира Павловича Корелина.* М., 2019. С. 276–312.

Одним из центров исследования памятников купеческой мемуаристики является Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», где усилиями Е.Я. Крестьяниновой с 1990-х гг. изучаются и публикуются записки ростовских купцов, в также исследуется их генеалогия, торгово-промышленная деятельность, менталитет и т. д. В 2009 г. автором совместно с Г.А. Никитиной была подготовлена книга «Граждане Ростова», в которую помимо исследований включены автобиографические тексты¹⁷. В нее вошли «Замечания для себя» ростовского торговца М.И. Маракуева, а также фрагменты его личной переписки с Д.В. Киселевым за 1829–1830 гг.; несколько мемуарных текстов А.Л. Кекина, воспоминания сына известного коллекционера А.А. Титова Александра, написанные им в 1952 г. в эмиграции. Издание отличает очень внимательное отношение к текстам и высокий профессионализм их археографической подготовки.

В 2013 г. краеведом Н.Л. Еловской был опубликован дневник дмитровского купца Новоселова 1877–1907 гг.¹⁸ Долгое время хранившийся в семейном архиве, памятник стал достоянием научной общественности уже в XXI столетии. Дневник велся тридцать лет с перерывами и имеет сложную структуру, содержит приписки поздних владельцев рукописи – потомков автора, сделанные уже после начала Великой отечественной войны. Помимо краткой характеристики содержания дневника издание снабжено росписью и историей рода Новоселовых, подробной биографией автора. Книга в большей степени ориентирована на широкого читателя, текст полностью воспроизведен в современной орфографии и стилистике, при этом правила его передачи никак не оговорены. К сожалению, неизвестным остается современное местонахождение рукописи – поступила ли она в государственное архивохранилище или осталась в семейном архиве.

Еще один пример недавней публикации купеческого автобиографического текста – воспоминания известного сибирского предпринимателя С.Ф. Хромова о старце Федоре Козьмиче, изданное в 2015 г.¹⁹ Составители ставят вопрос о жанре публикуемого произведения – с одной стороны, по форме оно является агиографическим и демонстрирует знакомство авторов с канонами житийной литературы, а с другой – мемуарным текстом, построенным на личных воспоминаниях. Рукопись воспоминаний хранится в Российском государственном историческом архиве в фонде вел. кн. Николая Михайловича. К сожалению, несмотря на заявленные в предисловии строгие принципы передачи текста, археографический уровень публикации оставляет желать лучшего и обнаруживает непоследовательность составителей в этом вопросе. Основная претензия к публикаторам связана с выбором копии 1899 г. в качестве основного текста, по которому и было осуществлено издание. Удивительно, что при публикации даже не были приведены разночтения этой копии с оригиналом, который также хранится в РГИА.

В самом недавнем времени Н.В. Беловым было предпринято изучение и публикация Летописца купцов Саблиных – памятника частного устюжского летописания рубежа XVII–XVIII вв. из собрания Российской государственной библиотеки²⁰. Автор делает выводы о сочетании в тексте черт «независимой городской хроники,

¹⁷ Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А. Граждане Ростова: история ростовского купечества XVII – начала XX века: Генеалогия и судьбы купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов, 2009.

¹⁸ Памятная А.Е. Новоселова: Дневник дмитровского купца / Сост. Н.Л. Еловская. М., 2013.

¹⁹ Хромов С.Ф. Краткое жизнеописание великого старца Федора Козьмича. Из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова / Под ред. В.П. Бойко и Е.В. Ситниковой. Томск, 2015.

²⁰ Белов Н.В. Летописец купцов Саблиных – неизвестный памятник устюжского летописания последней четверти XVII – первой половины XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 20. М., 2021. С. 408–422.

фамильной хозяйственной записной книги и заметок дневникового характера» и справедливо отмечает уникальность подобных протодневниковых записей для купеческой культуры XVII в.²¹

Эпистолярное наследие купечества: опыт исследования и издания

Не меньшее внимание современных исследователей приковано к эпистолярному наследию купечества. В последние десятилетия публикуются как эпистолярные комплексы, так и отдельные письма, причем особый интерес связан с эпистолярными памятниками раннего периода, что убедительно доказывает выход монографии О.В. Новохатко «Россия. Частная переписка XVII в.»²². Одной из важных проблем при изучении ранних эпистолярных памятников является отделение личной переписки от деловой, что в особенности трудно для корреспондентов из коммерческой среды, в которой деловые и родственные связи тесно переплетались. П. С. Стефанович в статье, посвященной переписке псковского купца Петра Игнатьевича и англичанина Романа Вилимовича 1680-х гг., отметил, что для этого периода «в основном мы имеем дело с перепиской царской семьи и представителей боярской элиты, и она носит формализованный характер со стандартными формулами сообщений о здоровье и пожеланий здоровья и божественной милости»²³. Напротив, немногочисленные сохранившиеся личные письма допетровского времени являются ценнейшим свидетельством для воссоздания повседневной жизни людей той эпохи.

В 2000-е гг. были изданы два эпистолярных комплекса, связанные с купечеством XVII в. Корреспонденция 1670–1700-х гг. приказчика И.А. Шергина («Записная книга») отложилась в архиве московских гостей Панкратьевых и была издана Л.А. Тимошиной²⁴. Переписка 1680-х гг. английского купца, сохранившаяся среди его бумаг, была изучена и опубликована в 2009 г. П.С. Стефановичем и Б.Н. Морозовым²⁵. Оба издания демонстрируют высокопрофессиональный уровень археографической подготовки текстов писем, содержат подробную характеристику публикуемых памятников и по возможности раскрывают биографии авторов. Особое значение работы Л.А. Тимошиной, П.С. Стефановича и Б.Н. Морозова приобретают в связи с тем, что авторы рассматривают публикуемые письма в составе личных архивов корреспондентов.

Помимо публикации крупных эпистолярных комплексов в последнее время были изданы отдельные письма русских купцов. В частности, С.Н. Кистерев опубликовал письмо купца Бориса Васильевича Шорина архимандриту Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Серапиону от 28 августа 1651 г. из собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки²⁶. Полемизируя с О.В. Новохатко, С.Н. Кистерев на примере публикуемого письма указывает на широту «корреспондентских контактов» посадских людей XVII в.²⁷

В новейшей историографии немалый интерес уделяется архивам и эпистолярным комплексам купцов более позднего периода – конца XVIII – первой четвер-

²¹ Белов Н.В. Летописец купцов Саблиных... С. 414–415.

²² Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.

²³ Стефанович П.С. Личность псковского горожанина по его письмам к английскому купцу (1686–1687 гг.) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 157.

²⁴ Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. М., 2001. Т. 1.

²⁵ Стефанович П.С., Морозов Б.Н. Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: Псковский архив английского купца 1680-х годов. М., 2009. С. 75–92.

²⁶ Кистерев С.Н. Из переписки русских купцов XVII в. // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2018. Вып. 23. С. 24.

²⁷ Там же. С. 11.

ти XIX столетий. Среди исследователей, последовательно занимающихся выявлением и изучением письменного наследия купечества различных регионов Российской империи, необходимо отметить Е.В. Комлеву, чьи работы посвящены архиву красноярских купцов Ларионовых, а также отдельным эпистолярным комплексам сибирских и московских купцов²⁸.

В 2016 г. Е.В. Комлевой было подготовлено издание комплекса писем Ларионовых из Государственного архива Красноярского края²⁹. Всего из обширного эпистолярного комплекса исследовательницей было издано 95 писем, которые она разделила на два блока – коммерческая переписка и семейная. К настоящему времени вышел первый выпуск издания, и хочется надеяться, что публикация столь уникального корпуса эпистолярных текстов не прервется. Важно подчеркнуть, что Е.В. Комлева во вступительном очерке не ограничивается обзором истории изучения и публикации купеческих писем, но и подчеркивает значимость не введенных в научный оборот мемуарных купеческих текстов и ценность уцелевших автобиографических выдержек и фрагментов³⁰.

Об актуальности и значимости проделанного Е.В. Комлевой исследования свидетельствуют рецензии на ее работу, в частности, отзыв Ф.Я. Коновалова, в котором он вступает с автором в дискуссию³¹. Отметив целый ряд достоинств работы, рецензент не всегда соглашается с избранными Е.В. Комлевой с принципами отбора и систематизации писем, способами передачи текста, верности датировки.

Замечаниям Ф.Я. Коновалова в настоящем обзоре уделено такое внимание не случайно, поскольку исследователь являлся руководителем проекта по изданию корпуса писем устюгских купцов Булдаковых. В 2018 г. коллективом под его руководством был опубликован том, включающий в себя 179 документов эпистолярного комплекса Булдаковых из собрания Вологодского художественно-архитектурного и художественного музея-заповедника и Государственного архива Вологодской области³². Публикаторы отметили, что переписка Булдаковых помимо вологодских архивов рассредоточена между несколькими архивохранилищами – в первую очередь Российским государственным архивом древних актов, Архивом внешней политики Российской империи и Государственным историческим музеем, однако в полном объеме комплекс писем еще не выявлен, а также справедливо указали, что потенциал крупных эпистолярных комплексов намного выше, чем у единичных документов³³. Отметим внимательное и аккуратное аннотирование и описание публикуемых писем составителями, которые предложили систематизацию документов

²⁸ Отметим лишь самые последние работы Е.В. Комлевой из числа ее многочисленных трудов, посвященных архивному наследию русского купечества: *Комлева Е.В.* Кяхтинская торговля 1830-х гг. в письмах московских купцов Калашниковых // *Кяхта – национальное достояние России: Материалы междунаро. науч.-практич. конф. Улан-Удэ, 2018.* С. 115–119; *Она же.* Два месяца из жизни сибирской купчихи: Фрагмент из дневника М. Н. Кандинской за 1859 год // *Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры: Сб. научных трудов.* Новосибирск, 2019. С. 275–289; *Она же.* «Ведите себя посOLIDнее и к делам коммерческим поусердней»: Переписка московских купцов Калашниковых (1830-е гг.) // *Библиография. Археография. Источниковедение: Сб. статей и материалов.* СПб.; М., 2019. С. 153–161; *Она же.* Тема детства в эпистолярных комплексах русских купцов конца XVIII – XIX века // *Исторический курьер.* 2021. № 1 (15). С. 37–51. doi:10.31518/2618-9100-2021-1-4

²⁹ *Комлева Е.В.* Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Новосибирск, 2016. Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в.

³⁰ Там же. С. 4.

³¹ *Коновалов Ф.Я.* Рец. на: Е.В. Комлева. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1. Письма конца XVIII – первой трети XIX в. Новосибирск: Академиздат, 2016. 324 с. // *Российская история.* 2019. № 5. С. 216–221.

³² *Коновалов Ф.Я., Егорова Ю.С., Коноплев В.А.* Эпистолярное наследие устюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования. Вологда, 2018.

³³ Там же. С. 16–17.

по авторам корреспонденции и тематике писем. Пристальное внимание научного коллектива уделено характеристике способов пересылки корреспонденции – внешнему виду конвертов, печатям, срокам и способам доставки. Немаловажно обозначение публикаторами основных проблем, с которыми они столкнулись при работе с письмами Булдаковых, – датировка, место написания и нахождения адресата. В частности, была убедительно пересмотрена устоявшаяся в историографии датировка некоторых писем, которая возникла из-за неверной систематизации писем и конвертов в архивохранилищах³⁴.

Помимо публикации текстов издание содержит блок исследовательских статей, освещающих историю рода и коммерческую деятельность Булдаковых. Специальное внимание членов коллектива уделено лингвистической характеристике издаваемых писем. Это направление исследования представляется важным, поскольку автобиографические и эпистолярные сочинения купцов не изучались в качестве литературных произведений, так как не могут считаться высокими образцами жанра. Как низовой жанр эти тексты также мало интересуют литературоведов, хотя потенциал подобных исследований очевиден.

Рассматриваемые исследования и публикации памятников купеческой мемуаристики и эпистолярного жанра демонстрируют несколько тенденций и подходов к их изданию и изучению. Н.П. Матханова в статье «Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в.», чрезвычайно важной для настоящего исследования, обозначила основные «болевы точки» современной эдиционной практики, связанные с отступлениями от правил издания этого вида документов: отсутствие современной редакции «Правил издания исторических источников», непоследовательность и даже игнорирование публикаторами этих правил, недостаточная редакторская работа в издательствах³⁵. Эти наблюдения, сделанные для публикаций мемуарных и эпистолярных текстов в целом, можно экстраполировать на издания памятников письменного наследия купечества.

Таким образом, исследования и публикации памятников последних нескольких десятилетий позволяют окончательно оспорить утверждение о несамостоятельности и незначительности автобиографического и эпистолярного наследия купечества, а также сформулировать ряд принципиальных проблем, возникающих при его изучении.

Автобиографическое и эпистолярное наследие купечества: перспективы исследования

Несмотря на возросшее число опубликованных в последнее время памятников – купеческих мемуаров, дневников, семейных летописцев, записных книг, писем – общее число обнаруженных и изученных произведений остается небольшим. Можно допустить, что многие из них утрачены, поскольку ни в дореволюционной, ни в советской России современниками, научным и архивным сообществом не осознавалась ценность этих текстов. Уцелевшие памятники рассыпаны по архивохранилищам, существуют в единственных списках в разных собраниях, зачастую оставаясь не атрибутированными и не отраженными в архивных описаниях. Б.Н. Морозов в диссертации о частных архивах XVII в. отметил, что доля сохранившихся архивов предстателей купечества, посада и крестьянства за этот период составляет менее 10 % от общего количества³⁶. На чрезвычайную редкость комплексов купеческих документов допетровского времени указал и В.А. Варенцов, предпринявший публикацию доку-

³⁴ Коновалов Ф.Я., Егорова Ю.С., Коноплев В.А. Эпистолярное наследие... С. 26–27.

³⁵ Матханова Н. П. Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в. // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 16–23.

³⁶ Морозов Б. Н. Частные архивы XVII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

ментов из архива новгородского гостя Семена Гаврилова³⁷. Для XVIII столетия, а отчасти и для более поздних периодов этот вывод также справедлив, хотя не существует ни одного исследования, в котором были бы приведены количественные данные. Опыт архивных разысканий автора настоящей статьи указывает на то, что личные архивы и библиотеки купцов чаще всего сохранились в составе крупных собраний и комплексов документов и разпылены по разным архивохранилищам.

В определенной степени незначительная изученность купеческих автобиографических памятников вызвана не только проблемой их обнаружения и атрибуции, но и жанровой неустойчивостью. Сохранившиеся памятники не являются отдельными литературными произведениями, а зачастую представлены небольшими текстами или разрозненными заметками на полях столбцов, рукописных и печатных книг. Во многих случаях исследователь имеет дело с анонимными произведениями, или содержащими имя автора, но без указания на его сословную принадлежность. Наибольшую сложность для работы представляют записи, включенные в другие документы – внутри приходно-расходных книг, на полях синодиков и святцев, на пустых листах печатных месяцесловов.

Вышесказанные замечания позволяют в общих чертах обозначить перспективы изучения автобиографического и эпистолярного наследия купечества. По возможности необходимо стремиться выявлять не отдельные материалы, а восстанавливать комплексы документов, фрагменты купеческих архивов и библиотек. Только такой подход позволит изучить место автобиографических и эпистолярных памятников во всем письменном наследии купечества. Высказанное Л.А. Тимошиной мнение о принципах работы с купеческими архивами XVII столетия: «публикация архивов в целом позволит максимально широко и полно предоставить входящие в них документы целому ряду исследователей для изучения самых разнообразных тем, связанных как с социально-экономическим развитием страны в XVII в., так и с различными аспектами изучения культурного наследия, менталитета отдельных общественных групп, даст новый материал для лексикографических и диалектологических работ»³⁸, справедливо и для подобных комплексов XVIII–XIX столетий.

Одним из возможных путей дальнейшей работы как с уже введенными в научный оборот, так и с вновь найденными купеческими автобиографическими текстами может стать выделение их типологических моделей. На основе выявленных и описанных моделей, а не на анализе отдельных примеров, должно строиться обобщающее исследование возникновения и эволюции автобиографического жанра в купеческой среде. Причем для понимания особенностей купеческой традиции в контексте автобиографической культуры российского общества Нового времени необходимо сопоставление данных моделей с близкими моделями, характерными для других социальных групп разных периодов.

Сложный характер купеческих памятников показывает, что наиболее перспективными являются комплексные коллективные исследования, включающие историков, литературоведов, лингвистов и выполненные с применением современных технических методик работы с рукописными текстами.

Наконец, давно назрела необходимость переиздания методических рекомендаций по археографической подготовке рукописных памятников к публикации, которые были бы составлены с учетом эдичионной практики последних десятилетий. Дискуссия исследователей купеческих эпистолярных комплексов и наличие различающихся принципов отбора и публикации этих текстов свидетельствует о необходимости даль-

³⁷ *Варенцов В. А.* Новгородский купеческий архив второй половины XVII в. // Новгородский архивный вестник. 2004. № 4. С. 78.

³⁸ Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. М., 2001. Т. 1. С. 4.

нейшего обсуждения данной проблемы. Представляется, что это возможно осуществить в рамках цикла методических семинаров с привлечением к участию в общих заседаниях и обсуждениях представителей разных институтов и научных школ и т. д.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.01.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 22.03.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 09.04.2022

References

- Aksenov, A. I. “Kupecheskiye memuary iz sobraniy OR RGB: (Arkhograficheskiye zametki).” *Rossiyskaya real'nost' kontsa XVI – pervoy poloviny XIX v.: Ekonomika. Obshchestvennyy stroy. Kul'tura*, 290–302. Moscow: IRI RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Barclay, I.E. *Dnevniki tverskikh kuptsov*. Tver, Publishing house of the Tver State Technical University, 2002 (in Russian).
- Belov, N.V. “The chronicler of the Sablins merchants – unknown monument of Ustyug chronicles of the last quarter of the 17th – first half of the 18th centuries.” *Hermeneutics of Old Russian Literature*, vol. 20, 408–422. Moscow: IMLI Publ., 2021 <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-408-42236> (in Russian).
- Elovskaya, N.L. *Pamyatnaya A. Ye. Novoselova: Dnevnik dmitrovskogo kuptsa*. Moscow: Econ-inform Publ., 2013 (in Russian).
- Gracheva, I.V. “Memuarnyye zapiski ryazanskikh kuptsov”. *Ryazanskii krai v kontekste russkoi literatury: Ocherki regional'nogo literaturovedeniia*, 138–151. Ryazan: Publishing house of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin, 2017 (in Russian).
- Khromov, S.F. *Kratkoye zhizneopisaniye velikogo startsa Fedora Koz'micha. Iz vospominaniy kuptsa Semena Feofanovicha Khromova*. Tomsk: Publishing house of TGASU, 2015 (in Russian).
- Kisterev, S.N. “Iz perepiski russkikh kuptsov XVII v.” *Vestnik «Al'yans-Arkeo»*, vol. 23, 11–24. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Archeo, 2018 (in Russian).
- Kobozeva, Z.M. “Dialogichnost' khronotopov: ‘meshchanskiy mirok’ v ‘kupecheskom tsarstve’ provintsial'noy Samary.” *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (73) (2009): 139–146 (in Russian).
- Komleva, Ye. V. “Tema detstva v epistolyarnykh kompleksakh russkikh kuptsov kontsa XVIII – XIX veka.” *Istoricheskii kur'yer*, no. 1 (15) (2021): 37–51. doi:10.31518/2618-9100-2021-1-4 (in Russian).
- Komleva, Ye.V. “«Vedite sebya posolidneye i k delam kommercheskim pouserdneye»: Perepiska moskovskikh kuptsov Kalashnikovykh (1830-ye gg.)” *Bibliografiia. Arkheografiia. Istochnikovedeniye: Sb. statey i materialov*, 153–161. St. Petersburg; Moscow: Staraya Basmannaya Publ., 2019 (in Russian).
- Komleva, Ye.V. “Dva mesiatsa iz zhizni sibirskoi kupchikhi: Fragment iz dnevnika M.N. Kandinskoy za 1859 god”. *Istochniki po istorii Rossii: Problemy obshchestvennoy mysli i kul'tury: Sb. nauchnykh trudov*, 275–289. Novosibirsk, Apostrophe, 2019 (in Russian).
- Komleva, Ye.V. “Kyakhtinskaya trgovlya 1830-kh gg. v pis'makh moskovskikh kuptsov Kalashnikovykh.” *Kyakhta – natsional'noye dostoyaniye Rossii: Materialy mezhdunarod. nauch.-praktich. konf.*, 115–119. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2018 (in Russian).
- Komleva, Ye.V. *Iz naslediya krasnoyarskikh kuptsov Larionovykh*, vol. 1, Letters of the late 18th – first third of the 19th century. Novosibirsk: Akademizdat Publ., 2016 (in Russian).
- Konovalov, F. “Rec. ad op.: E.V. Komleva. Iz naslediya krasnoyarskikh kuptsov Larionovykh. Vol. 1. Pis'ma kontsa XVIII – pervoi treti XIX v. Novosibirsk, 2016.” *Rossiyskaya istoriya*, no. 5 (2019): 216–221. doi: 10.31857/S086956870006391-1 (in Russian).
- Konovalov, F.Ya., Yegorova, Yu.S., and Konoplev, V.A. *Epistoliarnoe nasledie ustyugskoi kupecheskoi sem'i Buldakovykh kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX veka: teksty i issledovaniia*. Vologda: Antiquities of the North Publ., 2018 (in Russian).
- Koshenova, N.Yu. *Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya o sibirskom kupechestve vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: PhD Thesis*. Barnaul, 2005 (in Russian).
- Krest'yaninova, Ye.I., and Nikitina, G.A. *Grazhdane Rostova: istoriya rostovskogo kupechestva XVII – nachala XX veka: Genealogiya i sud'by kupecheskikh rodov. Memuary, dnevniki, pis'ma*. Rostov: GMZRK Publ., 2009 (in Russian).
- Kusova, I.G. “‘Zapiska’ kuptsa Antonova i mir ryazanskogo kupechestva serediny XIX veka.” *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya v teorii i praktike nauchnykh issledovaniy*, 104–113. Tver: Publishing house of Tver State University, 2014 (in Russian).

- Lebedenko, Ye.Yu. "Po stranitsam semeynoy perepiski Ural'skogo kupechestva: detskiye pis'ma permskikh Nassonovykh v nachale XX veka." *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya* 31, no. 4 (2015): 64–71 (in Russian).
- Matkhanova, N.P. "Aktual'nye problemy nauchnoi publikatsii memuarykh istochnikov XIX v." *Otechestvennyye arkhivy*, no. 1 (2012): 16–23 (in Russian).
- Matkhanova, N.P. "Vlast' i chinovniki v memuarakh sibirskogo kupechestva XIX v." *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2 (2016): 58–75 (in Russian).
- Matkhanova, N.P. *Sibirskaiia memuaristika XIX v.* Novosibirsk: Publishing house of SB RAS Publ., 2010 (in Russian).
- Mayorova, A.S. "Dnevnik kuptsa D.M. Vakurova v Gosarkhive Saratovskoy oblasti." *Otechestvennyye arkhivy*, no. 6 (2015): 64–70 (in Russian).
- Morozov, B.N. *Chastnye arkhivy XVII veka: PhD Thesis.* Moscow, 1984 (in Russian).
- Novokhatko, O.V. *Rossiia. Chastnaia perepiska XVII veka.* Moscow: Monuments of historical thought Publ., 2018 (in Russian).
- Pavlenko, N.I., Kopanev, A.I., and Bodisko, V.Kh. *Zhurnal ili zapiska zhizni i priklyucheniy Ivana Alekseevicha Tolchenova.* Moscow: Institute of History of the USSR Publ., 1974 (in Russian).
- Ransel, D. "The Diary of a Merchant: Insights into Eighteenth-Century Plebeian Life." *The Russian Review*, vol. 63 (2004): 594–608 (in Russian).
- Semenova, A.V., Aksenov, A.I., and Sereda, N.V. *Kupecheskiye dnevniki i memuary kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Sereda, N.V. "Dnevnik kuptsov Blinovykh i ego avtory." *Ocherki feodal'noy Rossii*, vol. 7, 256–277. Moscow: URSS Publ., 2003 (in Russian).
- Sereda, N.V. "Individ v tverskikh kupecheskikh dnevnikh XVIII – pervoi poloviny XIX veka." *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v teorii i praktike nauchnykh issledovaniia*, 206–214. Tver: Publishing house of Tver State University, 2014 (in Russian).
- Sereda, N.V. "Prostranstvo i vremia v dnevnike kuptsov Blinovykh." *Problemy istochnikovedeniia*, vol. 1 (12), 400–412. Moscow: Nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Shulepova, E.A. "Kul'tura kupecheskoy sredy: Stranitsy zhizni I.A. Tolchenova." *Rossiyskaia provintsia: sreda, kul'tura, sotsium. (Ocherki istorii goroda Dmitrova, konets XVIII – XX vek)*, 363–388. Moscow: Russian Institute of Culturology Publ., 2006 (in Russian).
- Stefanovich, P.S. "Lichnost' pskovskogo gorozhanina po ego pis'mam k angliiskomu kuptsu (1686–1687 gg.)." *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. 2 (2006): 157–174 (in Russian).
- Stefanovich, P.S., and Morozov, B.N. *Roman Vilimovich v gostyakh u Petra Ignat'yevicha: Pskovskiy arkhiv angliiskoy kuptsa 1680-kh godov.* Moscow: Indrik Publ., 2009 (in Russian).
- Sudovikov, M.S. "Memuary vyatskikh kuptsov XIX – nachala XX v." *Voprosy istorii*, no. 2 (2007): 147–151 (in Russian).
- Timoshina, L.A. *Arkhiv gostey Pankrat'yevykh XVII – nachala XVIII v.*, vol. 1. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001 (in Russian).
- Ulyanova, G.N. "Avtobiograficheskiye teksty kupechestva: Religioznoye soznaniye i religioznoye povedeniye. 1770-ye – 1860-ye gody." *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslaviye v Rossii kontsa XVII – nachala XX veka*, 161–205. Moscow: NLO Publ., 2019 (in Russian).
- Ulyanova, G.N. "Chastnaya zhizn' kupecheskoy sem'i v XIX veke po avtobiograficheskim istochnikam: rozhdeniye, vospitaniye, vstupleniye v brak, semeynnye otnosheniya." *Mnogogrannyi talant istorika: Pamyati doktora nauk professora Avenir Pavlovicha Korelina*, 276–312. Moscow: IRI RAN, 2019 (in Russian).
- Varentsov, V.A. "Novgorodskii kupecheskii arkhiv vtoroi poloviny XVII v." *Novgorodskii arkhivnyy vestnik*, no. 4 (2004): 78–208 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Мария Александровна Смирнова, канд. истор. наук, научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки; 191069, Россия, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 18; младший научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН; 197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; smirmmar@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9756-2699>

Mariia A. Smirnova, PhD in History, Researcher, Department of Manuscripts, National Library of Russia; 18, Sadovaya St., St. Petersburg, 191069, Russia; Junior Researcher, Department of Modern Russian History, St. Petersburg Institute of History RAS; 7, Petrozavodskaya St., St. Petersburg, 197110, Russia; smirmmar@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9756-2699>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-244-250>

Научная статья / Research article

Междисциплинарность в структуре современной методологии истории

Людмила Константиновна Рябова ^a✉, Евгений Вадимович Петров ^a,
Анатолий Аркадьевич Рябов ^b

^a Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

^b Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

✉ l.ryabova@spbu.ru

Аннотация: Интеграция гуманитарных исследований значительно расширила круг сопредельных дисциплин, вовлеченных в процесс исторического познания. В статье рассматриваются эпистемологические аспекты междисциплинарности как основного принципа современной методологии истории. Развитие межпредметных связей в исторических исследованиях привело к концептуальному переосмыслению научно-справочного аппарата и, как следствие, к появлению новых дефиниций, заимствованных из смежных дисциплин. Современный понятийный аппарат не в последнюю очередь вызван появлением новых объектов исследования, которых не было в «классической» исторической науке, событийной истории. Некоторые из них (гендер, историческая память, тоталитаризм, детство, окружающая среда и др.) вполне упрочились в своем статусе «исторических» и междисциплинарных. Вместе с тем появились новые объекты изучения «несобытийной» истории (история эмоций, насилия и т. д.), которые требуют обращения к эволюционной психологии, исторической социологии, антропологии и другим областям гуманитарного знания.

Ключевые слова: междисциплинарность, методология истории, социальная история, интерпретативная история

Для цитирования: Рябова Л.К., Петров Е.В., Рябов А.А. Междисциплинарность в структуре современной методологии истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 244–250. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-244-250>

Interdisciplinarity in the structure of modern methodology of history

Liudmila K. Ryabova ^a✉, Eugene V. Petrov ^a, Anatoly A. Ryabov ^b

^a Institute of History of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

^b St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

✉ l.ryabova@spbu.ru

Abstract: The integration of humanitarian research has greatly expanded the range of related disciplines involved in the process of historical cognition. The article examines the epistemological aspects of interdisciplinarity as the main principle of the development of modern history methodology. The consequence of strengthening inter-subject relationships in historical studies was the complexity of vocabulary, the emergence of new concepts borrowed from related disciplines. The modern conceptual system is caused by the appearance of new objects of study, which were not in the “classical”

historical science, so called “event history.” Some of them (gender, historical memory, totalitarianism, childhood, the environment, etc.) are established in their status of “historical” and interdisciplinary. At the same time, there appeared new objects of “non-event” history studies (history of emotions, violence, etc.) which require an appeal to evolutionary psychology, historical sociology, anthropology and other areas of humanitarian knowledge.

Keywords: interdisciplinarity, methodology of history, social history, non-event history, interpretive history

For citation: Ryabova, Liudmila K., Petrov, Eugene V., and Ryabov, Anatoly A. “Interdisciplinarity in the Structure of Modern Methodology of History.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 244–250. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-244-250>

Введение

Вопросы научных коллабораций историков и специалистов различных областей гуманитарного знания в рамках методологии истории в последнее время стали предметом обсуждения, как в западной, так и в российской историографии. Достаточно обратиться к материалам издаваемых РГГУ с 2012 г. сборников «Стены и мосты»: междисциплинарные исследования в истории, публикациям «Journal of Interdisciplinary History» и другим изданиям, чтобы понять, насколько актуальна стала междисциплинарность исследований и одновременно сложна в методологическом отношении. Однако если частные вопросы интеграции наук и синергии культур уже нашли отражение в многочисленных публикациях, то в области методологии истории междисциплинарные аспекты исследованы недостаточно, хотя историки и обращаются к этому вопросу¹.

Направления в развитии междисциплинарных исследований

Проследивая динамику междисциплинарных исследований, аналитики отмечают, что с 1980-х гг. историки стали больше интересоваться исследованиями в рамках «культурного поворота», чем традиционной социальной историей – от экономической и политической до дипломатической истории, перейдя от позитивистского к интерпретативному стилю мышления. Взаимодействие историков с социальными науками, которое было «многообещающим и многомерным» в 1970-е гг., вскоре стало заметно слабее. Однако в последние годы как историки, так и социологи вновь обращаются к «прерванным проектам», активизируя междисциплинарный диалог и совершенствуя методы исторического объяснения².

Вместе с тем сами социальные науки становятся все в большей степени привязанными к историческим темам. Так, ведущие экономисты США демонстрируют сегодня более глубокое понимание исторических процессов, затрагивая такие новые темы, как экономический эффект институтов, влияние культуры и религии на рынки, а также традиционные темы – факторы производства и организации рынков в разные исторические эпохи. Другой пример – политологи и социологи исследуют происхождение и развитие современного государства всеобщего благосостояния,

¹ Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 160–179; Поршнев О.С. Междисциплинарная парадигма исследований кросскультурных коммуникаций в сервисе // *Культурологические чтения – 2018. Межкультурный плюрализм в поликультурном и полиязычном мире. Материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2018. С. 246–253; Рябова Л.К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности // *Новейшая история России*. 2011. Т. 1. № 1. С. 8–18; Соколов А.С., Степанов Н.А. Междисциплинарность исторических исследований как условие поиска цивилизационной идентичности России // *Вопросы социальной теории*. 2020. Т. 12. С. 276–284; Филатова А.А. Методология междисциплинарности в современной науке: некоторые проблемы и перспективы развития // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2014. № 4. С. 11–15 и др.*

² de Vries J. Changing the Narrative: The New History That Was and Is to Come // *Journal of Interdisciplinary History*. 2018. Vol. 48. № 3. P. 313–334.

создав совместно с историками его целостную картину и единую историографию. Тем не менее, значительное число исследований экономистов показывает отсутствие серьезного исторического контекста, а ряд исследований в области политологии дает весьма спорные трактовки «исторических переменных»³. Как следствие, междисциплинарный подход привел к необходимости постановки вопроса о результатах конечного знания (степени точности, коррекции ранее признанного как точного) и, соответственно, о границах междисциплинарности. В этой ситуации специалисты отмечают вновь возросшее значение количественных методов исследования. В юбилейной статье, посвященной 50-летию «*Journal of Interdisciplinary History*» (JIH), авторы проследили своеобразную флуктуацию интереса историков к этому направлению, отметив, что использование количественных методов возросло в 1960-х гг. и резко сократилось после середины 1980-х годов. В последние же годы наблюдается возрождение количественных оценок (в частности, в американской историографии), что заметно по публикациям как в JIH, так и в ведущих исторических журналах, особенно среди историков, работающих в научных центрах за пределами США⁴. В связи с этим историки отмечают возросшую роль в междисциплинарных связях исторической демографии.

В междисциплинарных исследованиях особое место занимает историческая информатика. В центре внимания стоят проблемы влияния цифрового поворота на исторические исследования и образование, новые термины и дефиниции в этой области, соотношение исторической информатики с такими областями, как цифровая гуманитаристика и «цифровая история», роль и значение аналитической компоненты в развитии научных исследований историков, применяющих новые методы и технологии, статус «цифровых источников» и необходимость формирования связанной с ними новой отрасли источниковедения («цифровое источниковедение») ⁵. При этом специалисты с осторожностью говорят о перспективах сведения цифровой гуманитаристики к «цифровой истории», что наблюдается сейчас в западной науке. Вместе с тем и в российской гуманитарной сфере цифровая гуманитаристика (*Digital Humanities*) рассматривается как одно из наиболее быстро и динамично развивающихся междисциплинарных направлений, базирующихся на информационной методологии и новой междисциплинарности. Более того, в условиях поиска общенаучной методологии, которая позволила бы не просто объединить инструментарий отдельных наук, но и выработать некие общие основания для гуманитарных и естественнонаучных исследований, предлагается теория информации, где развитие социума и индивида рассматривается как результат информационных взаимодействий⁶.

В последнее время вышло много новых статей, книг и учебных пособий, посвященных «квантовому переходу» в социальных науках (*Quantum Social Science*) как самостоятельному направлению междисциплинарных исследований. В них активно обсуждаются вопросы применения методов квантовой теории для описания социальных процессов, развития теории международных отношений и анализа эко-

³ Klein H.S. The “Historical Turn” in the Social Sciences // *Journal of Interdisciplinary History*. 2018. Vol. 48. Issue 3. P. 295–312.

⁴ Ruggles St., Magnuson D.L. The History of Quantification in History: The JIH as a Case Study // *Journal of Interdisciplinary History*. 2020. Vol. 50. № 3. P. 363–381.

⁵ Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. Исторические исследования в условиях «цифрового поворота»: новые вызовы, новые ответы // *Историческая информатика*. 2019. № 3. С. 1–5. См. также: Бородкин Л.И., Владимиров В.Н. Журнал «Историческая информатика» как зеркало развития междисциплинарного научного направления // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. 2020. № 48. С. 6–12.

⁶ Можяева Г.В. *Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках* // *Гуманитарная информатика*. 2015. Вып. 9. С. 10, 22. См. также и другие работы этого автора.

номического развития общества. Сторонниками данного подхода утверждается, что квантовая теория, приведшая физику на порог «Второй квантовой революции», становится все более универсальным междисциплинарным аппаратом, позволяющим объяснять ранее не разрешаемые парадоксы социальной жизни. В трудах А. Вендта, Э. Хейвана, А. Хренникова, Т. Робинсона, М. Мёрфи, А. Кабелло, Л.Е. Дэниэлсона, А. Лопез-Торида, Дж. Портилло активно обсуждаются возможности использования квантового подхода в качестве междисциплинарного метода, способного описывать системы многих объектов со сложным внутренним взаимодействием⁷.

В результате методологических инноваций и «поворотов» к середине второго десятилетия XXI в. возник, как отмечают историки, определенный набор «субдисциплин-аутсайдеров», преимущественно в американской исторической науке, что, впрочем, может быть отнесено и к российскому опыту. Однако в последнее время наблюдается возвращение к «хорошо забытому старому», «возрождение традиционных исторических специализаций на новом витке методологической спирали». Наиболее характерно в этом отношении внимание к нарративной, политической и дипломатической истории. Новыми трендами стало обращение к различного рода «трансграничным» исследованиям: изучение зон соприкосновения этносов, государств, локальных культур, а также развитие «пространственной истории» – визуальной репрезентации пространственных взаимосвязей между частями исследуемого региона с помощью цифровых технологий⁸.

Другой особенностью современного междисциплинарного подхода в исторических исследованиях стало усложнение лексики, наполнение тезауруса новыми понятиями, заимствованными из смежных дисциплин. Современный понятийный аппарат не в последнюю очередь вызван появлением новых объектов исследования, которых не было в «классической» исторической науке, событийной истории. Некоторые из них (гендер, историческая память, тоталитаризм, детство, окружающая среда и др.) вполне упрочились в своем статусе «исторических» и междисциплинарных.

В ряду же сравнительно новых явлений междисциплинарных подходов (новых объектов исследования) нужно отметить, прежде всего, работы по истории эмоций, число которых растет как за рубежом, так и в России. В конце 1970-х годов внимание к этой проблеме было вызвано появлением книги американского психолога К. Изарда «Эмоции человека» (1978), которая стала базовой для специалистов в области психологии личности, социальной, когнитивной, клинической психологии. За последние двадцать лет «эмоциональный поворот» в изучении истории набирал силу, опираясь на другие дисциплины. Не только психологи, но и социологи, и историки стали «измерять» значение и универсальность эмоций как движущей силы истории, а само это направление стало фундаментально междисциплинарным⁹. В последнее десятилетие наука об эмоциях существенно эволюционировала, в том числе произошла ее историзация. Историки пишут об «эмоциональном повороте» в исторической науке, «взрывном интересе» к истории эмоций¹⁰, особенно после выхода в свет в 2012 г. книги Яна Плампера «История эмоций» (русский пе-

⁷ Петров П.Е., Лантев А.Ю. «Quantum Social Science»: к вопросу о методах квантовой теории в гуманитарных науках // Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021». М., 2021. С. 1–2.

⁸ Цветков И.А., Кубышкин А.И. Современное состояние исторической науки в США: о чем спорят американские историки? // Американский ежегодник. 2017. М., 2018. С. 214–231.

⁹ Lewis J. Emotional Rescue: The Emotional Turn in the Study of History // Journal of Interdisciplinary History. 2020. Vol. 51. № 1. P. 121–129.

¹⁰ Frevert U. Historicizing Emotions // Emotion Researcher. URL: <http://emotionresearcher.com/historicizing-emotions/> (дата обращения: 14.09.2020).

ревод 2018 г.)¹¹. Уже в этом же году в специальном выпуске журнала *Rethinking History*, посвященном «эмоциональному повороту» и озаглавленном как *Эмоциональные типы – концепции и проблемы* была предпринята попытка расширить понимание «диахронической изменчивости и синхронного разнообразия эмоциональных практик», обращение к которым может порождать новые нарративы в истории и социологии, а также был затронут и вопрос об эмоциональных стилях в историографической практике, то есть уже об «эмоциях историка»¹².

В многочисленных публикациях, в том числе и рецензиях на труд Я. Плампера, исследователи подчеркивают, что в философии, истории, антропологии, социологии, психологии и других науках, затрагивающих эмоции, междисциплинарность сейчас неизбежна и необходима, особенно акцентируется значение интеграция истории и социологии, когда в центре внимания оказывается внутренний мир человека¹³. Другой пример «прикладного» исследования эмоций – исследование исторической психологии государственного управления. С точки зрения истории эмоций изучается служебная повседневность советской элиты¹⁴.

При этом история эмоций продолжает оставаться преимущественно европейским и североамериканским трендом, а роль «авангарда» в истории эмоций играет медиевистика, хотя и античность, и Новое время и, конечно, XX в. также стали областями постановки и решения различных задач эмоцио-исторического плана, а исследователей особенно привлекает историзированный вариант истории чувств и ощущений. Между тем, невзирая на очевидные успехи в разработке отдельных конкретно исторических тем, различные теоретико-методологические вопросы истории эмоций остаются актуальными. В работах этого направления исследователи отмечают, что историческое изучение эмоций должно строиться не на способах «говорения об эмоциях» (*speaking emotion*), а на рассмотрении исторически проявленных «случаев эмоций», которые опознаются таковыми и фактически выполняют функции, схожие с суждениями¹⁵.

Другие явления «несобытийной» истории также становятся объектом междисциплинарных исследований. Так, историки обсуждают одну из ключевых тем в современной историографии – тему насилия. В отечественной историографии насилие отображено во множественных его проявлениях – от революционного и военного до гендерного, хотя междисциплинарные подходы не стали здесь очевидными. Зарубежные историки также подчеркивают необходимость взаимодействия истории с эволюционной психологией, исторической социологией и антропологией при изучении различных проявлений насилия. Этому вопросу в конце 2017 г. был посвящен специальный тематический выпуск журнала «*History and Theory – Theorizing Histories of Violence*». Авторы выпуска отметили, что, несмотря на то что за последние несколько десятилетий насилие превратилось в одну из ведущих интерпретационных концепций в исторической науке, отсутствует четкая методология того, как изучать историю насилия, требуется критическое его рассмотрение как области исторического исследования. Были подвергнуты сомнению некоторые подходы и методы, принятые до сих пор, обозначены трудности, связанные с его

¹¹ *Plamper J.* The History of Emotions. Oxford University Press, 2015.

¹² *Gammerl B.* Emotional styles – concepts and challenges // *Rethinking History*. 2012. Vol. 16. Issue 2. P. 161–175.

¹³ *Симонова О.А.* Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота». К выходу русского перевода книги Яна Плампера «История эмоций» // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17. № 3. С. 356–378.

¹⁴ *Амосова А.А.* Советская элита Ленинграда 1950–1956 годов: эмоциональные аспекты служебной повседневности // *Новейшая история России*, 2020. Т. 10. № 3. С. 667–684.

¹⁵ *Симонова О.А.* Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции... С. 365.

определением, а также обсуждены некоторые тенденции изучения¹⁶. В частности, отмечена увеличивающаяся дистанция между реальной исторической практикой и так называемой «комфортной историей», написанной для широкой читательской аудитории неисториками, главным образом. Причины этого разрыва усматриваются в отсутствии взаимодействия истории с другими дисциплинами: психологией, исторической социологией, антропологией и эволюционной психологией¹⁷.

Выводы

Приведенные здесь примеры из различных областей междисциплинарных исследований далеко не исчерпывают их круг. Так, в традиции источниковедения и методологии истории накоплен значительный опыт изучения художественного текста как предмета полидисциплинарного анализа, при котором историки предпринимают культурно-антропологическое, социально-психологическое, лингвистическое измерение прошлого («новый историзм»), соизмеряя «правду» в истории и литературе¹⁸. Как новому междисциплинарному направлению уделяется внимание семиотике (когнитивной, социальной и др.), исторической лингвистике («лингвистический поворот») и другим сопредельным с историей отраслям гуманитарного знания.

Несмотря на то, что научное сообщество ставит вопрос о «пределах и границах» междисциплинарности, особенно в условиях различного рода «поворотов» в исторической науке, она тем не менее остается принятой ныне методологией исследования, привнося в историческую науку новые объекты изучения, а также способы и формы репрезентации знания о прошлом. Вместе с тем нельзя не согласиться и с мнением о том, что «междисциплинарность сегодня – это прежде всего особый интеллектуальный климат, предполагающий рефлекссию и широкие научные интересы, выходящие за рамки непосредственной специализации»¹⁹.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.01.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.02.2022

References

- Amosova, A.A. "Sovetskaia elita Leningrada 1950–1956 godov: emotsional'nye aspekty sluzhebnoi povsednevnosti." *Noveyshaia istoriya Rossii*, no. 3 (2020): 667–684 (in Russian).
- Ankersmit, Fr. "Truth in Literature and History." *Narrative*, no.1 (2010): 29–50.
- Borodkin, L.I. and Vladimirov V.N. "Istoricheskie issledovaniia v usloviakh 'tsifrovogo povorota': novye vyzovy, novye otvety." *Istoricheskaia informatika*, no. 3 (2019): 1–5 (in Russian).
- Dwyer, Ph. "Violence and Its Histories: Meanings, Methods, Problems." *History and Theory*, no. 4 (2017): 7–22.
- Filatova, A.A. "Metodologiya mezhdistsiplinarnosti v sovremennoi nauke: nekotorye problemy i perspektivy razvitiia." *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, no. 4 (2014): 11–15 (in Russian).
- Frevert, U. "Historicizing Emotions." *Emotion Researcher*, September 14, 2020, <http://emotionresearcher.com/historicizing-emotions/>
- Gammerl, B. "Emotional styles – concepts and challenges." *Rethinking History*, no. 2 (2012): 161–175.
- Klein, H.S. "The 'Historical Turn' in the Social Sciences." *Journal of Interdisciplinary History*, no. 3 (2018): 295–312.

¹⁶ Dwyer Ph. Violence and Its Histories: Meanings, Methods, Problems // *History and Theory*. 2017. Vol. 56. № 4. P. 7–22.

¹⁷ Stuart C. Thinking with Violence // *History and Theory*. 2017. № 4. P. 23–43.

¹⁸ Ankersmit Fr. Truth in Literature and History // *Narrative*. 2010. Vol. 18. № 1. P. 29–50.

¹⁹ Кром М.М. Междисциплинарность и возникновение новых направлений в исторической науке (на примере исторической антропологии) // Гефтер. URL: <http://gefter.ru/archive/11627> (дата обращения: 08.04.2021).

- Krom, M.M. “Mezhdistsiplinarnost' i vozniknovenie novykh napravlenii v istoricheskoi nauke (na primere istoricheskoi antropologii).” *Gefter*, April 8, 2021, <http://gefter.ru/archive/11627> (in Russian).
- Lewis, J. “Emotional Rescue: The Emotional Turn in the Study of History.” *Journal of Interdisciplinary History*, no. 1 (2020): 121–129.
- Mazur, L. N. “Vizualizatsiia istorii: novyi povorot v razvitiu istoricheskogo poznaniya.” *Quaestio Rossica*, no. 3 (2015): 160–179 (in Russian).
- Mozhayeva, G.V. “Digital Humanities: tsifrovoy povorot v gumanitarnykh naukakh.” *Gumanitarnaia informatika*, no. 9 (2015): 8–23 (in Russian).
- Petrov, P.Ye., and Laptev, A.Yu. “‘Quantum Social Science’: k voprosu o metodakh kvantovoy teorii v gumanitarnykh naukakh.” *Materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma ‘LOMONOSOV-2021’*. Moscow: MAKS Press, MGU, 2021 (in Russian).
- Plamper, J. *The History of Emotions*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Porshneva, O.S. “Mezhdistsiplinarnaya paradigma issledovaniy krosskul'turnykh komunikatsiy v servise.” In *Kul'turologicheskiye chteniya – 2018. Mezhkul'turnyy plyuralizm v polikul'turnom i poliyazychnom mire. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 246–253. Yekaterinburg: UrFU Publ., 2018 (in Russian).
- Ruggles, St., and Magnuson, D.L. “The History of Quantification in History: The JIH as a Case Study.” *Journal of Interdisciplinary History*, no. 3 (2020): 363–381.
- Ryabova, L.K. “O metodologicheskikh problemakh izucheniya noveyshey istorii i istorii sovremennosti.” *Modern History of Russia*, no. 1 (2011): 8–18 (in Russian).
- Simonova, O.A. “Izuchenie emotsii kak oblast' mezhdistsiplinarnoi integratsii: istoriia i sotsiologiya v poiskakh ob"iasneniia ‘emotsional'nogo povorota’. K vykhodu russkogo perevoda knigi Yana Plampera «Istoriia emotsii».” *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no. 3 (2018): 356–378 (in Russian).
- Sokolov, A.S. and Stepanov, N.A. “Mezhdistsiplinarnost' istoricheskikh issledovaniy kak uslovie poiska tsivilizatsionnoi identichnosti Rossii.” *Voprosy sotsial'noi teorii*, no. 12 (2020): 276–284 (in Russian).
- Stuart, C. “Thinking with Violence.” *History and Theory*, no. 4 (2017): 23–43.
- Tsvetkov, I.A., and Kubyshev, A.I. “Sovremennoye sostoyaniye istoricheskoy nauki v SSHA: o chem sporyat amerikanskiye istoriki?” *Amerikanskiy yezhegodnik*, vol. 2017 (2018): 214–231 (in Russian).
- Vries, J. de “Changing the Narrative: The New History That Was and Is to Come.” *Journal of Interdisciplinary History*, no. 3 (2018): 313–334.

Информация об авторах / Information about the authors

Людмила Константиновна Рябова, канд. ист. наук, доцент, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; l.ryabova@spbu.ru

Liudmila K. Ryabova, Ph.D. in History, Associate Professor, Institute of History of St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya naberegnaiia, St. Petersburg, 199034, Russia; l.ryabova@spbu.ru

Евгений Вадимович Петров, д-р. ист. наук, профессор, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; pyotroff@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0510-5536>

Eugene V. Petrov, Dr. habil. hist., Professor, Institute of History of St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya naberegnaiia, St. Petersburg, 199034, Russia; pyotroff@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0510-5536>

Анатолий Аркадьевич Рябов, канд. филос. наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный экономический университет; Россия, 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32; ranspb@yandex.ru

Anatoly A. Ryabov, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics; 30–32, Naberegnaiia Kanala Griboyedova, St. Petersburg, 191023, Russia; ranspb@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257>

Научная статья / Research article

Личные архивы и их трансформация в эпоху цифровизации

Ирина Вячеславовна Сабенникова

Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела, Москва, Россия

✉ sabennikova@mail.ru

Аннотация: Происходящие в настоящее время социальные перемены, такие как цифровая революция, отражаются на работе архивов, во многом меняя природу основных направлений их деятельности. Личные архивы, создающиеся людьми в процессе их жизнедеятельности, также подвергаются существенной трансформации путем замены, характерных для них прежде, аналоговых документов цифровыми и связанных с этим процессом неконтролируемого накопления информации, отсутствием необходимой классификации и методов управления электронными документами. Складывающаяся ситуация с личными архивами требует упорядочивания процессов накопления, отбора, копирования и хранения личностной информации. В связи с этим фондообразователи нуждаются в приобретении определенных знаний и навыков по данному направлению. Перед архивистами стоит задача предложить потенциальным фондообразователям эффективные и простые методы управления электронными документами внутри личных и семейных архивов. Архивные структуры в ряде стран публикуют на своих сайтах доступные для понимания рекомендации с целью дать пользователям представление о методах управления архивами личного происхождения, существующими в цифровом формате, как на стадии их создания, так и при передаче в архив. В статье также рассматриваются виды электронных цифровых документов, которыми могут комплектоваться личные фонды, и проблемы, которые, в связи с этим, возникают.

Ключевые слова: архив, личный фонд, документ, электронный документ, виды документов, цифровизация

Для цитирования: Сабенникова И.В. Личные архивы и их трансформация в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 251–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257>

Personal Archives and Their Transformation in Digital Era

Irina V. Sabennikova

All-Russian Records Management and Archival Science Research Institute,
Moscow, Russia

✉ sabennikova@mail.ru

Abstract: The social changes that are taking place, such as the digital revolution, affect the work of the archives, largely transforming the nature of their main activities. Personal archives that people create in the process of life are also undergoing significant transformation by replacing analog documents with digital ones and uncontrolled material accumulation, lack of classification and methods of managing electronic documents related to this process. The current situation with personal archives requires arrangement of the processes of accumulation, selection, copying and storage of personal information. In this regard, fund creators need to acquire certain knowledge and skills in this area. The task of archivists is to offer potential fund creators effective and simple methods of managing electronic documents within personal and family archives. Archives in a number of countries publish understandable recom-

mendations on their websites in order to give people an idea of the methods of managing personal archives that exist in a digital format, both at the stage of their creation and when they are archived. The article also examines the types of electronic digital documents that can be used to complete personal funds and the problems that arise in this regard.

Keywords: archive, personal fund, document, electronic document, types of documents, digitalization

For citation: Sabennikova, I.V. “Personal Archives and Their Transformation in Digital Era.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 251–257. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-251-257>

Введение

В научном сообществе все чаще обсуждается вопрос – сохранятся ли в мире, где электронные документы (ЭД) становятся основным средством передачи и накопления знаний, архивы в их прежнем, традиционном понимании. Задачей традиционного архива было сохранение материального носителя, на котором был записан документ – папирус, пергамент, бумага, береста, глиняные таблички и т. д. В настоящий момент происходит разрушение устоявшейся парадигмы – ЭД, который все больше вытесняет традиционные аналоговые документы не только из сферы делопроизводства, но из жизни обычных граждан, теряет свою материальную визуализацию. Материальный носитель не исчезает как таковой, но он сводится к цифровому коду, с помощью которого записана информация ЭД. В связи с этим несколько меняется и задача архивов. Традиционно архивы сохраняли историческую память предшествующих поколений, путем сохранения исторических источников – документов, зафиксированных на материальных носителях. Теперь на первое место выходят аспекты информационного содержания, а сохранность ЭД напрямую оказывается связанной с коммуникациями. Тревога за сохранность архивов существует не только на уровне архивной практики, но и на уровне юридических норм, которые не успевают за темпами цифровизации. Подтверждением повышенного внимания к этому вопросу стала программа ЮНЕСКО «Память всемирного наследия» (World Memory Heritage), поддерживающая такие проекты как «Архивы в опасности»¹. В рамках этого проекта совместно с Французским национальным институтом аудиовизуальных материалов (INA) ЮНЕСКО проводило оцифровку своего аудиовизуального наследия.

Момент, когда ЭД как по способу создания, так и по форме хранения начали доминировать над традиционными относится к началу XXI в. Согласно статистике в 1986 г. 1 % документов был создан в цифровом формате, в 1993 г. – 3 %, в 2000 г. – 25 %, в 2007 г. уже 94 %². С 2010-х гг. в Интернете быстро развиваются социальные сети, которые в настоящее время активно используют специалисты разных отраслей знания. Информация, накапливаемая в соцсетях, имеет очень ограниченный срок хранения, что привлекло к ним структуры, занимающиеся хранением документов. В 2010 г. Библиотека Конгресса заключила соглашение с Twitter о сохранении сообщений пользователей. В то же время аналогичные соглашения с целью сохранения контента года по профилю аудиовизуальных материалов, профессионально создаваемых во Франции, заключил и Национальный аудиовизуальный институт Франции (INA) с видеоплатформами YouTube и Dailymotion, с 2013 г. – с сетевыми радиоканалами, с 2014 г. – с Twitter. Аналогичная практика проводится в Швеции,

¹ Report on the Implementation of the International Decade for the Rapprochement of Cultures (2013–2022).197 EX/9. Paris, 8 August 2017. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0025/002528/252833e.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

² *Allegrezza S.* The Impact of Digital Transformation on Private Archives: What Future for Personal Archives? // *Atlanti*. Vol. 28 (2018). № 3. P. 79–90.

Австралии и некоторых других странах. Соцсети, таким образом, становятся новым источником комплектования архивов ЭД, в том числе и личных фондов.

В то время, как комплектование архивов фондами учреждений или организаций в силу их экономической значимости, существующему законодательству, исследовательскому спросу на документы, находятся в центре внимания архивистов, прием на хранение ЭД в составе личных фондов пока остается за кадром, хотя именно фонды личного происхождения подвергаются повышенному риску утраты. Это стало причиной рассмотрения в данной статье трансформации источников комплектования личных архивов в период замены аналоговых документов электронными и ряда вопросов с этим связанных.

Виды личных документов и форма их подачи в условиях цифровизации

При подготовке методических рекомендаций по личным фондам мы столкнулись с тем, что архивы понимают неизбежность комплектования личных фондов ЭД. В цифровой формат уже перешли традиционные для личных фондов виды документов – письма, открытки, дневники. Они заменены электронными письмами, сообщениями WhatsApp, электронными вариантами телефонных книг и календарей. В цифровом формате ведутся записи и лекции. Аналоговые фотографии вытеснены цифровыми фотографиями и видеофильмам. Исчезли как таковые печатные географические карты. Цифровизирована школьная и медицинская документация. Личные сайты, блоги, в том числе и в соцсетях, сетевые издания тоже могут быть рассмотрены как источники комплектования личных фондов. Личные документы, как правило, хранятся на электронных носителях – жестких дисках, флэш-картах, CDRom-ах, или на онлайн-сервисах, с защищенным доступом через авторизацию пользователя.

Виды личных документов с переходом на цифровой формат записи остаются прежними, меняется форма их подачи. Значительная часть документов создается фондообразователем на личном компьютере и представляет собой текстовые документы, которые могут быть распечатаны на бумаге или экспортированы на другие носители и таким образом быть приняты в архив в традиционном виде. Сложности могут возникнуть с электронными письмами, которые часто имеют вложения в виде файлов, ссылок на Яндекс диск, графики и мультимедийных вставок, что не позволит ограничиться только их распечаткой, а потребует полной загрузки навески и ее хранения. Архиву неизбежно придется заниматься экспертизой вложений в электронные письма и их описанием, особенно если этого не сделал сам фондосдатчик. Описания будут необходимы и для вложений, отклоненных архивом.

Некоторые исследователи считают, что персональные веб-сайты, блоги, профили на Facebook, аккаунты в Twitter, Instagram и др. представляют собой новые виды документов³. На наш взгляд, нет оснований говорить о новых видах документов лишь потому, что изменилась среда бытования документа. По сути это все те же продолжающиеся публикации или колонки в газете, пусть и электронной, путевые и тематические дневники и публикации.

Новые источники комплектования личных фондов

Источником комплектования личных фондов, формирующихся в цифровом формате, могут стать личные сайты. Многочисленные версии используемых программных сред, в которых они создаются, усложняют их прием в архив. Упростить

³ *Allegrezza S.* L'importanza degli archivi digitale di persona e di famiglia per una nuova percezione della disciplina archivistica // *Atlanti. International Review for Modern Archival Theory and Practice.* 2019. Vol. 29. № 2. P. 58–76.

ситуацию может прием на хранение PDF страниц личного сайта с системой ссылок, либо рамочные нормы, выработанные архивами для приема мультимедиа. Форматы PDF, дающие возможность хранить и текстовую, и графическую информацию, представляются наиболее простым решением для приема ЭД личного происхождения в архив.

Блоги также могут стать источниками комплектования архивов, в том числе в некоторых случаях и личных фондов. Блог, по сути, аналогичен личному электронному журналу или тематической колонке в электронной газете, основное содержание которой – регулярно добавляемые ведущим его лицом записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа. Комментарии посетителей, скорее всего, архивы не заинтересуют.

При отборе материалов с личных сайтов или блогов особенно важна станет экспертиза ценности как самого сайта или блога в целом, включая его персонализацию, так и отбор на хранение элементов его структуры. Архивам стоит задуматься о том, что материалы, представленные в Интернете, изначально создавались на личном компьютере, именно там должны храниться файлы, отражающие различные стадии работы блогера над текстом. Это может упростить прием в архив на хранение не весь блог, а именно соответствующие личные файлы, что определит и использование материалов. Существует некоторая практика Информрегистра в этом вопросе, который регистрирует и хранит сайты, которые их создатель регулярно пополняет и предоставляет копии на хранение по установленному в договоре графику.

Отметим, что блоги и личные сайты изначально создаются и являются публичными объектами. Вероятно, что и в архиве они будут храниться в открытом доступе.

Специфика создания личных архивов в условиях цифровизации общества

Хотя хранение ЭД в фондах личного происхождения будет схоже с другими архивными фондами, в плане комплектования намечается определенная специфика. Отличие состоит в изначально неуправляемом процессе формирования личного архива, что выражается: в стихийном накоплении документов личного происхождения, их распыления путем размещения на разных носителях, информационных платформах и в сетях; в создании многочисленных копий; в отсутствии экспертизы и отбора ЭД для личных архивов, а также в отсутствии четкой классификации всего массива накопленных ЭД. Отсутствие критериев систематизации документов на стадии формирования личных архивов с помощью хронологической или цифровой классификации, собирание ЭД в одну или несколько папок по отдельным направлениям жизнедеятельности, характерно для всех личных архивов в цифровом формате. Создатели личных архивов традиционно склонны излишне доверять электронным ресурсам, на которых они хранят ЭД: посты в Facebook, твиты в Twitter, фотографии в Instagram, письма электронной почты в webmail, не думая о том, что в случае прекращения деятельности такого ресурса их ЭД будут утрачены.

Возможные сценарии утраты личных архивов

Неупорядоченный массив ЭД личного происхождения при приеме в архив и создания личного фонда будет значительно труднее реорганизовать, чем традиционный, что также может привести к утрате документов.

В случае передачи личного архива наследниками фондообразователя утрата документов может произойти и по техническим причинам, таким как нечитаемость твердотельных носителей, на которых хранились документы изначально, отсутствие доступа к личному аккаунту на сервисном хранении или на личном компьютере фондообразователя по причине незнания пароля для входа, из-за закрытия онлайн-

сервиса и др. Даже если известны удаленные сервера, которые использовал фондообразователь и пароль для доступа к ним, срок действия этого пароля для входа на сервисное хранение ограничен по времени и может быть закрыт провайдерами, поэтому работу по реструктуризации имеющихся документов, инвентаризации и экспертизе архиву нельзя будет отложить, как в случае аналоговых документов. К уже названным сложностям добавляется еще отсутствие правовых норм, по передаче электронных документов в порядке наследования, в отношении которых действует законодательство о частной собственности.

Легко ли сохранить личный архив для потомков, или Азы архивоведения

Хотя в последнее десятилетие «цифровая грамотность» населения сильно возросла, представления об организации и управлении личными и семейными архивами, создающимися самыми разными людьми в цифровом формате, остались на прежнем уровне. Потенциальные фондообразователи нуждаются в информации, касающейся основ архивоведения, прежде всего понятийного аппарата (понятий ЭД, директория, архив, жизненный цикл ЭД). Кроме того, им необходимы знания об основных этапах создания архивного фонда в цифровом формате; о правилах присвоения имен документам и директориям, датированию документов, созданию копий, о структуре метаданных; о критериях выбора электронных форматов; о применении классификационных схем в фондах личного происхождения и семейных фондах и некоторых других.

Фондообразователям не менее важна информация об организации процесса управления своими архивами, прежде всего о действиях, связанных с формированием метаданных и их изменением, поиском копий, сравнения текстов и фотографий, автоматического переименования файлов и директорий, резервным копированием, а также электронной почтой, занимающей существенное место в фондах личного происхождения и имеющей свои особенности как в управлении, так и в стратегии долговременного хранения. Потенциальные фондообразователи должны иметь представления об отборе, экспертизе электронных сообщений; надежности и обеспечении сохранности в системе электронной почты и долговременного хранения фондов личного происхождения в цифровом формате в целом. Необходимо знакомство с некоторыми правовыми нормами и этическими представлениями.

Международный опыт

В настоящее время некоторые зарубежные структуры, занимающиеся хранением документов, вывешивают на своих сайтах информацию для пользователей, касающуюся организации и управления архивами личного происхождения, существующими в цифровом формате, как на стадии их создания, так и уже сложившихся. Библиотека Конгресса США в рамках Программы развития и сохранения национальной инфраструктуры цифровой информации (National Digital Information Infrastructure and Preservation Program, NDIPP), занимается популяризацией в том числе и персональных архивов⁴. Университетами Оксфорда и Манчестера реализуется проект Paradigm, посвященный проблематике обеспечения сохранности личных архивов британских политиков. В настоящее время создана и действует ежегодная конференция по проблемам фондов личного происхождения в цифровом формате – Personal Digi-

⁴ Library of Congress. Perspectives on Personal Digital Archiving, National Digital Information Infrastructure and Preservation Program. 2013. URL: http://digitalpreservation.gov/documents/ebookpdf_march18.pdf?locl=blog-sig (дата обращения: 15.04.2021).

tal Archiving⁵. На сайте библиотек Tri-College Consortium размещены руководства по сохранению и корректному поддержанию таких ЭД, как письма, фотографии, посты и сообщения в социальных сетях, вебсайтах и электронной почте, которые составляют основу личных фондов⁶. Сайт «Save My memories» Международной ассоциации видеоиндустрии (International Imaging Industry Association) посвящен формированию архивов личного происхождения в плане хранения цифровых фотографий⁷. В Италии под эгидой Болонского университета функционирует центр международных исследований «Personal Digital Memories», участвовавший в разработке инструкции по работе с фондами личного происхождения⁸. В России аналогичных образовательных программ пока нет. Значительную помощь желающим создать свой личный архив в цифровом формате могут оказать приложения к компьютерному программному обеспечению: MyLifeBits от Microsoft, позволяющие ежедневно создавать, поддерживать и развивать собственное электронное наследие.

Среди специальных исследований по данной теме можно назвать статьи итальянских исследователей С. Аллегрецца, Л. Горголини о реорганизации и инвентаризации смешанных документальных фондов⁹, С. Ветторе по управлению личными цифровыми архивами¹⁰, Маффео Лорен по сохранению цифровых документов в соцсетях¹¹, а также американских исследователей, считающих, что отказ от обсуждения наиболее проблемных аспектов хранения ЭД личного происхождения и выработки норм по формированию, обслуживанию и сохранению фондов личного происхождения в цифровом формате, может привести к потере части документального наследия, которое является ценным источником для целого ряда областей научного знания¹².

Выводы

Таким образом, цифровая революция, проявившаяся во всех сферах жизни современного общества, отразилась и на формировании личных архивов граждан, прежде всего путем замены аналоговых документов электронными. ЭД могут храниться только на запоминающем устройстве – жестком диске, флешки или в виртуальном пространстве «Облака». Они должны быть записаны в электронном формате, позволяющем их прочесть, для чего необходима «технологическая платформа». Однако твердотельные носители подвержены довольно быстрому моральному износу, так же как и электронные форматы, изначальное программное обеспечение которых устаревает со временем. То же можно сказать и о технологических платформах. Результатом чего может стать не читаемость ЭД. Ситуация с личными архивами, стихийно комплекующимися ЭД, требует от архивистов выработки про-

⁵ American Library Association. Personal Digital Archiving. Webinar. URL: <http://www.ala.org/alcts/confevents/upcoming/webinar/pres/042413> (дата обращения: 15.04.2021).

⁶ Tri-College Libraries. Personal Digital Archiving. URL: <https://guides.tricolib.brynmawr.edu/pdad> (дата обращения: 15.04.2021).

⁷ International Imaging Industry Association. Save My memories. URL: <http://www.savemymemories.org/> (дата обращения: 15.04.2021).

⁸ Associazione Italiana Biblioteche. URL: <https://www.aib.it/> (дата обращения: 15.04.2021).

⁹ *Allegrezza S., Gorgolini L.* (eds.) Gli archive di persona nell'era digitale. Il caso dell'archivio di Massimo Vannucci. Bologna: Il Mulino, 2016. См.: www.archiviomassimovannucci.it.

¹⁰ *Vettore, S.* Gestione degli archivi digitali di persona : strategie e problematiche // Il mondo degli Archivi, Sezione. Studi, 4 febbraio 2014. URL: www.mda2012-16.ilmondodegliarchivi.org/index.php/primopiano/item/283-gestione-degli-archivi-digitali-di-persona-strategie-e-problematiche (дата обращения: 15.04.2021).

¹¹ *Maffeo Lauren.* Google's Vint Cerf on how to prevent a digital dark age. URL: <http://theguardian.com/medianetwork/2015/may/29/googles-vint-cerf-prevent-digital-dark-age> (дата обращения: 15.04.2021).

¹² *Bell G., Gemmel, J.* Total Recall: How the E-memory Revolution Will Change Everything. Penguin Group USA, 2009.

стных и эффективных рекомендаций, которыми фондообразователи могли бы руководствоваться для формирования и хранения личных документов, созданных в цифровом формате с потенциальной возможностью их дальнейшей передачи в архивы.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.11.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.01.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 07.02.2022

References

- Allegrezza, S. “L’importanza degli archivi digitale di persona e di famiglia per una nuova percezione della disciplina archivistica.” *Atlanti. International Review for Modern Archival Theory and Practice*. 29, no 2 (2019): 58–76 (in Spain).
- Allegrezza, S. “The Impact of Digital Transformation on Private Archives: What Future for Personal Archives?” *Atlanti* 28, no 3 (2018): 79-90.
- Allegrezza, S., and Gorgolini, L., eds. *Gli archive di persona nell’era digitale. Il caso dell’archivio di Massimo Vannucci*. Bologna: Il Mulino, 2016, www.archiviomassimovannucci.it (in Spain).
- Bell, G., and Gemmel J. *Total Recall: How the E-memory Revolution Will Change Everything*. Penguin Group USA, 2009.
- Maffeo, Lauren, *Googl’s Vint Cerf on how to prevent a digital dark age*, 15 April, 2022, www.theguardian.com/media-network/2015/may/29/googles-vint-cerf-prevent-digital-dark-age.
- Vettore, S. *Gestione degli archivi digitali di persona : strategie e problematiche // Il mondo degli Archivi, Sezione Studi*, 4 febbraio 2014, <http://mda2012-16.ilmondodegliarchivi.org/index.php/primopiano/item/283-gestione-degli-archivi-digitali-di-persona-strategie-e-problematiche>

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Вячеславовна Сабенникова, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Отдела архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД); Россия, 117393, Москва, ул. Профсоюзная, 82, sabennikova@vniidad.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3682-8999>

Irina V. Sabennikova, Dr. habil. History, Leading Researcher of the Department of Archival Studies of the All-Russian Research Institute of Documentation and Archiving (VNIIDAD); 82, Profsoyuznaya St., Moscow, 117393, Russia; sabennikova@vniidad.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3682-8999>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-258-274>

Research article / Научная статья

Political Theology of Baroque Ruler: The Case of the Coronation Book of Empress Elizabeth of Russia

Deniss Hanovs^a, Valdis Teraudkalns^b

^a Latvian Academy of Arts, Riga, Latvia

^b University of Latvia, Riga, Latvia

 valdis.teraudkalns@lu.lv

Abstract: The study analyses the political theology and imagery of a female Russian ruler in the first half of the 18th century in the context of the European political discourses on feminine rulers during the baroque period. The coronation ritual of Empress Elizabeth (ruled 1741–1761, crowned 25 April 1742) reflected in the coronation book (1744) illustrates the transition of European images of a baroque feminine ruler into the semiotics of westernized Russian absolutism. Elizabeth appears in the court media (sermons, engravings in the coronation book, poems, etc.) as the natural, God-given mother of all Russians, saving Orthodoxy from the political chaos of the previous rule, combining both masculine and feminine images of a ruler. The image of Elizabeth in the sermon by Archbishop of Novgorod Ambrosii illustrates a Russian variation of the political liturgy of absolutist culture in the 18th century.

Keywords: absolutism, baroque, mythology, representation, theatricality

For citation: Hanovs, D., and Teraudkalns, V. “The Political Theology of a Baroque Ruler: The Case of the Coronation Book of Empress Elizabeth of Russia.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 258–274. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-258-274>

Политическая теология правителя эпохи барокко: пример из коронационной книги императрицы Елизаветы Петровны

Денис Хановс^a, Валдис Тераудкалнс^b

^a Латвийская академия художеств, Рига, Латвия

^b Латвийский университет, Рига, Латвия

 valdis.teraudkalns@lu.lv

Аннотация: В исследовании анализируются политическая теология и образность русской правительницы первой половины XVIII века в контексте европейских политических дискурсов о правительницах эпохи барокко. Ритуал коронации императрицы Елизаветы Петровны (годы правления 1741–1761, была коронована 25 апреля 1742 г.), отраженный в коронационной книге (1744 г.), показывает переход европейских образов правительницы эпохи барокко в семиотику вестернизированного русского абсолютизма. Елизавета предстает в придворных материалах (проповедях, гравюрах в коронационной книге, стихах и др.) как ниспосланная Богом мать всех русских, спасающая Православие от политического хаоса прежнего правления, сочетающая в себе как мужской, так и женский образы правителя. Образ Елизаветы в проповеди архиепископа Новгородского Амвросия иллюстрирует русский вариант политической литургии культуры абсолютизма XVIII века.

Ключевые слова: абсолютизм, барокко, мифология, репрезентация, театральность

Для цитирования: Хановс Д., Тераудкалнс В. Политическая теология правителя эпохи барокко: пример из коронационной книги императрицы Елизаветы Петровны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 258–274. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-258-274>

Introduction

Anna Leopoldovna, the mother of the only male heir to the Russian throne, Ivan VI, was proclaimed the regent to her son in November 1740 and overthrown by Elizabeth, the daughter of Peter I on 25 November 1741. On 28 February 1742, the Archbishop of Novgorod, Ambrosii (Andrey Yushkevich), addressed the new Empress with a festive sermon in the Kremlin. The service was an introductory part of the coronation festivities planned for 25 April of the same year. As one of the main religious elements of the coronation ritual, the sermon combined various important political messages framed in the language of Russian Orthodoxy, supporting the image of a God-given ruler. The sermon's key message focused on the restoration of political order as God's grace upon Russia after the so-called turbulent German rule of Anna Leopoldovna. During the sermon, the physical body of Empress Elizabeth was transformed into a metaphysical body that brought peace and stability and ended the political chaos of the previous rule. The sermon can be analysed as a part of the baroque semiotics of political theology and baroque female ruler glorification.

The festivities, which began on 28 February and lasted until 7 June 1742, became the prime event in the Russian imperial court that decade and were reported in various media. The range of associated media and events included an official coronation book, featuring detailed text descriptions and images of the coronation ritual, festive poems, masked balls and the construction of allegorical statues and triumphal arcs on the ruler's path to and from churches, palaces, and open-air spaces. These spaces became stages of power and, thus, disseminated the new ruler's political message to Russian society, foreign courts, and observers.

Various scholars, such as Baehr, Wortman, Ospovat, Marker, and Zhivov¹ have analysed Russian absolutist political culture positing that Russian imperial imagery and political performance during the first half of the 18th century provide significant evidence of an attempt to westernize Russian absolutist culture. To analyse the political theology of the new Russian Empress's coronation ceremony, it is necessary to place it within the broader context of the representation of 17th and 18th century European baroque rulers.

The authors suggest to approach the topic of the article applying the methodological frame formulated within the so-called performative turn. Formulated within the paradigm of culture as “acted document” by anthropologist Clifford Geertz², the performative turn went further in its attempt to enlarge the understanding of culture as text which is staged and performed in public space, as a result of interaction of various hierarchically structured actors. As Doris Bachmann-Medick³ suggested, the performative turn interprets culture as a social action, which articulates meanings in discourses which legitimise various aspects of power

¹ Stephen Lessing Baehr, *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture* (Stanford: Stanford University Press, 1991); Richard Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II* (Princeton: Princeton University Press, 2006); Kirill Ospovat, *Pridvornaya slovesnost': institut literatury i konstruktivnogo absolutizma v Rossii sereдины XVIII veka* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020); Gary Marker, *Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2007); Boris Uspenskij, Victor Zhivov, *'Tsar and God': and Other Essays in Russian Cultural Semiotics* (Boston: Academic Studies Press, 2012).

² Clifford Geertz, *The Interpretation of Cultures. Selected Essays* (New York: Basic books, 1973), 10.

³ Bachmann-Medick, *Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften* (Hamburg: Rowohlt's Enzyklopädie, 2007), 107.

relations, such as social hierarchies. These hierarchies are defined and take place in space. Meanings of culture are staged. To analyse culture of the Russian baroque political theology means to interpret meanings which are available in staging, viewing and public reading of symbolic texts. We will attempt to understand meanings of formulas of Russian absolutism power in the frame of European baroque theatricality which is to view as a set of dominant symbolic practices to legitimise absolutism ideological principles. To read a baroque ruler means to approach the language used, dramas staged and festivals directed and enacted in the public frame of a baroque urban space. Monuments, short-term triumphal architecture, Christian and Greek symbols and quotations, their combination or conflict, their hierarchy in the baroque drama of power are to be interpreted as signs which we will attempt to read as political meanings of a period constructed by various authors-priests, academics, courtiers and Elizabeth herself.

In this article, the baroque is understood as a period of political absolutism, lasting from the second half of the 17th century towards the end of the 18th century in various regions of Europe, including diverse artistic elements closely associated with the power discourse. As such, the staging of a baroque ruler in Russia should be interpreted as a variation of the absolutism play that dates back to the rules of Louis XIV and Leopold I. These European rulers developed a combination of Christian and Greek mythology in their scenarios of power (to use Richard Wortman's term),⁴ creating a formula of ruling masculinity. The case of the late Renaissance ruler, Elizabeth I of England (ruled 1558–1603), represents a feminine version of the idea of a ruler as a source of harmony. Paralleling gods, goddesses enter the political stage of the early modern rulers – among others, Diana, a goddess of chastity, was rediscovered to praise the Virgin Queen in her later years and justify her failure to produce a male heir.⁵

The transfer of Western absolutist concepts and performative practices of court culture, shaped by the Versailles model to Russia, has been intensely analysed in the last two decades by Western and Russian scholars. Following Wortman's key study, which analysed various power scenarios in Russian absolutism,⁶ the research has examined the transformation of the Russian Muscovite court after the reforms of Peter I.⁷ Among the studied topics is the emergence of the new Western type of public space at the Russian court and in the new capital Saint Petersburg (founded 1703), and the rethinking of European absolutist performativity in the context of the rapid change of the role of Russian nobility. This research followed the pattern of Norbert Elias and, thus analysed the Russian version of the *civilite* paradigm at the court of Peter I and his daughter Elizabeth.⁸

A special field of interest in the present study is the emergence of theatre and court literature in the Russian language, which reveals the Russian version of monarch glorification, using plots and motifs that combine European patterns and local folklore traditions during Elizabethan times (1741–1761). Following Robert Darnton, who defined poetics as politics in 18th-century France, this study predominantly examines how poetic and dramatic texts were created and negotiated in absolutist Russia and how the femininity of the baroque ruler Elizabeth was shaped in masculine terms in plays and verse.⁹

⁴ Richard Wortman, *Scenarios of Power*.

⁵ Erzsébet Stróbl, "Queen Elizabeth and the 'Judgement of Paris,'" *Anachronist* 18, no. 2 (2018): 207–228.

⁶ Richard Wortman, *Scenarios of Power*.

⁷ Andrei Zorin, *Kormia dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennaia ideologija v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001).

⁸ Paul Keenan, *St. Petersburg and the Russian court 1703–1761* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020).

⁹ Vera Proskurina, *Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006), 14–27, 163–194.

The paradigm of cultural memory, developed by Jan and Aleida Assmann, has recently entered the literature on the Russian absolutist geopolitics in images and texts.¹⁰ During the rule of Elizabeth, who dismissed child monarch Ivan VI from the throne, the politics of memory destruction were developed; the extensive destruction of memories of the boy-ruler and his mother began as early as 1742 through the removal of key elements of the baroque ruler's presence from the public space, including coins, texts, laws and church books.¹¹ Marcus C. Levitt defined baroque culture that includes the politics of memory and political oblivion in Russia, through various visual texts that were created and scrutinized by monarchs in the political frame. Levitt analysed the visuals dominating 18th century Russian culture, widening the terrain of the visual elements from ancient Western history used by Peter I and his heirs to formulate the image of an absolutist ruler.¹²

Most of the works on Elizabeth's rule have been shaped by cultural turns of the early 1990s, taking an interest in discourses of power, gender identities, the intertextuality of literary sources and the multimedia staging of elites in musical theatre¹³ and the urban space of an Eastern European baroque city.¹⁴ Social history is also present in the analytical frame of the 18th century Russian history of absolutism. The recent study of the economic and tax policies of 18th century Russian rulers has been linked to the analysis of the legitimation of the various coups that shaped Russian politics before 1762.¹⁵ However, this variety of academic approaches has one element in common, that is, the analysis of multiple histories of Russian rulers discovering and adopting Western absolutism. The semiotics of court life, urban planning, and the staging of an absolute ruler in various foreign arts and spaces that were then localized represents a major field of interest not only for contemporary scholars but also for Russian monarchs. Peter I, who initiated the rapid break with the traditional culture of power, was eager to discover and interpret Western concepts of absolutist semiotics.

The Tsar intended to radically reshape the court and the image of a monarch, undertaking a kind of baroque glocalization of absolutism in the frame of Orthodox culture by combining Western absolutism with Russian imagery of a divine ruler. French aristocratic culture, based on a fragile equilibrium of interests and interdependencies between a monarch and the nobility, impressed Peter I with its spectrum of glorifying instruments. From the foundation of St. Petersburg as Russia's new capital, European imagery of male and female rulers was present in the politics of absolutism.

The combination of male functions and tasks in the female political body was another European semiotic formula for a female absolutist ruler and was applied within the Russian imperial discourse to Russian female rulers,¹⁶ who were, thus, staged as a mixture of two genders, the male and female, in the form of a *muzhe-deva* (male virgin).¹⁷ The festive poem 'The resemblance of Anna Ivanovna to Minerva' (1739) was presented to Em-

¹⁰ Vera Proskurina, *Imperiia pera Yekateriny II* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017); Deniss Hanovs, "Imperial Myth Broadcasted: An Analysis of Putin's Ceremonial Communication on Russia's Past. The Case of Annexation of Crimea," in *The New Heroes. The Old Victims. Politics of memory in Russia and the Baltics* (Riga: Zinātne, 2016), 30–49.

¹¹ Igor Kurukin, *Epokha 'dvorskikh bur''* (St. Petersburg: Nauka Publ., 2019), 398.

¹² Markus Levitt, *Vizual'naija dominanta v Rossii XVIII veka* (Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2015).

¹³ Nataliya Ogarkova, *Tseremonii, prazdnestva, muzyka russkogo dvora* (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2004); Anna Korndorf, *Dvortsy khimery: illyuzornaya arkhitektura i politicheskiye allyuzii pridvornoy stseny* (Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011).

¹⁴ Marina E. Dmitriyeva, *Italia v Sarmatii: Puti Renessansa v Vostochnoi Evrope* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015); Gary B. Cohen, and Franz A.J. Szabo, eds., *Embodiments of Power: Building Baroque Cities in Europe* (New York and Oxford: Berghahn Books, 2008).

¹⁵ Igor Kurukin, *Epokha 'dvorskikh bur''*.

¹⁶ Richard Wortman, *Scenarios of Power*, 51, 55.

¹⁷ Vera Proskurina, *Mify imperii*, 17.

press Anna a year before her death as an address by the Academy of Sciences and extended the Minerva image back to the reign before Elizabeth. That reveals the poetic and rhetorical continuity of female glorification from Anna to Catherine and challenges the idea that these image politics began during the early period of Elizabeth's reign. As an example of the military functions of a goddess, the glorifying text in Russian and German produces various examples of similarity between Anna and Minerva. This text also deifies Peter I, who gave birth to the Russians: *novorozhdennomu ot velikogo Petra tvoemu narodu* (newborn from the great Peter to your people).¹⁸ Another interpretative frame necessary to read Elizabeth's scenario as an absolute female ruler is the Russian Orthodox Church and its role in absolutist politics.

What did the Archbishop say? The new Golden age announced

The combination of two semiotic spaces – European absolutism mythology and Russian Orthodox culture – featured in the new Empress's coronation book, published in St. Petersburg in 1744, two years after the coronation ceremonies. The predecessor of this coronation book was dedicated to Anna Ivanovna's coronation. In both cases, the books were published by the Academy of Science in close communication with the court.¹⁹

Elizabeth's coronation comprised three parts. The first was political, in which the Empress's manifesto was published, explaining why she should be crowned in Moscow, listing the text of Ambrosii's festive sermon. The second was a ceremonial protocol detailing how and where the coronation and subsequent festivities would proceed, which groups could participate and in which order, and who would be remunerated for their services to the crown. The third was the collection of engravings depicting the cavalcade of courtiers to the ceremony in the Kremlin and the temporary allegorical architecture and statues representing various virtues ascribed to the Empress, as well as the balls and fireworks, which later became a regular, multimedia element of court festivities. The fireworks on Grand Duke Peter's (the future Peter III) 18th birthday in front of the Winter Palace in St. Petersburg on 10 February 1745 illustrate the variety of baroque festivities at the court. With the help of allegoric figures, such as love, the blossoming garden, hope and divine providence, Peter was glorified as the future ideal ruler.²⁰

The coronation book and other festive chronicles aimed to disseminate a complex system of absolutist paradigm, with a structured combination of allegoric meanings aimed at creating and perpetuating ideological theses of the omnipotent ruler (e.g. the title of the 1745 fireworks, 'Description and explanation'). Thus, the court editions may be defined as baroque visual media, which preceded the films, chronicles and cinema journals used by monarchies before WWI and later by the totalitarian regimes of the 20th century. The coronation book can be described as an engraved chronicle of a day in the Empress's life (or the many months of coronation festivities).

The introductory words, which preceded the coronation manifesto, described the *coup d'état*, which took place on 25 November 1741 supported by the Archbishops of Pskov and Novgorod, who granted religious legitimacy to the political upheaval. The coup was

¹⁸ *Podobie Minervy v imperatorskom velichestve Anne Ioannovne samoderzhitse rossiyskoi pri vysokotorzhestvennom i vseradostnom dni rozhdeniia eia imperatorskogo velichestva 28 genvaria 1739* (St. Petersburg: Akademiia nauk Publ., 1739), 3.

¹⁹ Elena Stetskevich, "The Role of Academy of Science in the Creation of Empress Anna Ioannovna Coronation Album," *Administrative Consulting* 73, no. 1 (2015): 121.

²⁰ *Opisanie i iz'yasnenie onago feyerverka kotoryy po vysochayshemu povelenyu ikh imperatorskogo velichestva v vysokiy den' rozhdeniya yego imperatorskogo vysochestva blagovernogo gosudarya Petra Feodorovicha [...] pered imperatorskim zinnim domom v Sanktpeterburge predstavlen byl fevralya 10 dnya 1745 goda* (St. Petersburg: Akademiia nauk Publ., 1745), 2–3.

defined as divine providence: 25 November was a part of God’s plan to re-establish happiness for Russians. This happiness bore the characteristics of baroque history as a royal drama, in which happiness is fragile and can disappear unexpectedly. In Walter Benjamin’s theory of baroque drama, the ruler is the core of history, both tyrant and martyr, and the one who defines reality and can destroy it.²¹

Picture 1: Frontispiece of the coronation book-state portrait of empress Elizabeth with state insignia

Source: *Obstoyatel'noe opisaniye Torzhestvennykh Poriadkov blagopoluchnogo vshestviya v tsarstviuishchii grad Moskvu i sviashchenneyshago koronovaniya Eya Avgusteishago Imperatorskago Velichestva Vsepresveteishiya Derzhavneishiya Velikiya Gosudaryni Imperatritsy Elisavety Petrovny Samoderzhitsy Vserossiiskoi, yezhe byst' vshestviye 28 fevralia, koronovaniye 25 aprelya 1742 goda* (St. Petersburg, Imperial Academy of Science, 1744).

Rulers’ sovereignty over human history creates an ambivalent image: a ruler can be dangerous and divine in their ability to act as a solar symbol, granting life. This metaphor was translated at the Russian court into a glorification of Empress Anna, who was compared with the sun, which “saves and decorates the Russian empire,”²² thus bringing life to her subjects. This solar formula was continued in Elizabeth’s coronation book. Alongside benevolence, the symbolic monstrosity of a ruler is a topical plot in many baroque plays. A perfidious ruler, plotting against the people and natural order of things, such as Macbeth, was a *dramatis persona* from the late Renaissance drama and is widely known in Spanish baroque drama, such as in Pedro Calderon’s play *La Vida es un Sueño* (Life is a Dream).

²¹ Valter Benjamin, *Proiskhozhdenie nemetskoj barochnoi dramy* (Moscow: Agraf Publ., 2002), 55–56.

²² *Podobiye Minery v imperatorskom velichestve*, 18.

In her politics of memory destruction, Elizabeth also acted as a baroque ruler who had power over her subjects' memory. During a discussion between two exiled courtiers in the imagined kingdom of Siberia in the pamphlet brochure "Today You, Tomorrow Me," the sentence "unexpected news of the young monarch Ivan VI dethroned" was redacted in black ink on both pages.²³ The text likely came into the possession of the Russian administration, which carried out a version of memory destruction in ink.

The coup can be treated in the frame of a baroque drama as a sudden change for the good. According to Kirill Ospovat, in 18th century Russian court culture, coups were a repetitive reality, and happiness, elaborated in the coronation book, can be defined as the discursive frame of celebrating a happy end to the coup. Such coups were then publicly celebrated as memories of the royal ascension day.²⁴

Elizabeth's court book followed the pattern of baroque glorification and sustained the idea of a divine female ruler who acquired the throne due to divine will. The book opens with a statement that God's will is unknown to people but that the Empress ascended the throne by following this 'unspoken will'. In the tradition of hereditary absolute monarchy, the throne was depicted not only as a Russian imperial throne but also as the 'parental' throne of Elizabeth's father, Peter I.²⁵

The sermon's language was highly allegorical and shaped in terms of a political drama. There is a *recognition*, which transformed the political drama of the previous two decades into a *lieto fine* (happy ending) of *opera seria* by Metastasio, with a restored justice and a return to legitimate rule by a leader who was awaited by the country. The neglected hero, unrecognized or non-existent in political interplay for a while – in this case, Elizabeth – had been recognized if we accept that the princess' below dialogue with the guards was not an anecdote invented after the coup. It is said that soon after midnight on the eve of the coup, the princess arrived at the guards' premises and asked them, "Do you recognize who I am, boys?" Ambrosii repeatedly used the theme of recognition in his next cardinal sermon at the beginning of the coronation festivities in Moscow.

The sermon of February 1742 can be defined as a liturgical drama of absolutism, co-edited by the Orthodox elite, staging the regained kingdom and the end of history because of its happy return to the final stage: the rule of a just and legitimate monarch would conclude the period of disorder. The sermon can be interpreted in terms of political theology, which, according to Ospovat, was the product of absolutist ideology, transferring God's divine nature into the judicially framed divinity of a monarch.²⁶ There are also other examples of showing Elizabeth as permeated by the presence of God – in Lomonosov's ode on Elizabeth's birthday in 1757 God speaks of Elizabeth: "I myself appeared in Her person."²⁷ Contradictions between sacralization of the monarch and Christianity often are removed by avoiding the word "God." Lomonosov regularly calls the Empress, "goddess."²⁸

Ambrosii addressed Russia, an anthropological category and the sum of all Russian estates, which were included in the allegorical body of the feminine Leviathan, and the "true mother of the Fatherland" (the Empress), during the coronation.²⁹ Nature was a source of

²³ *Heute mir, morgen dir: Gespräche in dem Königreich Sibirien zwischen dem Grafen Burchard Christoph von Münnich und dem Grafen Gustav von Biron. Erste Unterredung* (Tobolsk: [N.s.], 1742), 1-2.

²⁴ Kirill Ospovat, *Terror and Pity: Aleksandr Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia* (Boston: Academic Studies Press, 2016), 35.

²⁵ *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov... sviashchenneishago koronovaniia eia avgusteyskago imperatorskago velichestva... gosudaryni imperatritsy Elisavety Petrovny* (St. Petersburg: [N.s.], 1744), 1.

²⁶ Ospovat, *Terror and Pity*, 148.

²⁷ Boris Uspenskij, and Victor Zhivov, "Tsar an God: Semiotic Aspects of the Sacralization of the Monarch in Russia," *'Tsar and God': and Other Essays in Russian Cultural Semiotics*, 45.

²⁸ *Ibid.*, 63.

²⁹ *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov*, 11.

the legitimization of Elizabeth, who was also called a “natural heiress and ruler, who happily arrived.”³⁰ The Archbishop asked the nation to answer the question, “Who has come?” to rescue Russia. The Archbishop’s question had a moral origin because the correct answer, the accurate recognition, was a precondition for Russia’s spiritual renewal, linked to social order and harmony under the absolute ruler as a complete, kind and forgiving mother. The Archbishop offered his assistance in this difficulty and explained in detail the impact of the returned ruler: Elizabeth was described as a source of harmony that would conquer instability and disorder. The elements of this stability were presented in terms of peace and quietness:

Firm and unshakeable basis of your [Russia’s] prosperity has come; the end of your extremely usual and evil changes has come; your quietness and the true hope for your prosperity and other wishes has come; your joy, health, integrity, long life and security and salvation from all negations have come...³¹

The new ruler was not only the source of a prosperous Russia, distributing good qualities with her ascension alone; Elizabeth was also a proactive ruler who acted as a judge. Her ascension was both a miraculous and quick relief from the political “changes” (as the previous rule was described) and was an act of restoring order:

...the loyal and trustworthy [will receive] only mercy, but the evil and shameful, and especially enemies... fear and defeat.³²

Elizabeth would enact justice and, thus, was linked to images of justice in Greek and Roman mythology. The shortlist of the princess’s divine qualities is characteristic of the image of Astrea, the mythological virgin, who represented the golden age, which, according to Ovid, left the earth plunged into military bloodshed (Ovid, *Metamorphoses*, book 1, 149).³³ Ambrosii retold the story of Ovid in his version:

To put it shortly, the real and true mother of the Fatherland has come, who has spent fewer days and months on the throne of Russia, than bringing so much goodness, joy, benefit, happiness and security.³⁴

Later in the sermon, Ambrosii introduced social details into an allegoric introductory section and specified which social groups were happy to greet the returned ruler and why. The church was elated to see the image of a ruler who promised prosperity. The officials rejoiced because Elizabeth would restore their honour, dignity, justice, and mercy. Likewise, the army was “burning with the flame of love” because the new ruler would avenge its injured dignity and stop internal political disorder. A similar cry for justice was heard from civil servants of the new Empress who believed Elizabeth would grant positions according to merit and dignity, rather than out of “passions and promises.” That likely referred to the favouritism culture during previous reigns, especially that of Anna Ivanovna, well known in Russian oral history, as the time of great favouritism Duke Biron; the term *bironovshina* still means the rule of ethnically foreign, non-patriotic court favourites.³⁵ The rest of the Russian people, the poor and socially unidentified, also rejoiced because they had finally encountered their ‘merciful mother, true and natural ruler’. The list of miraculous impacts was completed, describing the changes made to the old and dilapidated churches and civic buildings, restored to their former glory before

³⁰ *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov*, 11.

³¹ *Ibid.*, 11.

³² *Ibid.*, 11.

³³ Ovid, *Metamorphoses*, bk 1: 149, accessed 23 July 2021, <https://ovid.lib.virginia.edu/trans/Metamorph.htm#488381095>

³⁴ *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov*, 11.

³⁵ Kurukin, *Epokha 'dvorskikh bur'*, 245.

the coronation.³⁶ The goodness of the new Astraea was also linked to her beauty. In such a combination, Ambrosii saw the precondition for an eternal rule (“countless years”),³⁷ which would begin in the true heart of Russia, Moscow, where the crown insignia were kept, waiting for her ‘natural hands’ to grasp them.

Change became a significant detail of the discourse on the restoration of order and was repeatedly mentioned in the sermon as an example of chaos and troubles. The return to the previous glory and stability and the end of transformations and uncertainties became a predominant vocabulary of the new rule, seen as the end of the movement, the end of history and the beginning of the golden age, previously lost. That loss was explained by the Archbishop in terms of Russia’s collective sin, and Empress Elizabeth was defined as a proof of redemption.

The sermon’s glorifying content was expanded by another text in the coronation book, entitled “Clarification,” which preceded the description of the fireworks. This text can be interpreted as an emotional response by the subjects to the coronation, described as a source of genuine collective jubilation, which was spontaneous and extensive, mixed with hopes, happiness, joy and a firm belief in the future.³⁸ The concept of recognition finds here another element: not this time the relation to Peter I, which should be recognized, but the individual features of the young princess, whose “humble deeds disguised her natural greatness.”³⁹ A new element of recognition was added: the people who impatiently awaited the princess, who was not coming for a certain period because such was the divine will. Waiting for the true ruler was the link that connected subjects with the ruler in a community, who, in this construction, was described in the religious terms of a second coming, bringing the light of the crown jewels into the darkness (i.e. the previous rule of Anna Leopoldovna).⁴⁰ Waiting also entailed the maturing of a ruler; when the time was right, according to the divine prerogative, Elizabeth would be ready to rule. The crowning ritual was the central emotional part of the ceremonies, and the moment of taking the crown and putting it on the ruler’s head was the semiotic highlight of gaining the divine right. According to the description, Elizabeth took the crown from the pillow brought to her by Ambrosii and put it on her head herself.⁴¹ This symbolic act, stressing the self-legitimacy of the absolute ruler, was included in the “Clarification” as proof of the restoration of social order in the image of brave Elizabeth. Thus, her accession to the throne fit into the semiotics of a brave hero facing peril.⁴² The price of this brave act is summed up in the Latin formula of the absolute ruler: *meam mihi reddo coronam* (I myself regain my crown).⁴³

In summary, in the sermon, Elizabeth’s biography became the hagiography, comprising a series of miracles, which were natural and thus logical in their supernatural origin, as the concept of power is divine in its ability to act in mythological terms (i.e. the sudden end of evil and the beginning of the eternal golden age). The coronation book includes important evidence of the construction of the new Empress’ image in the form of her ‘own’ manifesto on the coronation ceremony. This can be defined as a staged self-reflection by the new ruler, as her voice in public ceremonial culture. Is there evidence of intertextuality between the stately “self-portrait” of Elizabeth in the manifesto and her image in Ambrosii’s sermon?

³⁶ *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov*, 12.

³⁷ *Ibid.*, 13.

³⁸ *Ibid.*, 161.

³⁹ *Ibid.*, 161.

⁴⁰ *Ibid.*, 162.

⁴¹ *Ibid.*, 58.

⁴² *Ibid.*, 162.

⁴³ *Ibid.*, 162.

Self-portraits of the ruler as a public message in text and images

The manifesto of 1 January 1742 should be viewed in its continuity with the new Empress' first official message upon her accession to the throne, which was made known to the public on 25 November 1741. In this manifesto, the idea of ending political disorder caused by different 'people' ruling in the name of Anna's grandson, the baby-ruler Ivan VI, is the main reason the new Empress, as the legitimate daughter of Peter I, took power. In this case, a daughter is dominant over a small child, who is linked to Anna, not to Peter I. Elizabeth was asked by all her loyal servants, but especially the military, to re-establish social order and secure it for the future.⁴⁴

The manifesto continued the narrative of the gracious mother of the Russians, who, as the next in line, ascended the throne and accepted the oath of loyalty given by all her subjects. In the manifesto, Elizabeth described the ceremony, planned for April, as a ceremonial taking possession of the royal insignia: 'the imperial crown and other *Kleynodien*' (note that decades after the death of Peter I, there was no official Russian term for other royal insignia like the one directly taken from German *Kleinodien*).⁴⁵ The ceremonial completed the legitimization of power on earth, giving her uncontrollable power over society, with the Empress ordering subjects to fulfil their spiritual duty and pray for the health of their ruler. This order to participate in religious service as a form of loyalty to the divine-human being (i.e. the monarch) is a concise formula of the political theology of baroque absolutism in Russia during the first half of the 18th century.

It would be useful to compare Elizabeth's coronation book with a similar book dedicated to the coronation ceremony of Anna Ivanovna on 28 April 1730.⁴⁶ Comparing the style and vocabulary reveals many elements from the 1730 book that were reused in the 1742 book. The manifestos of both rulers explained the necessity of the coronation in generally similar wording and allegorical messages, demonstrating the impact of the 1730 book on the structure and content of the 1742 book.

During prayer, the political theology was shaped by the words addressed to the ruler. Asking for God's support for Anna's happy reign, the church formulated a catalogue of 'wishful thinking', depicting an image of an ideal rule, which be long-lasting, wise and prosperous, while the courts would be fair and avoid bribery, and the army victorious and able to defeat all the Empress's enemies.⁴⁷

Intense metaphoric language was used by the Archbishop of Novgorod Theophan addressing Empress Anna after the coronation ceremony had been fulfilled. Among the allegorical figures was an army with a commander who could not achieve victory and a ship that sinks in a storm, a metaphor often used in baroque opera, which Anna introduced to the Russian court later in her rule.

The major difference between the discourses of the two coronations lies in their images of the empire's condition before the coronation. If Elizabeth found the state of affairs dangerous and came to act as a saviour, Anna "found this empire in calm condition"⁴⁸ and acted as an allegorical figure of peace, who aimed to sustain international agreements and avoid wars.

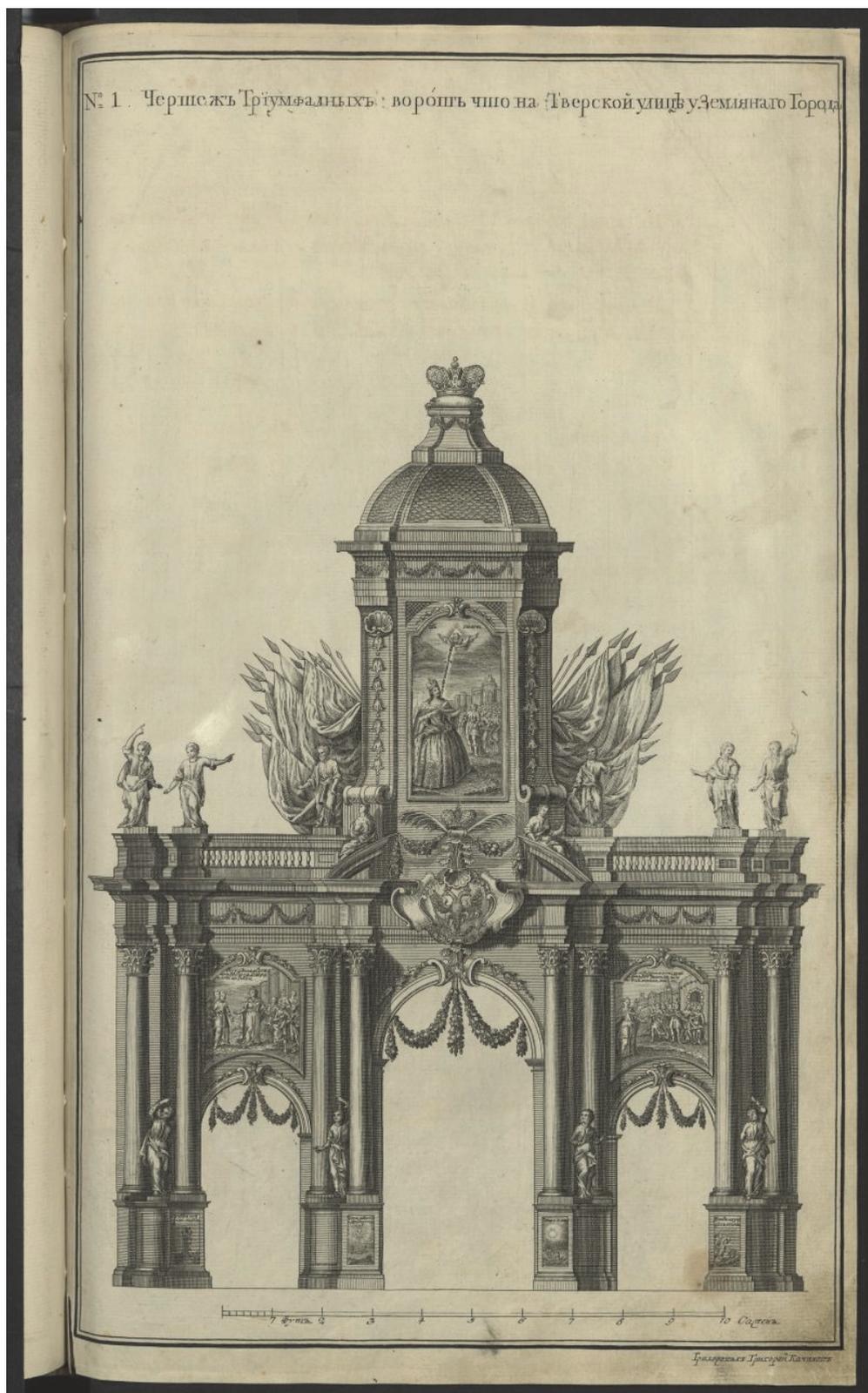
⁴⁴ Manifesto "On the Accession to the All-Russian Throne of Empress Elizabeth Petrovna and on Taking the Oath," accessed 23 July 2021, <https://doc.histrf.ru/18/manifest-o-vstuplenii-na-vserossiyskiy-prestol-gosudaryni-imperatritsy-elizavety-petrovny-i-ob-uchin/>

⁴⁵ *Obstoiatel'noe opisaniye torzhestvennykh poriadkov*, 3.

⁴⁶ Description of the Coronation of Her Majesty the Empress and Autocrat of the All-Russian Anna Ioannovna, Solemnly Sent to the Reigning City of Moscow on 28 April 1730. Senate, Moscow, 31 October 1730.

⁴⁷ *Ibid.*, 15.

⁴⁸ *Podobiye Minervy v imperatorskom velichestve*, 19.

Picture 2: Triumphal arch in Tverskaia street in Moscow erected for the ceremony of entrance of the empress Elizabeth

Source: *Obstoyatel'noe opisanie*, 131.

Imagined spaces of the baroque Empress: Temporary glorification in statues and edifices

The baroque city is a multilayered space representing a monarch's policies and, as such, it creates a stage including various smaller ones such as promenades, palaces, hills, rivers, and squares. These topoi differ in function and create internal spatial hierarchies within the city walls, delivering a heterogeneous message to different audiences. The anthropologization of spaces and places has helped broaden the academic perspective on space creation within ideological concepts. Baroque architecture and sculptures and their allegoric message were included in debates on baroque urban planning in the mid-1980s.⁴⁹ Louis XIV was very concerned about controlling how audiences would visit and view the Versailles palace and royal gardens after his death, and at least six versions of the "Way to present the gardens of Versailles" were written, partly by his hand.⁵⁰ Eastern European variations of the French and Austrian absolutist cities and residences have been analysed in the last decade, adding Eastern German, Czech and Russian baroque cities to Western examples.⁵¹

For a long time, there had been various cultural links to Italian Renaissance culture and architecture in Russia, which were revived during the rule of Ivan III in the last quarter of the 15th century and continued in the 16th century. The liberalization of politics towards papal Rome fostered cultural exchanges with the Catholic representative culture.⁵² The genealogy of the transfer of Italian representative culture in Russia, dating back to the 16th century, helps broaden the timespan and questions the abrupt beginning of Western urban politics during the rule of Peter I. Undoubtedly, the new capital of the Russian empire created a unique draft of the baroque ruler to shape the city according to his understanding of the representative space. In his detailed overview of the transformations of St. Petersburg from its foundation to 1760, Paul Keenan reflected upon various features of *civilite* discourse as a part of westernization for extensive groups of society, in which monarchs tried to create and control the new capital by shaping its construction works and its inhabitants' movements and habits.⁵³ One of the crucial roles of the new city was to become the stage for the ruler's display of power. The 18th century sources compare baroque capitals with Greek, Trojan, and Roman cities to add mythological glamour to the centres of absolutist political power. The three legendary cities of Athens, Troy, and Rome were used to describe the topography of Russian absolutism;⁵⁴ Athens and Troy, in particular, were mentioned to stress Empress Anna's divine image.⁵⁵

Among the global and European tools of absolutism, temporary, ceremonial urban architecture and sculpture were widely used. They were both intertwined in Elizabeth's coronation festivities and were captured in multiple engravings in the coronation book. Which messages of the image of the new Empress were transmitted through the allegoric sculptures and temporary architecture? What were the sources of the messages?

To answer these questions, we must analyse the visual section of the coronation book, entitled 'Description and drawings',⁵⁶ containing two major groups of temporary

⁴⁹ José A. Maravall, *Culture of the Baroque: Analysis of a Historical Structure* (Manchester: Manchester University Press, 1986), 75.

⁵⁰ Louis XIV, *The Way to Present the Gardens of Versailles* (Paris: Editions de la Réunion des Musées Nationaux, 1992).

⁵¹ Howard Louthan, "Religious Art and Formation of a Catholic Identity," *Embodiments of Power* (New York and Oxford: Berghahn Books, 2008), 53–79.

⁵² *Ibid.*, 145.

⁵³ Keenan, *St. Petersburg and the Russian court*, 47.

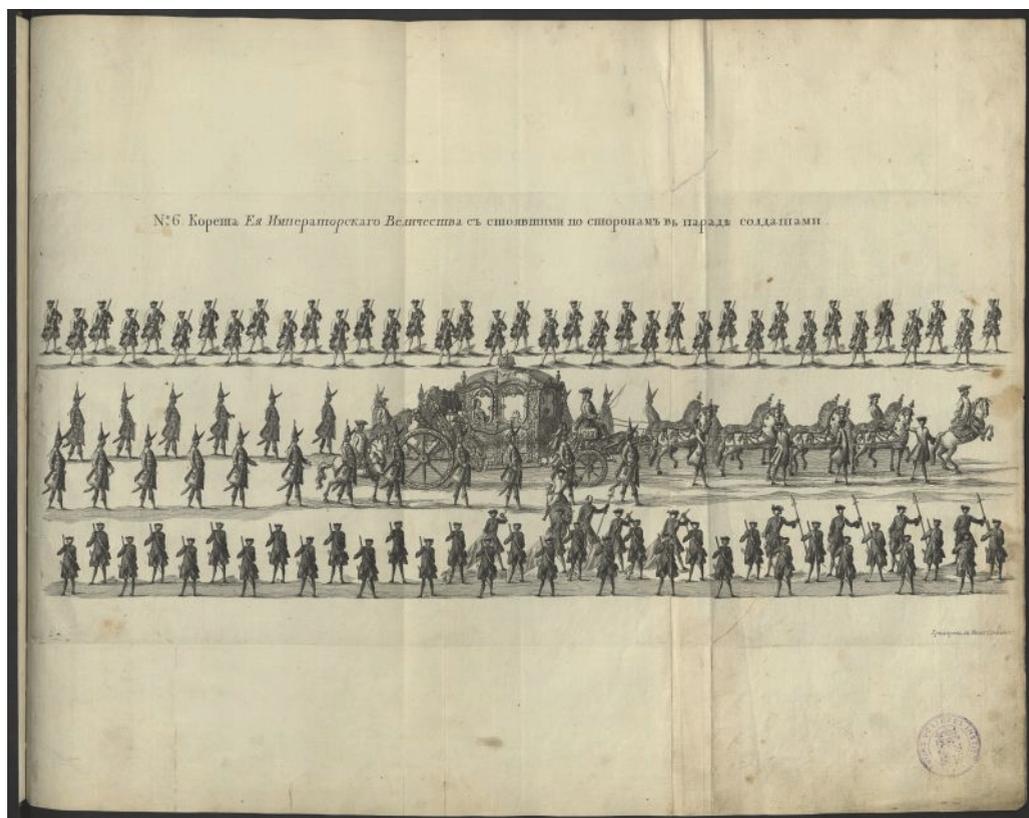
⁵⁴ Levit, *Vizual'naiia dominanta*, 56.

⁵⁵ *Podobie Minervy v imperatorskom velichestve*, 6.

⁵⁶ *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov*, 131.

allegorical objects – triumphal arches and allegorical figures – either as a part of the construction or as singular objects in representative space. The rich, detailed content of arches can be interpreted through three predominant narratives: the Old Testament and Christian myth, Greek-Roman mythology and solar symbolism. Since the total number of arches would exceed this study’s scope, one was selected to represent the details of coronation symbolism and political messages, which are both hidden and open in baroque allegories, waiting to be presented publicly.

Architecturally, the triumphant arches were built in the most elaborate and festive style, the Corinthian.

Picture 3: The state carriage of Empress Elizabeth with guards escorting

Source: *Obstoiatel'noe opisanie*, Appendix 6.

The arch in Tverskaia Street featured three entrances surmounted with the image of God, with Elizabeth on the right-hand side and the people on the left. The text “Come and you will rescue my people” was also added, along with Old Testament figures who connoted liberation and salvation, including Judith, Solomon, and Deborah.⁵⁷ The main entrance was decorated with the image of Christ and Russian people praying for the new Empress, although Christ points to the insignia and says that Caesar should receive what is Caesar’s.⁵⁸ A crown, drawn down from the sky to the head of Elizabeth was added next to text that stated that a true Empress is crowned from sky, not from earth. A sequence of Christian allegorical figures, such as Wisdom, Virginity, Truth and Bravery was added

⁵⁷ *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov*, 131.

⁵⁸ *Ibid.*, 132.

with text declaring that the Empress was the bearer of all these virtues.⁵⁹ The Christian inference of the images stressed the God-chosen character of Elizabeth and her incorporation into the Biblical stories of virgins saving the Jews. Meanwhile, the New Testament level presented the *a deus coronata* version, with Christ granting the princess the symbols of power.

The messages on the arch also introduced Peter I's heiress into the gallery of legitimate Russian rulers: the portrait of her grandfather Tzar Alexey, her father Peter and her mother Catherine I all appear on the shield of Cronos; however, the portrait of Elizabeth is explained through the logic of legitimacy of birth from the crowned second wife of Peter, Catherine.

Christian and Greek mythology were intertwined in the paintings. Saturn proclaimed the start of the Golden age, while his neighbour Gideon admits his weakness and wants to relinquish his rule but is strengthened by God.⁶⁰ Various smaller figures depicted cosmogonic elements, turning the coronation into a political *Naturschauspiel* (nature's performance). The moon, the feminine symbol of Diana, is equal to the masculine solar symbol and transmits the image of the ruling Virgin on the Russian throne ('equal to the sun'). The sun is symbolic of the sole ruling power, with no alternatives ('the only one to shine and rule') and, thus, dominates over the feminine (though equal) planet. The statues incorporated into the arch were the classic combination of the Greek Pantheon stressing the virtues of the heiress, her wisdom, and her link to male bravery, combining the masculine and feminine characteristics of Jupiter, Mars, Neptune, Minerva with Truth, Security, Action, Consideration, Prosperous life, Justice, Magnanimity and Mercy, Peace, Loyalty, the Golden age and Glory.

The inclusion of planets in the coronation ceremony should be treated in the broader context of the monarchical semiotics of the early baroque period, in which the image of Orpheus, transcending earthly laws and conquering death, was widely used: Orpheus's marriage is celebrated by nature in its entirety in Stefano Landi's opera *La Morte d'Orfeo* (1619), in which hills, forests, the moon, and the sun rejoice. In the case of Elizabeth, the Orphean element of total universal joy transmits the image of the Empress's heroic dominance deriving from the Christian legitimacy of the ruler. Later during her reign, the demand for the spectacle was growing, and the 1914 volume, *History of the Russian Theatre*, retrospectively described the age of Elizabeth as a period of intense operatic and drama production.⁶¹ The Empress actively used Italian pastoral drama in court festivities, supporting the first Russian opera birth, *Tsefal i Procris* (1755), with a libretto by Sumarokov and music by Francesco Araja.

Smaller elements also feature, such as a pelican as a symbol of sacrifice, a swallow predicting spring, a white lily stressing absolute beauty, and various trees and flowers heading towards the sun, representing absolute good and the source of life. Feminine elements of motherhood, caring and feminine beauty are present,⁶² though the dominance of solar-masculine symbolism is evident in the arch's structure, stressing the ruler's military functions.

Elizabeth's image was constructed through three layers of European baroque glorification strategies applied in various arts, demonstrating the intense transfer of Western practices and discourses of absolutism. Images from the Old Testament, such as the bellicose virgin securing peace and saving her people through symbolic sacrifice by daring to take the throne and the Christian 'medieval section' of the image, connecting the ruler

⁵⁹ *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov*, 132.

⁶⁰ *Ibid.*, 132–133.

⁶¹ V.V. Kallash, and N.Ye. Efros, eds. *Istoriia russkogo teatra*, vol. 1 (Moscow: Ob''edinenie Publ., 1914), 103.

⁶² *Obstoiatel'noe opisanie torzhestvennykh poriadkov*, 134.

with the God in supreme intimacy of the defender of the faith on earth powered by baroque images of immortal male heroes and goddesses who interact with the universe in their hagiography and are both present in the representative body of the Empress. These three parts of the image also produced a double-gendered Empress, a masculine actor in a feminine body, transcending the borders and uncovering and adding feminine virtues to the ruler's two genders.

Conclusion: Closing the gap of legitimacy

The double-gendered image of a new Orthodox Empress, created in the coronation book, especially in the Archbishop of Novgorod's sermon, depicts an absolute ruler who seized power from the legitimate ruler of German origin, Anna Leopoldovna, which was made illegitimate in the discourse of returning to the actual, God-given kingdom of order and stability. This image closed a legitimacy gap for Elizabeth's rule, supported by the church as a natural order of things, and an exodus. Coming to power after a coup, which was interpreted in terms of the recovery of power, promising various marvels to loyal Russians, the new Empress was defined as Astrea, a mythological virgin signifying the return of the Golden Age in a plot close to the Florentine 'infernal' intermedia of early Italian absolutism, also popular at the Russian court. Concurrently, Elizabeth's political body underwent various transformations, formed in the language of Russian Orthodoxy.

Our analysis of the image of the new Empress in the coronation book offers three major findings. *Masculine femininity* in the image of the Empress secured the militant functions of the Russian absolutism, providing stability to the image of a warrior – based on the ancient image of an Amazonian – who is able to expand state borders and secure the empire's growth and enjoys leadership over the army (i.e. guards who helped the princess come to power in November 1741 and who, according to her, called her to come to power, which helped end the disturbances of the previous reign). Through her bond with the army, Elizabeth became masculine in her proactive geopolitical functions as a defender of the peace. That was one of the main mythological functions of Astrea and was present in ruler imagery since Emperor Augustus, who made use of epic verse and created himself an image of a bearer of the peace in his memoirs.

Nonetheless, Elizabeth remained a caring mother to the Russian people through her traditional feminine mercy. As an heiress to the legendary male ruler, Elizabeth regained the stability of westernization that had been established less than three decades earlier by her father, and partly withdrawn by aristocratic elites after his death during the short reign of his grandson Peter II, symbolically returning to the pre-reform period of the Old Moscovite state by leaving St. Petersburg and transferring the court and capital to Moscow. Following the image of the queen virgin, Elizabeth became the absolute ruler as a virgin who secured an heir to the throne. Both Elizabeths secured a male ruler-relative during their own rule without giving up their image of virginity.

Russian Orthodoxy was involved as an additional legitimization instrument to link Western imagery with the local traditional religious culture and secure the enlightened version of the political theology of absolutism. Our analysis identified the interests of various groups and the dominance of terms of nature and happiness in the politics of absolutism. This combination reveals Russian absolutism as a political culture that attempted to create legitimacy of power based on elements of ethnic identity as early as the first half of the 18th century. This can be defined as cultural and religious proto-nationalism with Orthodoxy as the Russian religion and Moscow as the spiritual center of the absolutism. It shaped a dual space with St. Petersburg as the patrimony of Peter I, the ruler who brought in the new age and whose daughter, as the royal message stated, rescued it from the political chaos. This proto-nationalism had been developed in the frame of the patriotic discourse of the coup, reviving the ruler's Russianness, both in terms of her origin and

her politics. Patriotic elements included ethnicity or stories of an origin from pre-Petrine Russian rulers, loyalty to Orthodoxy and the geopolitical paradigm of the empire expansion. Thus, the political theology of absolutism was integrated into the patriotic discourse on the Russianness and true nature of the new government. The new court party, which carried out the coup, used the baroque poetics of conflicting oppositions to draw a conflict between foreign (German) darkness and native light (the Russian Empress). Both categories were defined in Ambrosii's sermon as religious events, Russia's collective religious guilt, and its return to the true faith, declaring that a collective redemption occurred during the coronation. As an element of patriotic discourse, xenophobia was not among the allegoric statues but was present in the ideology of the true Russian rule of Elizabeth. This study's findings support the need to expand the chronological and cultural borders of Russian nationalism, which has traditionally been associated with the second half of the nineteenth century,⁶³ into the absolutist period of the first half of the 18th century.

In the text and images of the coronation, political change was defined as the source of trouble. The meaning of change was reversed during the coronation rituals: the sermon in the coronation book refers to true and false changes, the former being those established by Peter I, gaining the status of stability which should remain unchanged, and the latter being the result of a troublesome rule before the coup of 1741, that is, the source of chaos.

Submitted / Поступила в редакцию: 05.11.2021

Approved after reviewing / Одобрена после рецензирования: 25.01.2022

Accepted for publication / Принята к публикации: 01.02.2022

References

- Bachmann-Medick, Doris. *Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Hamburg: Rowohlt's Enzyklopädie, 2007.
- Baehr, Stephen Lessing. *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Beniamin, Valter. *Proiskhozhdenie nemetskoi barochnoi dramy*. Moscow: Agraf Publ., 2002 (in Russia).
- Cohen, Gary B., and Szabo, Franz A.J., eds. *Embodiments of Power: Building Baroque Cities in Europe*. New York and Oxford: Berghahn Books, 2008.
- Dmitriyeva, Marina E. *Italiia v Sarmatii: Puti Renessansa v Vostochnoi Evrope*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015 (in Russia).
- Etkind, Aleksandr. *Vnutrennyaya kolonizatsiya: imperskii opyt Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013 (in Russia).
- Geertz, Clifford. *Interpretation of Culture. Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973.
- Hanovs, Deniss. "Imperial Myth Broadcasted: An Analysis of Putin's Ceremonial Communication on Russia's Past. The Case of Annexation of Crimea." In Gubenko, Igors, Hanovs, Deniss, and Malahovskis, Vladislavs eds. *The New Heroes. The Old Victims. Politics of memory in Russia and the Baltics*, 30–49. Riga: Zinātne, 2016.
- Kallash, V.V., Efros, N.Ye. eds., *Istoriia russkogo teatra*, vol. 1. Moscow: Ob''edinenie Publ., 1914 (in Russia).
- Keenan, Paul. *St. Petersburg and the Russian court 1703–1761*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020 (in Russia).
- Korndorf, Anna. *Dvortsy khimery: illyuzornaya arkhitektura i politicheskiye allyuzii pridvornoy stseny*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011 (in Russia).
- Kurukin, Igor. *Epokha 'dvorskikh bur'*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2019 (in Russia).
- Levit, Markus. *Vizual'naia dominanta v Rossii XVIII veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015 (in Russia).

⁶³ Alexei Miller, "The Romanov Empire and the Russian Nation," *Nationalizing Empires* (Budapest and New York: Central European University Press, 2015), 309–368; Aleksandr Etkind, *Vnutrenniaia kolonizatsiya: imperskii opyt Rossii* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013).

- Louthan, Howard. "Religious Art and Formation of a Catholic Identity." In Cohen, Gary B., and Szabo, Franz A.J., eds. *Embodiments of Power*, 53–79. New York and Oxford: Berghahn Books, 2008.
- Maravall, José A. *Culture of the Baroque: Analysis of a Historical Structure*. Manchester: Manchester University Press, 1986.
- Marker, Gary. *Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2007.
- Miller, Alexei. "The Romanov Empire and the Russian Nation." In *Nationalizing Empires*, 309–368. Budapest and New York: Central European University Press, 2015.
- Ogarkova, Nataliya. *Tseremonii, prazdnestva, muzyka russkogo dvora*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2004 (in Russia).
- Ospovat, Kirill. *Pridvornaia slovesnost': institut literatury i konstruktssii absoliutizma v Rossii sere diny XVIII veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020 (in Russia).
- Ospovat, Kirill. *Terror and Pity: Aleksandr Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia*. Boston: Academic Studies Press, 2016.
- Proskurina, Vera. *Imperiia pera Ekateriny II*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017 (in Russia).
- Proskurina, Vera. *Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006 (in Russia).
- Stetskevich, Elena S. "The Role of Academy of Science in the Creation of Empress Anna Ioannovna Coronation Album." *Administrative Consulting* 73, no. 1 (2015): 118–127 (in Russia).
- Stróbl, Erzsébet. "Queen Elizabeth and the 'Judgement of Paris'." *Anachronist* 18, no. 2 (2018): 207–228.
- Uspenskij, Boris, and Zhivov, Victor. *'Tsar and God': and Other Essays in Russian Cultural Semiotics*. Boston: Academic Studies Press, 2012.
- Wortman, Richard. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*. Princeton: Princeton University Press, 2006.
- Zorin, Andrei. *Kormia dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennaia ideologija v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001.

Информация об авторах / Information about the authors

Денис Хановс, д-р гуманитарных наук, профессор, Латвийская академия художеств; 16 Dzirciema iela, Rīga, LV-1007; deniss.hanovs@rsu.lv

Deniss Hanovs, Dr. art., Professor at the Latvian Academy of Arts; 16 Dzirciema iela, Rīga, LV-1007; deniss.hanovs@rsu.lv

Валдис Тераудкалнс, канд. теологических наук, профессор, Латвийский университет; Raiņa bulvāris 19, Rīga, LV-1586; valdis.teraudkalns@lu.lv; <https://orcid.org/0000-0003-2367-2398>

Valdis Teraudkalns, Ph.D. in theol., Professor of church history and history of religions at the University of Latvia; Raiņa bulvāris 19, Rīga, LV-1586; valdis.teraudkalns@lu.lv; <https://orcid.org/0000-0003-2367-2398>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-275-287>

Научная статья / Research article

Феномен коррупции в законодательстве и восприятии российского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в.

Павел Сергеевич Муравлев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ muravlevpavel13@gmail.com

Аннотация: На основе анализа содержания понятия «коррупции» в законодательных актах и нормативных документах, а также источниках личного происхождения выявляется и раскрывается противоречивое отношение дворянства к коррупции, получившему широкое распространение в чиновничьей среде. Подчеркивается, что некая амбивалентность в его восприятии вытекала из нечеткого определения понятия коррупции в официальных документах, противоречивого отношения самого государства к правонарушениям со стороны чиновничества. В итоге несоответствие между преступным деянием и мерой наказания за него зачастую размывало в дворянской среде границы дозволенного. Кроме того, двойственность восприятия коррупции в своей глубинной основе являлась следствием столкновения пережитков традиционного родового сознания с модернизационными процессами, ведущими к утверждению в дворянском сообществе идей и ценностей Просвещения, прежде всего, чести и достоинства личности. Свою роль сыграл и нарастающий прагматизм российского общества, все чаще вступающий в противоречие с принципом честного служения государству.

Ключевые слова: должностные преступления, государственная служба, чиновничество, законодательство

Для цитирования: *Муравлев П.С.* Феномен коррупции в законодательстве и восприятии российского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 275–287. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-275-287>

Phenomenon of Corruption in Legislation and Perception of the Russian Nobility of the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Century

Pavel S. Muravlev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

✉ muravlevpavel13@gmail.com

Abstract: The article examines the attitude to the phenomenon of corruption by the state and its perception by the Russian nobility of the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries. Based on the phenomenological analysis of the corruption concept in legislative acts and regulatory documents, as well as sources of personal origin, the article reveals the contradictory attitude of the nobility to corruption, which has become widespread in the environment of the officials. It is emphasized that a certain ambivalence in its perception stemmed from the unclear definition of corruption in official documents as well as contradictory attitude of the state to offenses on the part of officials. As a result, the discrepancy between the criminal act and the measure of punishment often blurred the boundaries of what was permissible in the noble environment. In addition, the duality of the corruption perception in

© Муравлев П.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

its deep basis was the collision result of the traditional tribal consciousness remnants with modernization processes, leading to the affirmation of the Enlightenment ideas and values, primarily the honor and dignity of the individual, in the noble community. The growing pragmatism of Russian society, which increasingly conflicted with the principle of honest service to the state, also played a role.

Keywords: malfeasance, civil service, bureaucracy, legislation, Enlightenment

For citation: Muravlev, P.S. “Phenomenon of Corruption in Legislation and Perception of the Russian Nobility of the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 275–287. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-275-287>

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем влиянием, которое оказывает этос элиты на ценностные установки общества, систему его управления и связи с государством. Особое место в мировосприятии и практической деятельности доминирующей социальной группы занимает ее отношение к коррупции, ставшей в России, согласно устоявшемуся мнению, одним из элементов функционирования государственного аппарата. В знаменитом ответе Н.М. Карамзина на вопрос: «Что делается в России?», – «Крадут»¹, – скрывается не только констатация самого явления, но его восприятие общественным сознанием как некоей обыденности.

Особую остроту проблема коррупции приобрела в современной России из-за двойственности ее восприятия. Дискредитируя сложившуюся систему управления, вызывая социальную нестабильность, неся в себе угрозу безопасности для всей страны, она воспринимается как неизбежное историческое зло, и, мимикрируя, утверждается в определенном сегменте общественного сознания как инструмент достижения собственных целей.

Научное значение темы статьи определяется необходимостью использования при ее разработке современных подходов, заимствованных из арсенала социокультурной истории.

По мере превращения российского дворянства в привилегированное сословие и формирования под воздействием идей Просвещения его духовных ценностей взяточничество как национальная форма коррупции становится объектом размышлений части интеллектуальной элиты страны. Князь М.М. Щербатов в своем труде «О повреждении нравов в России» прямо заявлял, что на протяжении всего XVIII в. коррупция в России развивалась и расцветала: даже судьи перестали опираться на букву закона, и начали «продавать» правосудие².

Следует заметить, что истоки «нравственной порчи» он находил как в природе людей, с их стремлением к беспорядочному удовлетворению своих прихотей, так и во влиянии западных идей и нравов, проникших в Россию с реформами Петра I³.

Описание коррупционных преступлений представил С.М. Соловьев, правда, не ставивший перед собой задачу рассмотрения отношения к данному явлению со стороны дворянства⁴. О широком распространении коррупции, ссылаясь на материалы, собранные И.Т. Посошковым, писал В.О. Ключевский⁵.

Специальные исследования о дворянской службе в XVIII в. провели С.М. Троицкий, П.А. Зайончковский и И.В. Фаизова. В своих работах они затронули проблему причин распространения коррупции среди чиновников, отводя решающую роль экономическому фактору⁶.

¹ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. СПб., 1883. Т. 8. С. 113.

² Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М., 1991. С. 8–9.

³ Там же. С. 21–22.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 книгах. Кн. XIV. М., 1994. С. 8–20.

⁵ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 4. Ч. 4. С. 132

⁶ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. С. 266; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.,

Особое место в историографии темы исследования занимают работы Е.Н. Марасиновой, в которых она уделяет значительное внимание концепту дворянской чести и его влиянию на мышление и жизнь дворянина, а также определяет отношение дворянства к некоторым коррупционным явлениям⁷. Впрочем, исследователь рассматривает лишь элиту российского дворянства, практически не затрагивая иные слои дворянского общества. Любопытна работа, опубликованная в сборнике «Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века»⁸. Исследователь, анализируя антикоррупционные указы, «законодательные казусы» и судьбы их «героев», показывает связь официального и частного, закона и реальных практик коррупции.

Весомый вклад в разработку темы внесли исследования Е.С. Корчминой и Л.Ф. Писарьковой, посвященные проблеме соотношения «взятки» и «почести». Историки, используя уникальные архивные материалы, сумели определить границы между «легальной» и «нелегальной» взяткой, была рассмотрена эволюция административной системы и чиновничества в России⁹.

В ряде современных диссертационных исследованиях их авторы специально рассмотрели распространение феномена коррупции на государственной службе¹⁰.

Представленные работы имеют принципиально важное значение в изучении эволюции системы государственных органов, состава чиновничества, его происхождения и положения – социального, политического и экономического. Однако вопрос коррупции в этих работах рассматривается не столько с точки зрения отношения самих служащих к коррупции, сколько с позиций развития антикоррупционного законодательства.

Для определения методологии исследования дворянского самосознания использовались материалы работы уральских историков¹¹. Представленный в коллективной монографии подход исследования «социального» через различные вербальные и невербальные маркеры позволяет проследить не только властный дискурс в процессе формирования границ различных социальных явлений, но и определить потребность общества в тех или иных явлениях, степень легитимации их в обществе, фактическое, а не номинальное отношение общества к ним.

1978. С. 72–76; Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 48–51.

⁷ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999.

⁸ Марасинова Е.Н. «Приключения, в свете бывающие»: Эпизоды повседневной жизни провинциального дворянина второй половины XVIII века (по Полному собранию законов Российской империи): Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2021. С. 523–549

⁹ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3; Писарькова Л.Ф. К истории взятки в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII – до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы. М., 2007; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощения. М., 2012; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М., 2019; Корчмина Е.С. «В честь взятки не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России // Российская история. 2015. № 2. С. 3–13.

¹⁰ Гущева Н.В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006; Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX вв.): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015; Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022; Метушевская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Петровский И.В. Этнос российского чиновничества: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2013.

¹¹ Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования: монография / под ред. Д. А. Редина. СПб., 2018. С. 127–264.

Актуальность темы и существующие пробелы в отечественной историографии побуждают обратиться к ее рассмотрению. В основе данного исследования лежат традиционные методы и принципы научного исторического познания. Кроме того, использовался феноменологический анализ и социокультурный подход. Хронологические рамки исследования были выбраны нами не случайно: вторая половина XVIII – первая четверть XIX в. является переломным периодом в развитии дворянского сословия и его ментальности: освобождение от обязательной службы, закрепление статуса благородного сословия, создание основ для развития гражданского самосознания элиты общества в виде дворянского самоуправления и дворянских собраний, распространение идей Просвещения определили изменения в отношении дворянства к государственной службе и коррупции.

Для определения отношения государства к коррупции были проанализированы все антикоррупционные законы с 1762 по 1825 г. Проблемы реальных практик их использования вскрываются при анализе ряда коррупционных дел фонда Московской палаты уголовных дел, хранящегося в Центральном государственном архиве г. Москвы.

Феноменологический анализ предполагает всестороннее рассмотрение явления, что требует обращения к мемуарам и автобиографиям представителей различных слоев дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. В связи с этим в статье рассматриваются опубликованные мемуары и труды элиты российского дворянства: С.Р. Воронцова, Ф.Ф. Вигеля, И.И. Дмитриева. Занимая важные государственные посты, эти дворяне представили в своих мемуарах взгляд элиты дворянства на масштабы коррупции в России и отношение к этому феномену, что позволяет выявить вербальные и невербальные маркеры этой социальной общности в отношении к коррупции. Для определения отношения к коррупции рядового чиновничества были взяты мемуары Г.И. Добрынина, чьи воспоминания изобилуют примерами коррупции в провинции. Обращение к этим примерам показывает степень вовлеченности чиновничества в коррупционные преступления и реакцию со стороны государства и общества на эти действия. Также мемуары Г.И. Добрынина показывают взгляд на коррупцию в провинции чиновника, происходившего не из дворянского сословия. В первую очередь представляют интерес те воспоминания, которые подаются как «исповедь»: в них Г.И. Добрынин упоминает о собственных коррупционных преступлениях.

Цель исследования заключается в определении отношения государства к феномену коррупции и особенностей восприятия этого феномена дворянством, находившимся на государственной службе. Понимая, что дворянство не является монолитным сословием, мы ставим задачей осветить коррупционные явления и дать характеристику отношения к коррупции как среди элиты дворянства, так и среди рядового провинциального чиновничества.

Преступление без наказания

Чиновники – это кровь государственного механизма, обеспечивающая его функционирование и взаимодействие с обществом. Численность всех служащих (включая низших служащих и вспомогательный персонал) составляла в 1763 г. 16 504 чел., но конкретно чиновничество включало в себя 1344 чел., из них потомственных дворян – 541 чел.¹² К 1775 г. численность служащих увеличилась до 49 тыс. чел., количество чиновничества также существенно увеличилось¹³.

На рубеже XVIII–XIX столетий с учетом сокращения количества губерний и уездов в результате реформы Павла I общее количество служащих сокращается по

¹² Писарькова Л.Ф. Государственное управление России... С. 354–358.

¹³ Там же. С. 432.

разным оценкам до 30–38 тыс.¹⁴ В середине XIX в. наблюдается стремительная бюрократизация государства: с 1847 по 1857 г. численность чиновников возросла с 61 548 до 90 139 чел., большая часть – чиновники низких классов (XIV–IX)¹⁵.

Вопрос состава и происхождения чиновников остается предметом, требующим отдельного исследования. Но отметим: недостаточное количество чиновников на местах во второй половине XVIII в. обусловило нехватку административного ресурса для борьбы с коррупцией, а резкий рост чиновничества после губернской реформы и в первой четверти XIX в. за счет проникновения на государственную службу недворян – к бюрократизации государственного аппарата и увеличению числа случаев коррупции.

Второй препоной на пути правосудия стала проблема возбуждения уголовного дела и начала судебного разбирательства. Основным механизмом возбуждения дел стали жалобы на взяточничество чиновников. Но они поступали лишь в тех случаях, когда взятка не приводила к решению проблемы или вела к разорению просителя. Предписания начальства, рапорты должностных лиц, анализ отчетной документации и ревизии приводили к инициации не так часто, но и в этом случае раскрываемость была низкой¹⁶. Те дела, которым государство давало ход, были лишь верхушкой коррупционного айсберга.

После проведения губернской реформы 1775 г. ситуация с расследованием коррупции еще более осложнилась: с увеличением числа чиновников и канцеляристов появляется коллективная коррупция¹⁷. Чиновники разных уровней покрывали друг друга и использовали бюрократические механизмы, чтобы скрыть свои преступления.

Государство оказалось не способно и не заинтересовано в масштабной борьбе с коррупцией, именно поэтому использовало ее в своих интересах: периодически возвращающиеся практики кормлений, с одной стороны, способствовали распространению коррупции, а с другой, – снижали расходы казны. Учитывая эти особенности взаимоотношений государства и служащих, видится необходимым определить, какое содержание вкладывало государство в феномен коррупции?

Анализ статей второй половины XVIII – первой четверти XIX в., посвященных коррупции, показывает, что издаваемые законы носили по большей части характер «моралите». Законы о коррупции, издаваемые при Екатерине II, включали в себя воззвания к совести и чести служащих. Законодательство использовалось как способ антикоррупционной пропаганды, это видно в указе от 24 августа 1762 г.¹⁸ Указы, подобные этому, были построены по традиционным литературным лекалам. «Завязка» – указание на тяжкие последствия деяния и суровость наказания в прежние времена: с ссылкой на указ Петра I отмечается – «кто дерзнет сие учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован и из числа добрых людей извержен или и смертью казнен будет»¹⁹. «Кульминация» – описание преступления, за что и как брал взятки наш «протагонист»:

Коллежский советник Василий Шокуров Гребенского войска с Атамана и писаря, которые приезжали для принятия на оное войско жалованной суммы, взял тулуп Калмыцкой и голову сахару и... подлежал положенному в означенном 1714 года указе штрафу²⁰.

¹⁴ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России... С. 506.

¹⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. С. 68–69.

¹⁶ Плех О.А. Должностные преступления в местном аппарате управления первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Российская история. 2015. № 2. С. 14–17.

¹⁷ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России... С. 475.

¹⁸ ПСЗ. I. Т. XVI. № 11667.

¹⁹ Там же. № 11656.

²⁰ Там же.

И, наконец, «развязка» – завершение дела с относительно счастливым концом:

...по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующий Сенат Приказали его Шокурова от показанного штрафа облегчить, а токмо более ни к каким делам не определять²¹.

В конце указа мог быть морализаторский вывод о милосердии и раскаянии, призывавший взяточников и казнокрадов сознаваться в преступлениях для смягчения ответственности. Очевидно, что подобные указы составлялись с целью привлечь внимание к проблеме коррупции, напомнить о ее преступности и показать милосердие императорской власти.

Пропагандистская ценность законодательства разбивалась о недостаточное обеспечение законов юридической ответственностью. Ю.М. Лотман отмечает, что из-за многочисленных переизданий одних и тех же указов законы екатерининского периода были скорее символическими, нежели пригодными к исполнению²². По мнению Л.Ф. Писарьковой, с приходом к власти Екатерины II борьба с коррупцией начинает проводиться более активно. Но и она указывает на то, что Сенат рассмотрел в 1767 г. 56 коррупционных дел, закончившихся по большей части лишь дисциплинарным наказанием²³. По мнению О.А. Плех, на местах судебные учреждения не стремились сурово карать коррупционеров, пытаясь минимизировать наказание²⁴.

На рубеже столетий и в первой четверти XIX в. ситуация с антикоррупционным законодательством не изменилась. Павел I, при всей своей радикальной строгости и жесткости, смягчает законодательство о коррупции, – достаточно вспомнить указ о фактическом возврате кормлений в Эстляндской губернии²⁵.

Александр I тоже не прослыл активным борцом с коррупцией. В 1802, 1809 и 1811 гг. были изданы указы о противодействии коррупции, которые лишь подтверждали указы Петра I и Екатерины II.

Законодательные нормы являются важным источником, позволяющим определить, каким содержанием государство наполняло эти термины. Эпитеты, синонимы и коннотации становятся маркерами, которые наглядно показывают отношение к тому или иному феномену.

В законах получают отражение наиболее распространенные явления коррупции, к ним относились казнокрадство, «мздоимство» и «лихоимство». Но в законодательстве рассматриваемого периода, ввиду особенностей его развития, отсутствуют четкие рамки этих феноменов, что приводило к взаимозаменяемости этих понятий.

Размытость границ коррупции в законодательстве приводила к тому, что само понятие взятки оставалось многослойным: с одной стороны, государство законодательно определяло модели «коррупцированного» поведения и содержание понятия, с другой, – даже в условиях официального запрета при Екатерине II²⁶ и Александре I²⁷, продолжали сохраняться традиции кормлений²⁸ и в расходно-приходных книгах по вотчинам были статьи о расходах на подобные «почести» чиновникам²⁹. В результате схожие по форме и целям понятия «взятка» и «почесть» в восприятии просите-

²¹ ПСЗ. I. Т. XVI. № 11656.

²² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII – нач. XIX в.). СПб., 1994. С. 44.

²³ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России... С. 386.

²⁴ Плех О.А. Должностные преступления... С. 29.

²⁵ ПСЗ. I. Т. XXVI. № 19266.

²⁶ Там же. Т. XVI. № 11988.

²⁷ Там же. Т. XXVII. № 20030; Т. XXXII. № 25028; Т. XXXVII. № 28715.

²⁸ Корчмина Е.С. «В честь взяток не давать»... С. 3–13.

²⁹ Там же.

ля различались по своему содержанию. В первом случае проситель воспринимал ситуацию как вымогание денег против его воли, во втором – как добровольное пожертвование для продвижения дел. Грань восприятия «взятки» и «почести» была тонкой и определялась взаимодействием сразу двух субъектов в рамках этих отношений: даже небольшое превышение традиционных норм «почестей» могло привести к тому, что «подношение в честь» превратиться во «взятку»³⁰, а проситель обратиться с жалобой в государственные органы, для которых все описанные процессы однозначно были преступными.

Амбивалентность содержания «взятки» определялась динамикой принципов дворянской службы³¹. Заложенный Петром I базис обязательного денежного обеспечения государственной службы с течением времени несколько раз трансформировался от полной экономической зависимости чиновника от государства до экономического самообеспечения за счет «челобитников», то есть фактического восстановления практики кормлений.

В проанализированных нами законах второй половины XVIII – первой четверти XIX в. термины «лихоимство» и «мздоимство» часто употребляются в одном терминологическом ряду с уголовными категориями деяний «грабительство», «разбой» или «грабеж»³². Очевидно, что содержательная компонента деяний схожа по своей сути: воровство из казны государства все еще остается воровством, вымогательство взятки все еще остается вымогательством.

В основе пропаганды лежала просвещенная идея «общего блага», в которой взятки и казнокрадство есть «зло». Этот термин употребляется практически в каждой статье, которая связана с очередным запрещением коррупции³³. «Злом» взятка, согласно законодательству, является потому, что нарушает общественные интересы и приводит к «разорению», «нищенству» и «притеснениям», а люди, которые желают обогатиться таким образом, «не помышляют о добре общем»³⁴.

Эмоциональная окраска и негативная коннотация этого преступления («богомерзкое», «ужасное», «скверное лакомство», «пагубная страсть», «насилие»³⁵, «вкоченившийся порок»³⁶, «гноусное»³⁷, «пагубное», «язва»³⁸) очевидно, призвана усилить «увещевания» императрицы, и ровно с той же целью взяточничество обозначается противным Богу преступлением и нарушением присяги³⁹.

Третьим пластом, который вбирает в себя понятие «взятки», является пласт корпоративный. Коррупция антагонистична чести дворянина, достоинству человека. В уже упомянутом указе от 15 декабря 1763 г. говорится, что взяточник «не только из числа честных, но из всякого рода человеческого истреблен будет»⁴⁰. Об этом же говорят санкции к взяточникам в уже упомянутом выше указе от 24 августа 1762 г.⁴¹

Ситуация с определением феномена казнокрадства в рамках законодательства представлялась более сложной. В некоторых случаях следствию было крайне сложно доказать преднамеренность утраты бюджетных средств.

³⁰ Корчмина Е.С. «В честь взяток не давать»... С. 9.

³¹ Метушевская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв. С. 45–51.

³² ПСЗ. I. Т. XVI. № 11988; Т. XVI. № 11667.

³³ Там же. Т. XVI. № 11616; Т. XVII. № 12781; Т. XXVII. № 20372; Т. XXVII. № 20516.

³⁴ Там же. Т. XVI. № 11988.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Т. XVII. № 12781.

³⁷ Там же. Т. XXVII. № 20372.

³⁸ Там же. № 20516.

³⁹ Там же. Т. XVI. № 11616.

⁴⁰ Там же. № 11988.

⁴¹ Там же. № 11656.

Именно с этой точки зрения любопытно дело коллежского регистратора, рекрутского комиссара Петра Николаева об утрате двух с половиной тысяч рублей казенных рекрутских денег⁴². В 1806 г. Николаев был уличен в подделке рекрутских квитанций, записывая в них выплаты натуральным оброком, при этом взывая с плательщиков деньги. Когда это обнаружилось, Николаев, по версии следствия, изымает из опечатанного сундука деньги, рапортуя начальству, что они находятся в казне, и бежит в Москву. Но с помощью управы благочиния его находит следствие. Николаев дает противоречивые показания, заявляя, что денег он никогда не видел, их не брал, и, наконец, что потерял их уже в Москве. Следствие предполагало, что деньги не потеряны, а растрочены регистратором на собственные нужды. Но доказать это не удалось. Петр Николаев был отстранен от должности и обязан своим имуществом возместить утрату двух с половиной тысяч рублей⁴³. Дело Николаева показывает, что за «неумышленным начетом» вполне может стоять холодный расчет и коррупционные махинации.

В то же время это дело служит примером трудностей, с которыми государство сталкивается в уголовном процессе. За неимением признания вины следствие по делу могло затягиваться: суд требовал предоставления «совершенных», неоспоримых доказательств, а это означало доскональное рассмотрение всех показаний, письменных доказательств, которые признавались недействительными при малейшем несоответствии. Полицейские чиновники были загружены бумажной работой и крайне неохотно и медленно вели следствие⁴⁴. Но даже если факт казнокрадства доказать не удалось, факт исчезновения денег был неоспорим. Дело было фактически перевалифицировано из «казнокрадства» в «утрату».

Эта особенность судебного процесса прослеживается в другом деле, о вымогательстве взятки коллежским регистратором Григорием Калягиным у Василия Сергеева, служителя вдовы московского полковника. Следствие по делу не обнаружило никаких доказательств вымогательства взятки, а единственным свидетельством стал донос Сергеева, под которым он готов был дать присягу. Но поскольку под своими показаниями присягу был готов дать и регистратор Калягин, возникла патовая ситуация⁴⁵. За неимением признания вины или более весомых доказательств обвинения с регистратора Калягина были сняты, а следствие прекращено⁴⁶.

Принцип «совершенных» доказательств затруднял процесс судебного следствия. Конечно, в ряде случаев для дворянина-коррупционера дело заканчивались обвинительным приговором, но остается лишь предполагать, сколько реальных фактов коррупции остались безнаказанными.

Итак, терминология коррупционных деяний в исследуемый нами период не нашла четкого определения. Сами термины «мздоимство», «лихоимство» и пр. остаются размытыми, а, следовательно – взаимозаменяемыми. Вводя в содержание этих терминов уголовное основание, государство и не стремится применять жесткие формы юридической ответственности к коррупционерам и не обладает для этого достаточными ресурсами. Отсутствие административного ресурса для борьбы с коррупцией, сложность возбуждения уголовного дела и жесткие требования судебного процесса в отношении доказательств коррупции, отсутствие четких дефиниций, круговая порука – вот условия борьбы с коррупцией во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. Систематическая борьба сводится к переизданию законов,

⁴² Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 50. Оп. 8. Д. 132. Л. 143–152.

⁴³ Там же. Л. 326.

⁴⁴ Плех О.А. Коррупция в местном управлении... С. 769–771.

⁴⁵ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 9. Д. 164, Л. 34–37.

⁴⁶ Там же. Л. 40–41.

что характеризует их символическую, но не практическую сторону. Поэтому в определяемых государством категориях коррупции видится существенное противоречие между содержательной и правовой стороной: преступность деяния очевидна, а наказание за него хотя и предусмотрено, но реализуется государством редко и неохотно.

«Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве»⁴⁷

Вербализированные маркеры, заключенные в нормативно-правовых актах, предстают лишь одним из средств определения феноменов социального и их будет явно недостаточно для того, чтобы определить, как феномен коррупции воспринимался государственными служащими? Какое содержание они вкладывали в него?

Российское дворянство изучаемого периода не было единым в своем отношении к государству и службе. Но, несмотря на плюрализм идеологий от крайнего консерватизма и традиционализма до либерализма, дворянство сходится во мнении об усугублении коррупции. Уместно вспомнить и труды М.М. Щербатова, в которых прямо говорится о бесчестье коррупционеров, и произведения Д.И. Фонвизина, в которых коррупция высмеивается: «...взятки и запрещать невозможно. Как решить дело даром, за одно свое жалованье? Этого мы как родились и не слыхивали! Это против природы человеческой...», – произнесет Советник, один из героев комедии «Бригадир» Д.И. Фонвизина. Проводя в пьесе границу между добром и злом, добродетелью и порочностью, Д.И. Фонвизин тем самым проводит границу между просвещенным дворянством и дворянами-традиционалистами.

М.М. Щербатов отмечает:

Чины стали все продажны... <...> ...Логинов, бывший откупщик, и не токмо вор по откупам, но и приличившейся в воровстве комисариатской суммы, чины штапския получил. Фалеев, в подрядах с государем взимая везде тройную цену, не токмо сам штапския чины и дворянство получил, но и всех своих прислужников в штап-офицеры и в офицеры произвел⁴⁸.

Элита дворянства, имеющая доступ к высшим государственным должностям, а значит и к высокому жалованию, не была лишена склонности к нечестной наживе. О злоупотреблениях аристократии не раз говорили современники. Так, М.М. Щербатов, давая оценку Р.И. Воронцову, отмечал, что граф был нечист на руку, и не переставал брать взятки даже когда был поставлен губернатором Владимирской губернии. По его ироничным словам, «...Но сокрыты оные были от государя⁴⁹, который токмо двознаменующем знаком: присылкою большого кошелька его укорил»⁵⁰. Заслуживает внимания суждение автора о том, что императрица была осведомлена о казнокрадстве и взятках среди чиновников, что подтверждает описанный в этом политическом анекдоте подарок.

Об Александре Романовиче Воронцове современники отзывались также, как и об отце. По словам Ф.Ф. Вигеля, прославился граф таким «бесстыдным грабительством», что императрица «принуждена была его выгнать» с места президента комерц-коллегии, а «Павел Первый никогда не хотел его употребить»⁵¹.

⁴⁷ Грибоедов А.С. Горе от ума. Издание второе, дополненное / под ред. Н.К. Пиксанова, А.Л. Гришуниной. М., 1987. С. 48.

⁴⁸ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. С. 62–63.

⁴⁹ Очевидно, автор называет государем Екатерину II, т.к. речь идет о злоупотреблениях графа Воронцова в должности Владимирского наместника. Владимирское наместничество появляется лишь в 1778 г., первым наместником стал как раз Р.И. Воронцов.

⁵⁰ Там же. С. 88–89.

⁵¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т. 1. С. 157–158.

Сам Александр Романович отмечал:

непомерная роскошь, послабление всем злоупотреблениям, жадность к обогащению и награждению участвующих во всех сих злоупотреблениях» привели к тому, что губернская реформа 1775 г. стала «почти в тягость»⁵².

Может показаться, что в отношении взяточничества представители служилого сословия и государства сходятся во мнении о пагубности этих явлений. Но на уровне реальных социальных отношений все было не столь однозначно.

Порожденная эпохой модернизации амбивалентность мышления проявлялась в отношении к протекции. Протекция не запрещалась законодательством в изучаемый нами период, но она не была свободна от коррупции: покупка чинов оставалась незаконным явлением.

Многие дворяне, рассчитывая получить какую-либо личную выгоду, использовали институт протекции. А.Т. Болотов, Г.Р. Державин, Ф.Ф. Вигель и многие другие видные дворяне так или иначе оказывались связаны с чинопроизводством по протекции⁵³. Протекция была распространенным явлением в дворянской среде, но отношение к нему неоднозначно. Е.Н. Марасинова отмечает: награды, полученные по протекции, были самими нелюбимыми для окружающих дворян⁵⁴. И если по отношению к себе протекция воспринималась как нечто само собой разумеющееся и принималась с покорностью и благодарностью, то в отношении других – как явление бесчестное.

Эту двойственность мы обнаруживаем в воспоминаниях графа С.Р. Воронцова. Вспоминая бытность свою офицером, Семен Романович использует по отношению к своему протектору (П.А. Румянцеву-Задунайскому) позитивную лексику: «удостоил взять с собою», «с похвалой упомянул о моем поведении», «с похвалой отозвался обо мне», «был так доволен мною», «упомянул... с отличною похвалою», «драгоценная особа фельдмаршала»⁵⁵ и т.д. Благодаря протекции фельдмаршала Румянцева граф Воронцов был повышен до полковника, а затем и до бригадира.

Дворяне, с помощью протекции сумевшие обойти С.Р. Воронцова по карьерной лестнице, награждаются далеко не лестными эпитетами: «он всегда втайне завидовал моему герою»⁵⁶, «удостоены бригадирского чина единственно за то, что были зрители-ми действий нашей эскадры»⁵⁷, «по прибытии своем начал придирается ко мне»⁵⁸.

Конечно, мемуары графа Воронцова – крайне противоречивый источник, и применять его стоит с большой осторожностью как минимум из-за эгоцентричных суждений автора. Но даже с учетом этого мемуары Воронцова являются наглядным источником, позволяющим проследить изменения, происходящие в сознании дворянства во второй половине XVIII – первой четверти XIX веков⁵⁹. По мнению И.В. Петровского, «утилитарная модель», базирующаяся на идеях патриотизма и блага государства, способности каждого подданного в зависимости от сословной принадлежности выполнять обязанности, возложенные на него государством, заменяется «прагматической» моделью, основанной на ориентацию на успех, признание, карьеру любой ценой.

⁵² Записка графа Александра Романовича Воронцова о России в начале нынешнего века, представленная императору Александру Павловичу, 1801 года // Архив князя Воронцова. Кн. 29. М., 1883. С. 460.

⁵³ Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. С. 66.

⁵⁴ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства... С. 101–102.

⁵⁵ Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. I. № 1–4. С. 40–41.

⁵⁶ Там же. С. 40.

⁵⁷ Там же. С. 42.

⁵⁸ Там же. С. 44.

⁵⁹ Петровский И.В. Этнос российского чиновничества. С. 56–57.

С этой точки зрения любопытны мемуары Г.И. Добрынина. Занимая должность губернского стряпчего в Могилеве, Г.И. Добрынин обнаруживает противоправную торговлю казенным мачтовым лесом, которую покрывал секретарь директора экономики Быховец. Дело не начинается: Г.И. Добрынин соглашается на взятку в 500 рублей в обмен на молчание. Однако денег наш герой так и не увидел, он и сам был обманут Быховцом, обещавшим и не выплатившим в установленный срок деньги. В ответ Г.И. Добрынин дает делу ход, однако вскоре Могилевская и Полоцкая губернии объединились, и Г.И. Добрынин был переведен на другую должность.

Анализируя эти воспоминания, можно утверждать, что причинами всех вышеописанных событий стали материальные интересы автора и обида за их нарушение. Своей целью на новой должности Г.И. Добрынин видит обогащение, о чем прямо говорит перед вышеописанными событиями⁶⁰. Оправдывает взятку чиновник своим бедственным положением: «ни стола, ни дрожек»⁶¹. Возбуждает дело Г.И. Добрынин не от осознания порочности своего поступка, а от обиды на Быховца за обман и уклонение от обещанной взятки: «был дважды обманут», «пылал только мщением за ту обиду», «я одурачен», «мое честолюбие оскорблено», «я огорчен»⁶². Отсюда и столь резкая оценка личности Быховца: «непостоянен», «неверен», «лжив»⁶³.

Но в то же время Г.И. Добрынин апеллирует к категориям чести – «честь, нравственность уступили место пороку»⁶⁴; «по закону, по чести, по нравственности я не меньше грешник»; считает, что «служба есть имя священное»⁶⁵. Очевидно, что за флером этих честолюбивых фраз и обращения к идеям и идеологам эпохи Просвещения (автор в начале главы вспоминает об исповедях Ж.Ж. Руссо и Д.И. Фонвизина) скрывается коррупционная повседневность. Это обыкновение взятки любопытно тем, что осознается чиновником как факт нежелательный, вынужденный, посягающий на целостность личности. Чиновник должен пойти на сделку с совестью: так, Добрынин ищет оправдание в материальном положении чиновников, указывая, что не корысть побудила его к взятке и даже не сама бедность как таковая, а стыд за бедность!

Такая имитация корпоративной чести наводит на следующую мысль: в категорию «честь» вкладывалось содержание гаранта непорочности, и те чиновники, которые лишь только поступили на службу, вынуждены были мимикрировать в соответствии с корпоративными нормами. Случаи коррупции выходили за рамки кодекса чести дворянина, коррупция, очевидно, была нежелательным явлением, а самих дворян-коррупционеров корпорация порицала.

В то же время в сознании элиты дворянства происходило столкновение современных и архаичных тенденций, что порождало амбивалентность восприятия коррупции. И.И. Дмитриев называет практику записи в гвардейские полки с малолетства по протекции злоупотреблением, вошедшим в обыкновение⁶⁶. Ф.Ф. Вигель пишет о дворянах, получивших чины по протекции неодобрительно, но замечает, что «и никакой большой беды от того не было»⁶⁷. В конце концов, даже Д.И. Фонвизин, сатирой высмеивающий пороки дворянства, в своих письмах из Франции, описывая практику продажи чинов в Париже, заключает: это есть «зло безмерное», но «зло нужное и неотвратимое»⁶⁸.

⁶⁰ Добрынин Г. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823: в 3 ч. СПб., 1872. С. 303.

⁶¹ Там же. С. 304–305.

⁶² Там же. С. 306.

⁶³ Там же. С. 308.

⁶⁴ Там же. С. 304.

⁶⁵ Там же. С. 307.

⁶⁶ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866. С. 38.

⁶⁷ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 298–299.

⁶⁸ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л., 1959. С. 485–486.

Трансформация этических принципов дворянства приводила к закрытости слоя чиновничества, что влияло на развитие системы государственного управления. Эти процессы были сопряжены с учащением нелегальных форм корпоративного поведения, которые не имели должного контроля со стороны государства и общества.

Итак, в конце XVIII – первой четверти XIX в. менялась этическая основа дворянской корпорации. А вместе с тем менялось и отношение к чести и достоинству дворянина, а это уже приводило к изменению отношения к коррупции в среде прогрессивного дворянства. Итог этому процессу подвел Ф.Ф. Вигель, с толикой грусти определяя будущность России: «не чины, дворянство и добродетели ведут к знатности, а богатство, единое богатство»⁶⁹.

Выводы

В ходе исследования мы пришли к выводу, что содержание, заданное государством феномену коррупции, в значительной степени было отвлеченным, оторванным от жизни, в то время как реальная практика вырабатывала различные способы использования коррупции для достижения личных, сословных или корпоративных интересов.

Государственное определение коррупции, основанное на идее «общего блага», описывало этот феномен как абсолютное зло. Однако в законодательстве данного периода отсутствуют четкие определения явлений коррупции. Их четкие дефиниции будут даны лишь во второй четверти XIX в. Отсутствие административного ресурса для борьбы с коррупцией и последующая резкая бюрократизация государства, сложности инициации дела и жесткие требования судебного процесса в отношении доказательств коррупции, отсутствие четких дефиниций, переиздания одних и тех же указов без их реального, а не показательного исполнения выдают неспособность и нежелание государства бороться с этим «злом».

Эпоха модернизации, развитие буржуазных отношений привели к формированию двойственного отношения чиновников к коррупции. С одной стороны, служащие впитывали насаждаемую в антикоррупционных законах пропагандистскую мысль об «общем благе» и «зле». С другой, – продолжал сохраняться сословный характер мышления и пережитки родового сознания. Это определяло сохранение на уровне реальных социальных практик «легальной» коррупции: протекция, фаворитизм и пр. Использование этих практик и отношение к ним по принципу «я – хорошо, другие – плохо» приводило к легитимации подобных феноменов.

Поступила в редакцию / Submitted: 11.06.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.05.2022

References

- Avdeeva, O.A., and Avdeev, V.A. “Antikorrupsionnoe zakonodatel'stvo Rossii: retrospektivnyi analiz formirovaniya mekhanizma pravovogo vozdeistviya.” *Lex Russica*, no. 1 (2020): 59–69 (in Russian).
- Aznabaev, B.A. *Pravonarusheniya sluzhashchikh dvoryan Orenburgskogo korpusa vo vtoroi polovine XVIII veka: Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021 (in Russian).
- Bychkova, S.B. “Gosudarstvenno-pravovye mery protivodeistviya vzyatochnichestvu v Rossii (XV – nachalo XX vv.)” PhD diss. N. Novgorod, 2015 (in Russian).
- Dmitriev, I.I. *Vzglyad na moyu zhizn': zapiski deistvitelnogo tainogo sovetnika Ivana Ivanovicha Dmitrieva*. Moscow: V. Got'e Press, 1866 (in Russian).

⁶⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 136.

- Dobrynin, G.I. *Istinnoe povestvovanie, ili Zhizn' Gavriila Dobrynina, im samim pisannaya v Mogileve i v Vitebske. 1752–1823*. St. Petersburg: Pechatnya V.I. Golovina Publ., 1872 (in Russian).
- Faizova, I.V. *'Manifest o vol'nosti' i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii*. Moscow: Nauka Publ., 1999 (in Russian).
- Fonvizin, D.I. *Sobranie sochineniy*. Moscow; Leningrad: Gos. Izd-vo Khudozhestvennoi Literatury, 1959 (in Russian).
- Golovanova, E.I. "Pravovye osnovy bor'by s korruptsiei v Rossii v XVI–XIX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie)." PhD diss. Moscow, 2002 (in Russian).
- Gushcheva, N.V. "Otvetstvennost' chinovnikov za dolzhnostnye prostupki i prestupleniya po russkomu dorevolutsionnomu zakonodatel'stvu v XIX – nachale XX veka." PhD diss. N. Novgorod, 2006 (in Russian).
- Klyuchevskii, V.O. *Kurs russkoi istorii*, vol. 4, part 4 of *Sochineniya*. Moscow: Mysl Publ., 1989 (in Russian).
- Korchmina, E.S. " 'V chest' vzyatok ne davat': 'pochest' i 'vzyatka' v poslepetrovskoi Rossii." *Rossiiskaya istoriya*, no. 2 (2015): 3–13 (in Russian).
- Lotman, Yu.M. *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii rus. dvoryanstva (XVIII – nach. XIX v.)*. St Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 1994 (in Russian).
- Marasinova, E.N. *'Prikl'yucheniya, v svete byvayushchie': Epizody povsednevnoi zhizni provintsial'nogo dvoryanina vtoroi poloviny XVIII veka (po Polnomu sobraniyu zakonov Rossiiskoi imperii): Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provintsial'noi Rossii XVIII veka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012 (in Russian).
- Marasinova, E.N. *Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII veka. (Po materialam perepiski)*. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).
- Martynenko, A.V., Mileshina, N.A., and Potapova, L.A. "Protivodeistvie korruptsii v Rossiiskoi imperii pervoi poloviny XIX stoletiya." *Manuskript*, no. 11 (2020): 30–34 (in Russian).
- Metushevskaya, T.I. "Pravovoi status gosudarstvennogo sluzhashchego v Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX vv." PhD diss. Moscow, 2007 (in Russian).
- Petrovskii, I.V. "Etos rossiiskogo chinovnichestva." PhD diss. St. Petersburg, 2013 (in Russian).
- Pisar'kova, L.F. "K istorii vzyatok v Rossii (po materialam «sekretnoi kantselyarii» kn. Golitsynykh pervoi poloviny XIX v.)." *Otechestvennaia istoriia*, no. 5 (2002): 33–49 (in Russian).
- Pisar'kova, L.F. "Rossiiskii chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v." *Chelovek*, no. 3 (1995): 147–158 (in Russian).
- Pisar'kova, L.F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII – do kontsa XVIII v.: Evolyutsiya byurokraticheskoi sistemy*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Plekh, O.A. "Dolzhnostnye prestupleniya v mestnom apparate upravleniya pervoi poloviny XIX v. (na materialakh Vologodskoi gubernii)." *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2015): 13–29 (in Russian).
- Plekh, O.A. "Korruptsiya v mestnom upravlenii pervoi poloviny XIX v. (na materialakh Vologodskoi gubernii)." *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 6 (2015): 766–777. doi: 10.7256/2222-1972.2015.6.16972 (in Russian).
- Shcherbatov, M.M. *O povrezhdenii nravov v Rossii*. Moscow: TsBNTI Press, 1991 (in Russian).
- Solov'ev, S.M. *Sochineniya*, vol. 14. Moscow: Mysl' Publ., 1994 (in Russian).
- Sverdlov, M.B. "D.I. Fonvizin o rossiiskoi gosudarstvennosti vtoroi poloviny XVIII v. i ob istoricheskoi nauke." *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 1 (2014): 60–80 (in Russian).
- Troitskii, S.M. *Russkii absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: formirovanie byurokratii*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Vigel', F.F. *Zapiski*, vol. 1. Moscow: Krug Publ., 1928 (in Russian).
- Zaionchkovskii, P.A. *Pravitel'svennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v.* Moscow: Mysl' Publ., 1978 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Павел Сергеевич Муравлев, магистр истории, аспирант кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; muravlevpavel13@gmail.com

Pavel S. Muravlev, Master of History, Postgraduate Student of the Russian History Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6, Miklukho-Maclaya St., Moscow, 117198, Russia; muravlevpavel13@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-288-299>

Научная статья / Research article

Доставка музейных коллекций в СССР в период санкций: опыт Музея антропологии и этнографии 1920-х гг.

Игорь Юрьевич Котин , Нина Георгиевна Краснодембская ,
Елена Станиславовна Соболева

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) имени Петра Великого РАН,
Санкт-Петербург, Россия

 igorkotin@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются обстоятельства доставки в Петроград (Ленинград) коллекционных сборов А.М. и Л.А. Мервартов – участников Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. По завершении экспедиции эти предметы оказались на временном хранении в чайных складах в Коломбо, в подвалах музеев Мадраса и Калькутты, в Государственном дальневосточном университете во Владивостоке. Авторы рассматривают политические условия и пути возвращения имущества Академии наук. Организация возвращения индийских коллекций в 1921–1924 гг. стала поводом для разработки модели взаимодействия молодого Советского государства с Великобританией. Предложенные академиком Ф.И. Щербатским формулировки позволили урегулировать дипломатические конфликты, связанные с конфискацией в Советской России собственности иностранных (британских) подданных, и мешавшие возвращению этнографических коллекций в Россию. Международное сотрудничество ученых способствовало транспортировке экспонатов в академический Музей антропологии и этнографии (МАЭ). Усилиями многих выдающихся ученых (С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской), политических деятелей (Г.Д. Красинский и Л.Б. Красин), при поддержке британских политиков и администраторов (лорд Дж. Н. Керзон, Э. Барнс, Ф.Х. Грейвли) к 1925 г. большая часть коллекций была доставлена в Петроград, что позволило и Мервартам вернуться в МАЭ и приступить к экспонированию и изучению уникальных материалов, составивших славу РАН.

Ключевые слова: этнографическая индология, советская наука, советская культура, Министерство иностранных дел

Благодарности и финансирование: Авторы благодарят М.В. Хартанович за информацию о материалах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, связанных с историей возвращения в Советскую Россию коллекции Мервартов.

Для цитирования: Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Доставка музейных коллекций в СССР в период санкций: опыт Музея антропологии и этнографии 1920-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 288–299. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-288-299>

Delivery of Museum Collections to the USSR in the Period of Sanctions: Experience of the Museum of Anthropology and Ethnography in the 1920s

Igor Yu. Kotin , Nina G. Krasnodembskaya , Elena S. Soboleva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

 igorkotin@mail.ru

Abstract: The article examines the circumstances and history of delivery to Russia of ethnographic collections by the First Russian Expedition to Ceylon and India (1914–18). These items were stored at Russian Tea Firm Gubkin & Co warehouses in Colombo, Government Museum (Madras) and

Indian Museum (Calcutta), at the State Far Eastern University (Vladivostok) until 1925. The authors consider political conditions and ways of protection of the Academy of Sciences property in the 1920s. The Indian collections in 1921–24 became the pretext for the working out a model of interaction between the young Soviet state and Great Britain. The arguments proposed by Academician F.I. Stcherbatsky made it possible to resolve diplomatic conflicts related to the confiscation of the property of British subjects in the Soviet Russia. In 1923–24 international cooperation of scientists facilitated the transportation of Indian exhibits to the academic Museum of Anthropology and Ethnography (MAE). By 1925, most of the collections had been delivered to Petrograd, the Meerwarths returned to the MAE.

Keywords: ethnographic Indology, Soviet science, Soviet culture, Ministry of Foreign Affairs

Acknowledgements and Funding: The authors thank M.V. Khartanovich for a valuable suggestion to get acquainted with the materials of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences related to the history of the return of the Meerwarth's collection to Soviet Russia.

For citation: Kotin, I.Yu., Krasnodembskaya, N.G., and Soboлева, E.S. "Delivery of Museum Collections to the USSR during the Period of Sanctions: The Experience of the Museum of Anthropology and Ethnography in the 1920s." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 288–299. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-288-299>

Введение

Авторы данной статьи, изучающие наследие экспедиции Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мерварт, отправленных Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого Императорской академии наук (далее – ИАН) в Южную Азию для сбора этнографических коллекций¹ с мая 1914 г. по апрель 1918 г.², впервые поднимают заявленную тему благодаря обнаруженным уникальным материалам из Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), которые впервые вводятся в научный оборот.

Как выясняется из документов, обретение собранных экспедицией экспонатов, оказавшихся разбросанными по миру, вылилось в настоящую эпопею и потребовало огромных усилий от исполнителей этой сложной задачи.

Возвращение участников экспедиции и их коллекционных сборов в сложных условиях разрухи и кризиса Первой мировой войны и революционных событий в России стало возможным только благодаря взаимодействию равнодушных к судьбе науки людей, в числе которых были руководители МАЭ (директор академик В.В. Радлов, старший этнограф Л.Я. Штернберг), знаменитые ученые (академики С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, Е.Ф. Карский, А.Е. Ферсман, Н.К. Никольский, И.Ю. Крачковский, профессора В.И. Огородников, А.Н. Криштофович, востоковеды Б.С. Серебряков, В.И. Иванов), политики (Л.Б. Красин, лорд Д. Керзон), путешественники (Г.Д. Красинский, В.К. Арсеньев).

Свою роль сыграли также государственные учреждения: Наркомпрос (НКП), Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), Наркоминдел (НКИД), Наркомат внешней торговли (НКВТ), Наркомтранс (НКТ), Наркомпуть (НКПС), Добровольный флот (Доброфлот), Государственное Балтийское Пароходство, Главное таможенное управление, Петроградская портовая таможня, Главное управление чайной, кофейной и цикорной промышленности (Часуправление) ВСНХ, Государственный дальневосточный университет (ГДУ) и др.

Командировка Мервартов была продлена ИАН еще на два года 22 марта (4 апреля) 1916 г.³, но подтверждения дальнейшего продления их статуса в Индии и ново-

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1. 1914. Д. 8. Л. 20–23.

² Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб., 2018.

³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–17.

го финансирования экспедиции Мерварты не получили. Они сочли себя вправе покинуть Индию 26 июля 1918 г., практически без вещей⁴. Коллекции остались в Коломбо (на складе часторговой фирмы «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов, и Ко.»), в Государственном музее (the Government Museum) в Мадрасе и Индийском музее (the Indian Museum) в Калькутте. В 1918 г. связь МАЭ с сотрудниками, отправленными в экспедиции, прервалась до 1920 г.

В письме от 22 февраля 1920 г. из Владивостока, которое с оказией достигло МАЭ, А.М. Мерварт сообщал, где им пришлось оставить коллекции (200 ящиков). Сообщалось, что в 1919 г. 11 ящиков им привез из Калькутты Б. Серебряков⁵. Авторы статьи полагают, что речь идет о Борисе Степановиче Серебрякове (1893 г.р.), служившем с 1914 г. на кафедре китайской словесности факультета Восточных языков Петербургского университета. В мае 1913 г. он покупал для МАЭ экспонаты в Китае⁶.

А.М. Мерварт убеждал руководство Музея срочно принять все меры, чтобы спасти научный материал. Он сам выражал готовность вернуться пароходом через Индию и по пути забрать коллекции, заметив, что НКВД в курсе дела и что Уполномоченный Советского Правительства телеграммой предлагал ему выехать в Москву⁷, но тогда это было невозможно⁸.

Транспортировка цейлонских коллекций

Первые ящики с этнографическими коллекциями Мерварты отправили с Цейлона 14/27 июня 1914 г. на пароходе «Воронеж»⁹. Их выгрузили в Александрии, но в коносаменте Доброфлота этот груз не значился¹⁰. 6 февраля 1915 г. Мерварты сообщали, что еще 25 ящиков лежат в Коломбо¹¹. 18 апреля 1915 г. Л.Я. Штернберг просил Правление Доброфлота передать груз на хранение в таможенную¹², чтобы Императорское российское консульство в Александрии отправило его пароходом в Одессу. Все расходы по хранению ящиков в египетских завозных складах, таможенному оформлению и транспортировке МАЭ обязался оплатить¹³. Узнав 30 ноября 1915 г. о предстоящей продаже с аукциона принадлежащих ИАН четырех ящиков с этнографическими коллекциями по коносаменту за №14, 23 января 1916 г. директор МАЭ просил директора-распорядителя Доброфлота отправить их в Порт-Саид до окончания войны¹⁴.

Экспедиция Мервартов была организована на средства Попечительного Совета МАЭ, но с началом Первой мировой войны внебюджетные средства перестали поступать. Последнее отношение Доброфлота № 3857 о грузе датировано 22 сентября 1916 г.¹⁵ В 1922 г. руководство РАН подняло вопрос о ящиках, застрявших в Порт-Саиде¹⁶, но обнаружить их не удалось.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 160. Л. 382.

⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–58.

⁸ Там же. Д. 3. Л. 110.

⁹ Там же. Д. 67. Л. 225–232 об.

¹⁰ Там же. Д. 69. Л. 19.

¹¹ Там же. Д. 70. Л. 5.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 69. Л. 122.

¹³ Там же. Л. 123.

¹⁴ Там же. Л. 242 об. – 243.

¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 88.

¹⁶ Там же. Д. 5. Л. 12.

Доставка коллекций из Калькутты

Первую часть коллекции удалось получить из Индии при содействии представителя РАН в Лондоне и при помощи Балтийского пароходства¹⁷.

На основании писем Мерварта Непременный секретарь РАН академик С.Ф. Ольденбург просил решить вопрос востребования коллекций выдающегося индолога Ф.И. Щербатского, командированного с советской кооперативной делегацией для ведения переговоров о налаживании торговли между РСФСР и Великобританией¹⁸, помочь в решении вопроса о возвращении коллекций. Главой делегации, полпредом и торгпредом в те годы был Л.Б. Красин.

Коллекции Мервартов оказались поводом для поисков решения принципиальных вопросов российско-британского сотрудничества. 10 января 1921 г. Ф.И. Щербатской направил в Министерство по делам Индии (India Office) официальный запрос относительно груза, оставленного в Индийском музее. Запрос передали во внешнеполитическое ведомство (Foreign Office)¹⁹.

Индийский музей был обеспокоен состоянием оставленных у них русской экспедицией коллекций, занимавших много места, и неоднократно просили служившего в Азиатском обществе Бенгалии востоковеда В.И. Иванова забрать их²⁰. 25 мая 1921 г. о сложившейся ситуации В.И. Иванов уведомил Л.Я. Штернберга в надежде, что письмо дойдет до адресата²¹, а 6 февраля 1922 г. – Ф.И. Щербатского, заметив, что сам он не имел ни прав, ни денег на подобные действия²².

Ф.И. Щербатской в письме Штернбергу от 7 марта 1922 г. нашел оригинальное решение проблемы:

Я много раз писал в Академию о судьбе коллекций Мерварта, не знаю, все <ли> мои записки дошли. В последней я сообщал о конечной фазе, когда лорд Кэрзон, упирал на букве трактата, заключенного с Красиным, и решил удерживать коллекции, как залог соответствующих требований британских подданных к России.

Оказывается, это ничуть не мешает нам получить коллекции, если дело будет ведено частным порядком, т.е. если у меня будет на руках доверенность от Мерварта на получение коллекции, и если делегация выдаст средства на перевозку около 159 ф. ст. для меня.

Похоже, я могу здесь застрять сам, нужны только личная доверенность от Мерварта, или даже от Музея мне, а ведь меня снабдили бумагой от Н.К. Отдела к Красину, отчего дело получило совсем другой характер. Я хотел всячески поставить его и тут на частную почву, но помешал Клышко²³.

Итак, пришлите соответствующие документы, и я дело движу²⁴.

16 мая 1921 г. Совет МАЭ избрал сотрудника Центрального географического музея К.И. Савича научным сотрудником без содержания с тем, чтобы командировать его с 1 июня по 1 сентября 1921 г. для разыскания во Владивостоке и других пунктах коллекции Мервартов и привоза ее в МАЭ²⁵.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 110.

¹⁸ Там же. Д. 69. Л. 348–349.

¹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

²⁰ Иванов В.А. Автобиографическая справка Владимира Алексеевича Иванова (предисловие, публикация текста и примечания О.Ф. Акимовской) // Петербургское востоковедение. 2002. Вып. 10. С. 446–455.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–5 об.

²² Там же. Д. 8. Л. 5.

²³ Секретарь делегации Н.К. Клышко сорвал предлагаемый договор с фирмой Thomas Cook & Son.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

²⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169. Л. 26.

Государственный секретарь британской администрации в Индии Х. Шарп из Шимлы 5 мая 1921 ставил в известность помощника Государственного секретаря по делам Индии в Лондоне (здесь и далее пер. с англ. яз. – *И.К., Н.К., Е.С.*):

Со ссылкой на письмо г-на Бэйна № RD (и) S. 439/21 от 21 января 1921 года я должен сказать, что 1 марта 1918 года д-ру А. Мерварту было разрешено попечителями Индийского музея в Калькутте поместить в складах Музея 84 упаковки, в которых, как утверждается, содержатся этнографические коллекции и книги. Было решено, что ящики будут впоследствии переданы доктору Мерварту или кому-либо еще, кому он или Этнографический музей в Петрограде могут дать полномочия для доставки. 8 февраля 1919 г. прибыл некий г-н Борис Серебряков с письмом д-ра Мерварта и забрал 12 ящиков. В настоящее время в складах осталось 70 ящиков, один пакет и один неупакованный образец. У Индийского музея нет никаких данных об этой собственности, и я должен попросить доктора Мерварта организовать досрочное изъятие коллекции, связавшись напрямую или через своего ответственного представителя с попечителями Индийского музея²⁶.

Ф.И. Щербатскому это письмо переслали 18 ноября 1921 г., и в тот же день он известил С.Ф. Ольденбурга о необходимости принятия срочных мер²⁷. Усилия Щербатского тормозились и в силу непростой ситуации в советских представительствах в Лондоне. 14 и 22 ноября 1921 г. Ф.И. Щербатскому ответили, что британский МИД решил, ввиду неудовлетворенных требований британских подданных в отношении частной собственности в России, что частная собственность российских граждан не должна передаваться, пока общие договоренности между Великобританией и Россией не будут урегулированы по всем взаимным претензиям.

Руководство МАЭ выразило сожаление, что в сложившейся ситуации не принималось никаких дальнейших действий в отношении освобождения имущества А.М. Мерварта, хранящегося в Индийском музее в Калькутте²⁸.

На это решение Ф.И. Щербатской отреагировал письмом на имя секретаря Министерства по делам Индии:

Ссылаясь на Ваше письмо от 22 ноября 1921 года (C & R 7644/21), я прошу Вас обратить внимание на тот факт, что этнографические коллекции, принадлежащие Российской Академии наук, ни в коем случае не являются частной собственностью доктора А. Мерварта, что, кажется, признало Министерство иностранных дел. На самом деле они являются собственностью доктора А. Мерварта не больше, чем коллекции, скажем, Британского музея являются частной собственностью хранителей, в ведении которых они находятся.

В дополнение к этому очевидному факту, если, тем не менее, возникают сомнения в том, могут ли рассматриваемые объекты быть перепакованы или нет, я позволю себе представить следующие соображения:

- 1) Коллекции были составлены среди примитивных племен Индии, их рыночная ценность в Англии практически никакая;
- 2) Их научная ценность заметна только в Петрограде, поскольку британские и другие ведущие континентальные музеи уже имеют аналогичные коллекции и не хотят больше таковых.
- 3) Из информации, представленной Индийским музеем в Калькутте, ясно, что попечители стремятся избавиться от ящиков, которые в настоящее время находятся под их надзором, потому что их содержание сопряжено с трудностями и ответственностью.
- 4) И последнее, что не менее важно, я прошу выразить свою убежденность в том, что, каким бы обидам ни подвергались британские подданные в России и какие бы потери они ни понесли, я твердо верю, что правительство Его Величества никогда не будет всерьез думать об исправлении этих ошибок и потерь посредством лишения нашей Академии наук ее научных коллекций. Я, сэр, Ваш самый покорный слуга Щербатской, академик Академии наук, Петроград²⁹.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

²⁷ Там же. Л. 100–101об.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 4.

29 ноября 1921 г. Совет МАЭ уполномочил академика Ф.И. Щербатского принимать все необходимые меры для получения и транспортировки этнографических коллекций д-ра Мерварта³⁰. 7 декабря 1921 г. директор МАЭ академик Е.Ф. Карский доложил о ситуации С.Ф. Ольденбургу:

В настоящее время, как сообщает академик Ф.И. Щербатский из Лондона, английское правительство обещало оказать содействие к эвакуации коллекций, но для перепакровки коллекций и безопасной транспортировки их необходимо личное участие гг. Мервартов и, следовательно, приезд их в Индию. На расходы по переезду членов экспедиции в Индию и оттуда в Петроград и транспорт коллекций необходима сумма в 500 ф. ст. Ввиду крайней ценности собранных экспедицией коллекций и материалов Академия просит телеграфно сообщить советской делегации в Лондоне о предоставлении таковой суммы в распоряжение академика Щербатского, который возьмет на себя заботы как по переезду Мерварта в Индию, так и по транспорту коллекций. Вместе с тем Академия считает нужным указать, что возвращение Мерварта в Россию необычайно ценно не только в научном отношении. Мерварт в настоящее время лучший знаток жизни и дел как Южной Азии, так и Дальнего Востока³¹.

Торговые отношения с Россией, теперь уже советской, постепенно возобновились. Предложенное Ф.И. Щербатским решение проблемы коллекций МАЭ сработало. 3 мая 1923 г. Л.Б. Красину сообщили из НКВТ, что из Лондона в Петроград на пароходе «Синеус»³² прибыли в РАН три ящика книг и этнографические коллекции из Индии, возвращенные благодаря его содействию³³. Канцелярия Конференции РАН просила Л.Б. Красина телеграфом дать распоряжение о таможенном оформлении и освобождении груза Портовой таможней. 17 ящиков из 71 там были вскрыты как «актовые», то есть как прибывшие с повреждениями, и осмотрены в специальном помещении³⁴. Вес брутто груза из Индийского музея составил 280 пудов. Его доставили 12 июня 1923 г. с Гутуевской таможни на шести подводах в здание бывшей Кунсткамеры, где 14–16 июня 1923 г. произвели таможенный и цензурный осмотр³⁵. 7 июля 1923 г. были сняты таможенные печати. 9–24 июля велась распаковка и очистка от упаковочного балласта. Эту работу выполнила, вероятно, Е.М. Кубиш. Именно она вела иностранную переписку МАЭ³⁶ о возвращении коллекций. Общему Собранию РАН доложили 1 сентября 1923 г., что в МАЭ разборка закончена и списки вещей составлены³⁷. Их регистрацию отложили до приезда собирателей³⁸.

Доставка коллекций из Коломбо и Мадраса

17 июня 1922 г. суперинтендант Ф.Х. Грейвли просил директора МАЭ о скорейшем вывозе коллекций Мервартов из Государственного музея в Мадрасе. 28 июля 1922 г. Историко-филологическое отделение (далее – ИФО) РАН постановило: 1) копию письма сообщить академику Ф.И. Щербатскому; 2) просить Главнауку принять срочные меры в охране коллекций; 3) просить администрацию музея в Мадрасе принять временно возможные меры охраны³⁹.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 8–9.

³¹ Там же. Л. 10–10 об.

³² Пароходы под названиями «Синеус» («Синус») в судовых реестрах 1923 г. не обнаружены.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

³⁴ Там же. Л. 29.

³⁵ Там же. Ф. 142. Оп. 1. 1923. Д. 3. Л. 60.

³⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. 1921. Д. 17. Л. 8.

³⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. Л. 29.

³⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 81–84.

³⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 170. Л. 220.

30 августа 1922 г. С.Ф. Ольденбург уверил Грейвли, что РАН примет все меры, чтобы доставить эти коллекции в Россию как можно скорее, но с учетом возможных препятствий просил принять их временно под свою опеку, чтобы предотвратить их уничтожение⁴⁰. В ответе из Мадраса в октябре 1922 г. содержалась информация о том, что ящики нуждались в пересмотре компетентным лицом⁴¹. С.Ф. Ольденбург писал в Конференцию РАН 21 ноября 1922 г.⁴² и в Петроградское Отделение Главнауки 22 ноября 1922 г., что нельзя допустить, чтобы эти коллекции, на добывание которых потрачены огромные средства и усилия, пропали для России и для науки⁴³. Чтобы забрать и перепаковать ящики и доставить 2 тонны груза морским путем, требовалось 335 ф. ст.

НКВД поручил это задание Г.Д. Красинскому – уполномоченному НКПС по проведению первого пароходного рейса Петербург – Владивосток. 6 марта 1923 г. для него было подготовлено Удостоверение для предъявления в Бомбее, Мадрасе, Коломбо, Александрии⁴⁴. С.Ф. Ольденбург 5 марта 1923 г. просил наркома просвещения А.В. Луначарского оказать ему содействие по получению разрешения на вывоз коллекций д-ра Мерварта из Индии и проф. Конрада из Японии и доставку их в Петроград⁴⁵.

4 июня 1923 г. МАЭ уполномочил Г.Д. Красинского получить в Коломбо 26 ящиков с этнографическими коллекциями и выразить глубочайшую признательность г-ну Титову, управляющему делами чаеоторговой фирмы, за просвещенное содействие русской науке в лице Академии наук и МАЭ⁴⁶. Оригинал письма Мерварта был передан Г.Д. Красинскому⁴⁷. 26 июля 1923 г. суперинтендант Государственного музея Эдвард Барнс отчитался о том, что на основании поручения № 484 от 8 марта 1923 г. Красинский 18 июля 1923 г. получил коллекции, перепакованные в 56 ящиков⁴⁸. 31 октября 1923 г. от имени РАН в Коломбо⁴⁹ было направлено благодарственное письмо. Аналогичное письмо было направлено и в адрес Барнса, где содержались слова благодарности:

...за все проблемы, которые Вы не побоялись взять на себя при хранении и поддержании в порядке этнографических коллекций Академии в течение времени, обстоятельства которого превзошли все ожидания⁵⁰.

Г.Д. Красинский получил, перепаковал и вывез коллекции в Сингапур, где сдал их на хранение и застраховал; пароход «Декабрист» забрал груз на обратном пути и доставил его в Петроград⁵¹. В Японии Красинскому никаких коллекций разыскать не удалось. Зато обнаружилась в Шанхае Чайная коллекция, собранная в 1917–1918 гг. экспедицией Временного правительства, идентификация которой вызывала немало вопросов.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 129–130.

⁴¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 170. Л. 236.

⁴² Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 5. Л. 12–13.

⁴³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 134–134 об.

⁴⁴ Там же. Л. 7, 10–15.

⁴⁵ Там же. Л. 6–6 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.

⁴⁷ Там же. Д. 3. Л. 99.

⁴⁸ Там же. Д. 4. Л. 138.

⁴⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 99.

⁵⁰ Там же. Л. 100.

⁵¹ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 106.

НКВД 26 июля 1923 г. потребовал документы, подтверждающие, что ящики являются частями коллекции Мервартов и принадлежат РАН⁵². В Канцелярии Конференции РАН не нашлось копий писем Мерварта от 18 сентября 1917 г. и Доброфлота⁵³. Очевидно, что оригиналы были использованы как доказательство прав на получение грузов.

20 октября 1923 г. зам. начальника Таможенного управления НКВД предложил Петроградской портовой таможне выпустить бесплатно груз с парохода «Декабрист»⁵⁴. Для таможенного осмотра 92 мест этнографических коллекций из Мадраса и Коломбо вновь был выделен зал в здании Кунсткамеры⁵⁵. Для получения же 14 ящиков чайных коллекций требовалось уплатить 30 руб. золотом, поскольку груз не был своевременно получен РАН⁵⁶. Лишь 12 апреля 1924 г. ящики были рассмотрены⁵⁷.

Г.Д. Красинский рапортовал Конференции РАН 31 октября 1923 г.:

...далась задача не легко. Связана была с большим напряжением, вызванным противодействием со стороны Британских властей. Я исчерпал, по-моему, все пути и способы апелляции к органам Британского правительства. Результатом же было – враждебное их отношение ко мне и к Миссии, мне порученной⁵⁸.

В докладной записке в НКВД от 15 октября 1923 г. Г.Д. Красинский сообщал, что в Египте, Индии и на Цейлоне при получении этнографических коллекций РАН он столкнулся с непонятно-враждебным отношением со стороны британских колониальных властей. О возложенном на него Академией Наук поручении были уведомлены представительства Великобритании в Европе, тем не менее, в Египте Красинскому не разрешили сойти на берег даже для получения почты⁵⁹.

Вторично под арестом я оказался в Мадрасе, куда прибыл 17-го июля из Сингапура. Я охранялся на борту парохода «Элленга», мне воспрещены были всякие сношения с берегом, и даже беседы мои с директором ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО музея должны были проходить в присутствии полицейского инспектора.

Формально я причин ареста не знал. Частным образом, он объяснялся тем, что я прибыл в Индию, несмотря на то, что мне было в визе отказано. Но это объяснение неверно, т.к.:

1) С Берлинским Генеральным Консулом я условился, что ответ на мое обращение за визой будет дан мне в Бомбее. В Бомбей мы не заходили, и никакого ответа, стало быть, получить я не мог.

2) Визу в Мадрас я имел. Дана была в Сингапуре 11-го июля. Условность ее (subject to control and consent of Indian authorities) факта не меняет⁶⁰.

Протесты Красинского не были пересланы в Москву. Более того, пароходная администрация выставила ему счет за содержание под арестом в Мадрасе, который он оплачивать отказался, считая, что арестовавшее его Правительство Индии должно нести и связанные с этим расходы. Он оценил корректное отношение властей в Сингапуре, хотя газета «Straits Times» 30 июля ложно сообщила, что он находится

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 125.

⁵³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 79.

⁵⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 278.

⁵⁵ Там же. Д. 3. Л. 118.

⁵⁶ Там же. Д. 2. Л. 69.

⁵⁷ Там же. Л. 121–122.

⁵⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 103.

⁵⁹ Там же. Л. 104.

⁶⁰ Там же. Л. 105.

под надзором полиции. Красинский намеревался выразить Британскому представителю в России г-ну Ходжсону закономерные юридические претензии:

1) Как объяснить поведение Египетских властей, лишивших меня возможности выполнить поручение Академии Наук.

2) Как объяснить поведение Индийских властей, произвольно арестовавших меня и не переславших даже протеста моему Правительству.

Я полагаю, что едва ли сможет мистер Ход[ж]сон сослаться на то, что действия колониальных властей не контролируются Британским Правительством, ибо:

1) Английская полиция, надевшая красные фески, не перестает быть английской.

2) Демонстрированная мне в пути циркулярного характера телеграмма, гласящая, что среди команды «Декабриста» находится «Джордж Давидович Красинский, большевистский агент, хорошо говорит по-английски» (комплимент, кстати, явно не заслуженный, – с очевидностью показывает, что нити всего дела сходятся где-то в Лондоне).

Попутно, касательно моего «большевизма». – Мистеру Ходжсону надо указать, что не следует чрезмерно доверять информаторам. Я – социал-демократ, меньшевик, всегда защищающий родные мне интересы Советской России⁶¹.

Вероятно, британцы не забыли об участии Г.Д. Красинского в революционной деятельности и тот факт, что в 1912–1913 гг. он скрывался в Англии⁶².

А.Е. Ферсман выразил сожаление по поводу образа действий британских колониальных властей в письмах в Главнауку и в НКИД⁶³. Общее собрание РАН выразило благодарность Г.Д. Красинскому 3 ноября 1923 г.⁶⁴ и ходатайствовало о благодарности перед НКПС, НКИД, НКВТ, Главнаукой⁶⁵. Возмещение же расходов затянулось. 1 ноября 1923 г. Правление РАН просило включить эту сумму в кредит 1924 г. (к 200-летию юбилею Академии наук)⁶⁶. 24 апреля 1924 г. Президиум РАН постановил уплатить 130 ф. ст. Гос. Балтийскому пароходству и 200 ф. ст. – Чаеуправлению, причем ввиду отсутствия средств разрешил возместить их 10 пудами чая⁶⁷.

Доставка коллекций из Владивостока

Основанный при участии Мервартов частный историко-филологический факультет в апреле 1920 г. был преобразован в Государственный дальневосточный университет. Мерварты оставили коллекции в здании ГДУ и поручили лично (без описи) ректору Подставкину. Еще 20 июня 1920 г. они надеялись перевезти в ГДУ индийские коллекции, но опасались, что тогда университет приобретет некоторое, хотя бы моральное право на пользование этими коллекциями и упоминания, и что такое временное положение легко имеет тенденцию стать постоянным⁶⁸.

По прибытии в Петроград коллекций из Индии и Цейлона руководство МАЭ начало хлопотать о переезде семьи Мерварт из Харбина, где они жили с осени 1922 г. по 10 августа 1923 г. соответствующие письма были направлена в НКИД, НКПС и Главное Таможенное Управление⁶⁹. Директор МАЭ Е.Ф. Карский 17 октября 1923 г. ходатайствовал о предоставлении командированным РАН Мервартам права и воз-

⁶¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 106–107.

⁶² О Г.Д. Красинском // Полярная почта. URL: <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=20&t=151&start=15> (дата обращения: 12.03.2022).

⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 101–101 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172. Л. 29 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 2. Оп. Д. 8. Л. 80–80 об.

⁶⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 239.

⁶⁷ Там же. Д. 2. Л. 146.

⁶⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–57.

⁶⁹ Там же. Д. 3. Л. 110.

возможности вернуться в Россию⁷⁰. 5 декабря 1923 г. Мерварты просили официально уведомить их относительно будущего статуса в МАЭ, жалования и условий проживания⁷¹. 20 июня 1924 г. Совет МАЭ избрал их научными сотрудниками 1-го разряда, а А.М. Мерварта – зав. Отделом Индии⁷².

В августе 1923 г.⁷³ вр.и.д. ректора ГДУ проф. А.В. Гребенщиков обнаружил коллекции Мервартов. В ноябре 1923 г. под контролем ректора ГДУ профессора В.И. Огородникова был произведен осмотр восьми ящиков общим весом до 30 пудов и четырех ящиков книг и рукописей весом до 25 пудов. Описи не было:

Все ящики были вскрыты самим гр-м Мервартом незадолго до его отъезда из Владивостока и в таком виде, прикрытые сверху кипами газетной бумаги, оставлены им в одной из университетских кладовых⁷⁴.

24 декабря 1923 г. директор МАЭ поблагодарил В.И. Огородникова, отметив, что предметы являются собственностью МАЭ, а Мервартов предупредили, что отправка коллекций осуществится соответственно маршруту их возвращения⁷⁵. Тарифный Комитет при НКПС разрешил бесплатный проезд семьи, теплушку для перевозки имущества большой скоростью, беспошлинный провоз экспедиционного и личного имущества после семи лет командировки⁷⁶. Выехав из Харбина 27 июня 1924 г., Мерварты прибыли в Ленинград 3 августа 1924 г.⁷⁷ МАЭ компенсировал им 100 руб. по счету за подготовку и доставку индийских коллекций⁷⁸.

10 сентября 1924 г. и 16 января 1925 г. С.Ф. Ольденбург просил ректора ГДУ переслать 12 ящиков в МАЭ⁷⁹. Опасаясь нареканий за целостность коллекции, он искал лучшие способы отправки груза. Доброфлот не имел прямого сообщения с Ленинградом (пароходы шли в Лондон или Одессу), а перевозка по железной дороге могла повредить предметам⁸⁰. В третьей телеграмме С.Ф. Ольденбурга от 18 марта 1925 г. говорилось, что в случае отсутствия ответа Академия будет вынуждена обратиться к центральной власти⁸¹. А.М. Мерварт считал самым безопасным способом перевозку морем⁸². 24 марта 1925 г. руководство МАЭ просило Главнауку войти в сношение с НКПС по вопросу о бесплатной перевозке научного груза от ст. Владивосток до Ленинграда⁸³. Член Геологического комитета проф. А.Н. Криштофович в апреле 1925 г. осмотрел ящики, нашел упаковку в полном порядке⁸⁴. Тарифный Комитет при НКПС удовлетворил 21 мая 1925 г. ходатайство АН СССР⁸⁵, и В.И. Огородников отправил груз 1 июля малой скоростью по железной дороге⁸⁶. 11 ящиков прибыли в МАЭ

⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1а. Д. 172. Л. 228 об.

⁷¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–6.

⁷² Там же. Л. 52.

⁷³ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 4. Л. 206 об.

⁷⁴ Там же. Л. 265–265 об.

⁷⁵ Там же. Д. 3. Л. 124.

⁷⁶ Там же. Д. 4. Л. 254.

⁷⁷ Там же. Д. 5. Л. 151.

⁷⁸ Там же. Д. 2. Л. 299.

⁷⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 80; Там же. Д. 10. Л. 4.

⁸⁰ Там же. Д. 10. Л. 17.

⁸¹ Там же. Л. 8.

⁸² Там же. Л. 37.

⁸³ Там же. Л. 38–38 об.

⁸⁴ Там же. Л. 63, 91.

⁸⁵ Там же. Л. 85.

⁸⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

30 октября 1925 г.⁸⁷ Тем временем 5 октября 1925 г. директор МАЭ просил В.К. Арсеньева, директора Хабаровского краеведческого музея, посодействовать всеми возможными мерами скорейшей отправке в Музей 12 ящиков⁸⁸.

А.М. и Л.А. Мерварт, а также помогавшая им Т.А. Корвин-Круковская разобрали и зарегистрировали экспонаты в МАЭ. Общее их количество превысило 5 тыс., фотоматериалов – 1,5 тыс.⁸⁹

Выводы

Материалы экспедиции Мервартов в МАЭ составили научную базу этнографической индологии. Организация перевозки коллекций в 1921–1924 гг. стала предметом дипломатического взаимодействия молодого Советского государства с зарубежными странами, прежде всего с Великобританией.

Как показало исследование, затруднений на этом пути было множество: логистические, финансовые, политические. Российская сторона столкнулась также с традиционным британским недоверием к России как сильному геополитическому конкуренту. Помогали российским участникам процесса их энтузиазм, пиетет к научному знанию, большой культурный опыт, уважение к деятельности сотрудников Музея антропологии и этнографии и к экспедиционному труду Мервартов.

Предложенные академиком Ф.И. Щербатским аргументы позволили урегулировать конфликты, связанные с конфискацией в Советской России собственности иностранных (британских) подданных, и, следуя ранней договоренности 1918 г., частная британская фирма благополучно вывезла из Калькутты в Европу коллекции Мервартов. Эту работу оплатило советское правительство.

Миссия уполномоченного Наркомпути Г.Д. Красинского тоже не обошлась без осложнений. Будущий полярник преодолел сопротивление британских чиновников. Отметим, что индийцы и служащие музеев в Индии всячески помогали возвращению коллекций законным владельцам. Во Владивостоке коллекции были сохранены благодаря безупречной честности В.И. Огородникова, А.Ф. Криштофовича, В.Г. Арсеньева и др. ученых.

Академик В.В. Радлов с 1895 г. добивался распространения льготных тарифов на оплату транспортировки коллекций в Академию наук, беспощинного пропуска таможенных грузов и цензурных процедур при получении отправок из-за рубежа⁹⁰. Советская власть в начале 1920-х гг. по-прежнему разрешала бесплатный проезд экспедиций и провоз багажа по льготному тарифу, отправку посылок весом до 1 пуда в адрес Академии наук, что помогло и самим Мервартам возвратиться домой.

В июне 1925 г. Конференция РАН признала экспедицию А.М. и Л.А. Мерварт в Индию, наряду с реконструкцией Музея антропологии и этнографии и его Индийской экспозиции, выдающимся событием в научном мире.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.01.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.03.2022

⁸⁷ СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8. Л. 86.

⁸⁸ Там же. Л. 70 об.

⁸⁹ Там же. Л. 1–2.

⁹⁰ *Соболева Е.С.* В.В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX – начало XX вв. // *Primus inter parus* (к 175-летию со дня рождения В.В. Радлова) / сост. и отв. ред. П. Матвеева, Е.А. Резван. СПб., 2015. С. 155–184.

References

- Iwanow, W.A. “Autobiography by Wladimir Alekseevich Iwanow (Edited and commented by O.F. Aki-mushkin).” In *Petersburgskoe Vostokovedenie*. Vol. 10 (2002): 446–455.
- Kotin, I.Yu., Krasnodembskaya, N.G., and Soboleva, E.S. *Ekspeditsiia MAE na Tseilon i v Indiyu v 1914–1918 gg. Istorii. Kollektii. Nauchnoe nasledie*. St. Petersburg: MAE Publ., 2018 (in Russian).
- Mervart, A.M. *Otdel Indii: Kratkii ocherk indiiskoi kul'tury po materialam Otdela Indii MAE*. Lenin-grad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1927 (in Russian).
- Soboleva, E.S., W.W. Radlov and a system of transportation of collections to the MAE (end of 19th – early 20th century).” In *Primus inter parus (to the 175th anniversary of W.W. Radlov)*, 155–184. St. Petersburg: MAW, 2015 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Игорь Юрьевич Котин, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; igorkotin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5751-7703>

Igor Yu. Kotin, Dr. habil. hist., Leading Researcher, Head of the Department of the South and South-West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; igorkotin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5751-7703>

Нина Георгиевна Краснодембская, д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник отдела Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; nigekrasno@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0193-3905>

Nina G. Krasnodembskaya, Dr. habil. hist., Leading Researcher of the Department of the South and South West Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; nigekrasno@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0193-3905>

Елена Станиславовна Соболева, канд. истор. наук, старший научный сотрудник отдела Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; soboleva@kunstkamera.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6137-0476>

Elena S. Soboleva, Ph.D. in History, Senior Researcher of the Department of the South and South West Asia, the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; soboleva@kunstkamera.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6137-0476>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Рецензия на книгу:
Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке /
под ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. Кызыл, 2021. 188 с.

Юрий Владимирович Попков

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия

✉ yuripopkov54@mail.ru

Для цитирования: Попков Ю.В. Рецензия на книгу: Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / под ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. Кызыл, 2021. 188 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 300–304. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Review of
Lamazhaa, Ch.K., and Suvandii, N.D., eds.
Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke
[*Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century*].
Kyzyl, 2021. 188 p.

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

✉ yuripopkov54@mail.ru

For citation: Popkov, Yu.V. Review of *Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke* [*Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century*] by Ch.K. Lamazhaa, and N.D. Suvandii, eds. Kyzyl, 2021. 188 p." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 300–304. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-300-304>

Рецензируемое издание подготовлено сотрудниками лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета под руководством Ч.К. Ламажаа в рамках исследовательского проекта «Тезаурис этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант РФФ № 21-18-00246). В работе дано описание традиционных обрядов *дагылга*, представляющих собой освящения родовых мест, значимых природных объектов, которые были проведены представителями одиннадцати родственных (родоплеменных) групп тувинцев в период с 2019 по 2021 гг. в разных районах Республики Тыва. Данные обряды начали проводиться в постсоветский период как часть процесса возрождения традиционной этнической культуры при опоре на воспоминания людей старшего поколения. В настоящее время они организуются при активном использовании современных цифровых технологий и инфор-

мационных ресурсов. Таким образом, можно говорить об определенной историко-культурной динамике рассматриваемого явления.

Книга посвящена описанию одного обряда в разных его проявлениях. В то же время в нем проявляются своеобразие культуры и особенности развития тувинцев как доминирующего населения Республики Тыва – оригинального, расположенного в географическом центре Азии, российского региона с неповторимой историей и политической судьбой. Как известно, Тува развивалась в составе России (Советского Союза) с 1944 г. До этого (с 1921 г.) была самостоятельной республикой, а еще раньше, на протяжении длительного периода, находилась в зоне влияния разных империй – Монгольской, Китайской (Цинской), Российской. Несмотря на воздействие могущественных держав, тувинский народ сумел сохранить свою культурную самобытность вплоть до настоящего времени.

Научная новизна и ценность публикации состоит в том, что вводятся в научный оборот оригинальные материалы современной обрядности тувинцев, характеризующие яркие проявления феномена этнокультурного неотрадиционализма¹. Помимо темы обрядности, здесь также рассматривается связанная с ней проблематика родоплеменных объединений тувинцев, их идентификации, системы родства в течение XX в. Если преобладающая часть тувинских историков, этнографов и культурологов, рассуждая о традициях, говорит в основном об их утрате, то руководитель проекта Ч.К. Ламажаа во введении книги делает четкий вывод: «*Дагылга* не только был, но и остается важнейшим элементом тувинской этнической культуры, объектом нематериального культурного наследия тувинцев» (С. 6).

В отечественной и мировой науке подход в исследовании аналогичных проблем является более комплексным и масштабным; он учитывает, в том числе, и воздействие на соответствующее проблемное поле новой виртуальной реальности². Рецензируемая работа лежит в русле этого глобального тренда.

По своему жанру издание является научно-популярным. Поэтому кроме введения нового эмпирического материала авторы ставят своей задачей популяризацию соответствующих знаний среди населения, информирование его об особенностях проведения обряда разными группами родственников и в разных районах Тувы. Этому способствует не только характер описания и содержание материала, но и его подача, а также оформление всей книги. Она издана в полноцветном формате сразу на двух языках (русском и тувинском), что особенно ценно, поскольку в республике доминирует, как отмечалось, тувинское население (по итогам переписи 2010 г. оно составляло 82 % от общей численности). Абсолютное большинство тувинцев знают свой родной язык и говорят на нем, а для некоторых сельских жителей проблемой является знание русского языка.

Представленные в книге описания сопровождаются словарем терминов и снабжены приложениями, в которые вошли: фотографии с проведенных обрядов, библиография основных научных трудов о *дагылга*, а также выписка из паспорта «*Дагылга* как объект нематериального культурного наследия народов Республики Тыва». В нем, в частности, дается общее краткое описание обряда и характеристика его современного состояния. Заметим, что работа над данным паспортом была проведена в рамках сотрудничества лаборатории этнологии и лингвокультурологии с Центром развития тувинской традиционной культуры и ремесел, координирующим

¹ Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020.

² См.: специальную тему номера журнала «Этнографическое обозрение», посвященную вопросам антропологии киберпространства и цифровых технологий и заглавную статью ответственного редактора: Соколовский С.В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 5–22.

усилия по составлению республиканского перечня объектов нематериального культурного наследия. Абсолютно новым для подобного рода изданий является то, что текст иллюстрирован не только фотографиями, но и видеозаписями фрагментов обряда, которые можно просмотреть с помощью сканирования QR-кодов (сами записи хранятся на видеоканале лаборатории в YouTube.com).

Для специалистов и всех интересующихся подробным описанием обряда *дагылга* в разных его вариантах можно порекомендовать прочтение самой книги. Я же далее хотел бы акцентировать внимание на значимости и основных составляющих новизны проведенного исследования, ориентируясь на критерии так называемой «новой этнографии», активно разрабатываемой в настоящее время группой ученых под руководством А.В. Головнева³.

Во-первых, исследование ориентировано на изучение не столько прошлого обряда *дагылга*, сколько его современной, актуальной жизни, то есть той формы, в которой он реально существует как неотрадиция. Тем самым восполняется серьезный пробел в тувиноведении: нынешнее бытование *дагылга*, в проведении которого сейчас участвуют многие родственные группы тувинцев, в том числе и сами ученые (историки, культурологи, этнографы), до последнего времени оставалось вне научного анализа исследователей (с. 4).

Во-вторых, сам подход базируется на единстве фундаментальных и прикладных разработок, в рамках которого реальные практики оказываются исходным источником научного творчества. При этом феномен этничности (этнуса) рассматривается в качестве существующего явления действительности, не сводится к идентичности и не воспринимается как всего лишь некоторый познавательный инструмент, аналитическая категория, о чем пишет, например, М. Якоубек⁴.

В-третьих, исследование ведется с использованием методов так называемой киберэтнографии и с учетом влияния на анализируемые процессы современных цифровых технологий⁵, о чем руководитель проекта также писала в своей статье⁶. В этом отношении работа находится в русле актуальных направлений мировой этнологической науки. Здесь можно сослаться на исследование по схожей проблеме у народов Меланезии⁷.

В-четвертых, особенно важно и ценно то, что авторы сделали описание обряда не из книжек и не из рассказов других людей (информантов). Они использовали свои полевые материалы, но выступили при этом не сторонними наблюдателями, а будучи сами носителями данной культуры, испытывающими потребность в таких обрядах, приняли в них непосредственное участие.

Таким образом, можно констатировать использование в ходе проведенного анализа комплекса методов, в том числе включенное наблюдение с применением ресурсов популярных ныне индигенных исследований. Здесь стоит дополнительно заметить, что представители данного научного коллектива имеют двустороннее взаимодействие с так называемым объектом исследования. Они не просто приняли участие в обряде, описали его, издали книгу и занялись популяризацией полученных результа-

³ Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Куссер Т.С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108; Головнев А.В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 6–24.

⁴ Eriksen, H. T. and Jakoubek, M., eds. *Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years*. Routledge, Oxon, 2019. P. 169–186.

⁵ Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Куссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН. 2021. 280 с.

⁶ Ламажсаа Ч.К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129.

⁷ Hobbs G. *The Digitizing Family. An Ethnography of Melanesian Smartphones*. Switzerland, 2020. XI + 225 p.

тов. Авторы передали большую часть тиража книги библиотекам республики, в разные научные центры, а также тем родственным группам, которые проводили обряд. В настоящее время, как нам известно, они получают обратную связь в разных видах – благодарность, одобрение, а также и критику. Таким образом, речь идет о новых подходах и механизмах в рамках самих индигенных исследований⁸.

Поскольку, как можно понять из текста книги, ее главная задача состояла не в аналитике, а в подробном, иногда кажущемся даже излишне подробном описании обряда в разных его вариантах, то авторскому коллективу и его руководителю хотелось бы пожелать на будущее: во-первых, провести углубленный анализ устойчивости и обосновать роль и значение *дагылга* для разных групп тувинцев в современных условиях, то есть продолжить работу, начатую в недавно опубликованной в ведущем по рассматриваемой тематике отечественном журнале «Этнографическое обозрение»⁹. Во-вторых, в качестве важных направлений исследования иметь в виду не только подробное описание всего процесса прохождения подготовки, особенностей сбора, транспортировки людей и проведения самого обряда, но и содержательный научный анализ этого многосмыслового и чрезвычайно значимого для тувинцев и тувинской культуры комплекса символических действий, истоки которых уходят в далекую древность.

Представленные в рецензируемой книге подготовка и описание обряда *дагылга* – яркая иллюстрация происходящих трансформаций не только самой социокультурной реальности, но и существующих подходов, методов и инструментов ее научного познания. Современный мир – сложный, противоречивый, быстро меняющийся, в том числе под влиянием расширяющегося киберпространства – помимо разного рода угроз, создает невиданные ранее возможности для возрождения, сохранения и обновления старых этнокультурных традиций, которые оказываются весьма значимыми в жизни их современных носителей.

Представленная работа не только вносит важный вклад в современную историю народов России и, в частности, Тувы, современное тувиноведение и «новую этнографию», но и наверняка вызовет большой интерес со стороны населения – самых разных групп тувинцев. Кроме того, для многих из них описанный обряд может стать примером для подражания в реальной жизни. Тем самым, если в 1990-е гг. многие возрожденные традиции основывались на «старой этнографии», то есть классических работах историков и этнографов прошлого, то выход книги про *дагылга* может стимулировать расширение круга вовлеченных в традиционную культурную деятельность участников за счет ресурсов «новой этнографии».

Поступила в редакцию / Submitted: 09.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 05.03.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.03.2022

References

- Eriksen, H. T. and Jakoubek M., eds. *Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years*. Routledge, Oxon, 2019.
- Golovnev, A.V. “Novaia etnografiia Severa.” *Etnografiia*, no. 1 (2021): 6–24 (in Russian).
- Golovnev, A.V., Belorussova, S.Iu., and Kisser, T.S. *Virtual'naiia etnichnost' i Kiberetnografiia*. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2021 (in Russian).

⁸ Lamazhaa Ch. K. Indigenous Methodology and Research of Tuvan Culture // *Sibirica*. 2018. Vol. 17. № 3. P. 68–82.

⁹ Ламажжаа Ч.К. Тувинские обряды дагылга в XXI в. // *Этнографическое обозрение*. 2021. № 2. С. 125–143.

- Golovnev, A.V., Belorussova, S.Yu., and Kisser, T.S. “Veb-etnografiia i kiberetnichnost'.” *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no. 1 (2018): 100–108. [https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1\(58\)-100-108](https://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108)
- Hobbs, G. *The Digitizing Family. An Ethnography of Melanesian Smartphones*. Switzerland, 2020.
- Lamazhaa, Ch. K. Indigenous Methodology and Research of Tuvan Culture. *Sibirica* 17, 3 (2018): 68–82, <https://www.doi.org/10.3167/sib.2018.170307>
- Lamazhaa, Ch. K. “Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo.” *New Research of Tuva*, no. 2 (2021): 115–129, <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10> (in Russian).
- Lamazhaa, Ch.K. “Tuvinskie obriady dagylga v XXI v.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2 (2021): 125–143, <https://www.doi.org/10.31857/S086954150014811-2> (in Russian).
- Popkov, Iu.V., and Tiugashev E.A. *Etnokul'turnyi neotraditsionalizm i identichnost' v sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsiakh*. Novosibirsk: Izd-vo NGTU Publ., 2020.
- Sokolovskii, S.V. “Kiborgi v kiberprostranstve: sovremennye issledovaniia v oblasti kiber- i tsifrovoy antropologii.” *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1 (2020): 5–22, <https://www.doi.org/10.31857/S086954150008752-7> (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Юрий Владимирович Попков, д-р философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения РАН; 630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8; yuripopkov54@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>

Yuri V. Popkov, Dr. habil. philosophy, Professor; Chief researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia; yuripopkov54@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1036-9253>